Аркадий Арканов
Юрий Зерчанинов

Сюжет с немыслимым прогнозом

Сюжет с немыслимым прогнозом

То обстоятельство, что мы оказались соавторами данной шахматной книги, следует рассматривать как чистую случайность. И хотя в течение многих лет нас связывала необременительная житейская дружба, ни тому, ни другому и в голову не приходило, что однажды мы поделим авторский гонорар на двоих. Но незадолго до начала самого первого матча между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым мы были вовлечены в довольно странную историю, выбраться из которой поодиночке уже не знали как...

Аркадий Арканов и Юрий Зерчанинов, именуемые далее А. А. и Ю. З.

Аркадий Арканов
Юрий Зерчанинов

Сюжет с немыслимым прогнозом

(Белая и черная
шахматная книга)

МОСКВА
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
1988

ББК 75.581
А 82

Художник А. САЛЬНИКОВ

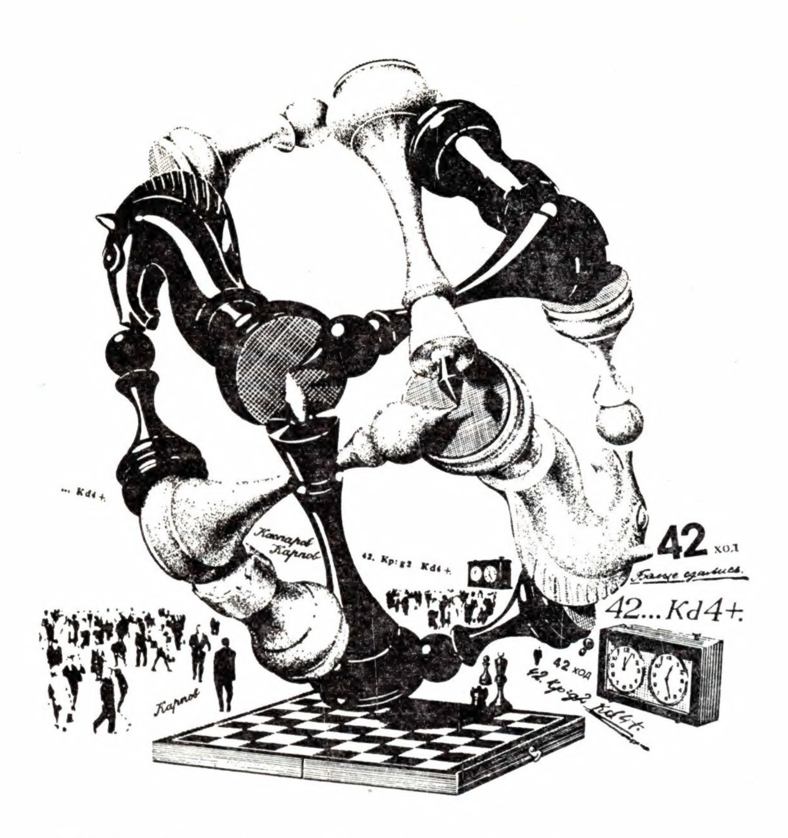
Арканов А. М., Зерчанинов Ю. Л.
А 82 Сюжет с немыслимым прогнозом. (Белая и черная шахматная книга).— М.: Физкультура и спорт, 1988.— 158 с., ил., вкл.
ISBN 5-278-00076-7

В своей книге А. М. Арканов и Ю. Л. Зерчанинов рассказывают, как они «включились» в борьбу за звание чемпиона мира между Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым. Для авторов этого художественно-публицистического повествования события в мире шахмат неотделимы от тех изменений, которые происходят в жизни нашего общества. Некоторые их суждения полемичны, спорны и не во всем совпадают с точкой зрения издательства.

Для широкого круга читателей.

А $\frac{4700000000-096}{009(01)-88}$ КБ28—60—1987 **ББК 75.581**

ISBN 5-278-00076-7

глава 1

А. А. Впервые я услышал его голос в телефонной трубке в одно раннее утро середины августа 1984 года. Сейчас я не берусь назвать точное число и день недели, так как звонку этому, да и последовавшим за этим звонком встречам с человеком, разбудившим меня в то августовское утро, честно говоря, поначалу значения не придал. Но если бы я знал, завязкой какого странно-занимательного сюжета явится этот телефонный звонок, то непременно запомнил бы и день, и число, и час, да и записал бы весь диалог дословно. Как говорят, для истории.

Я попросил его, помню, представиться и объяснить, с какой целью он хочет со мной встретиться. Он ответил, что личность его для меня не должна иметь существенного значения, что я могу называть его К. Л., а цель простая: он хочет задать несколько вопросов в связи с приближающимся началом «матча века». Под этим кодом уже с весны 1984 года проходил матч на первенство мира по шахматам между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Приняв его за одного из так называемых «чайников», я попытался отшутиться и по возможности закончить ненужный разговор. «Пожертвуйте десятью-пятнадцатью минутами и вы не пожалеете»,—что-то в этом роде он мне сказал. Однако в его словах не было назойливости и эмоционального напора. Было вполне паритетное предложение контакта, результат которого меня мог заинтересовать. В принципе нормальное человеческое общение, от которого мы, по сути дела, отвыкли и поэтому многое теряем. Выношу сам себе благодарность за проявленную «слабость» — я согласился, разумеется, с наибольшими выгодами для себя: у магазина «Колбасы» на улице Горького (рядом с метро «Маяковская», то есть рядом с моим домом) на 16.15, соврав на всякий случай, что в 16.45 мне уже надо быть в Центральном Доме литераторов...

Он меня вычислил по рижскому журналу «Шахматы», который я держал в руках. Я его — по характерному росту («У меня характерный рост») и по манере есть мороженое («Так, как я ем мороженое, никто не ест»). Рост его оказался даже чересчур характерным: со спины — мальчик лет 10—12. Не больше. Я тронул его за локоть, он обернулся, переложил мороженое из правой руки в левую и поздоровался, после чего откусил примерно полпачки и не просто съел, а проглотил, даже не погрев во рту. Лицо его было несколько асимметричным, словно отражалось в слегка выгнутом зеркале. Голова крупная. Взгляд спокойный. Цвет глаз неопределенный. Манера говорить для начала не очень приятная: такое впечатление, что, говоря с вами, он одновременно решает еще целую кучу ведомых только ему задач. Но если к такой манере привыкнуть, то она оказывается удобной и ненавязчивой (для меня, во всяком случае). По крайней мере он не пожирает вас глазами, не откручивает пуговицу вашего пиджака и не дышит в лицо. Я попросил, чтобы он представился и расшифровал свое К. Л.

— Ну зачем это вам? — спросил он.

Я не уверен, что передам последующий диалог с документальной достоверностью, но содержание его близко к тексту.

— Просто чтобы знать, с кем я встретился.

— Математик. Программист. Работаю в солидной фирме. В друзья не напрашиваюсь. Считайте, что мы пересеклись по принципу пересечения броуновых кривых. Вы — Арканов. Я — К. Л. ... В конце концов, все это — всего лишь формулы... Я хочу рассчитать на моей машине оптимальный прогноз результата предстоящего матча.

Он купил новое мороженое и проглотил его в два приема — так что у меня заболело горло.

— Если вас интересует мое мнение,— сказал я,— то вы могли бы спросить об этом по телефону.

— Оно меня не интересует, так как оно субъективно.

— Как и любое мнение.

— Разумеется.

— Тогда все выглядит достаточно странным. Вы тратите мое время так, словно я вам чем-то обязан, а взамен отказываетесь даже представиться.

— Зато вы станете обладателем уникального прогноза... Если, конечно, мне это удастся... Я читал ваш рассказ «Поражение».

— В «Литгазете»?

— Да. В 1974 году. И сразу понял, что рассказ написан по сюжету партии Карпов — Спасский.

— Это была последняя партия из полуфинального матча претендентов. После этой партии Карпов вышел на Корчного.

— Вы тогда знали Карпова?

— Нет.

— А сейчас?

— Знакомы.

— Он считает, что выиграет?

— Похоже, что он так считает.

— А жена его как считает?

Тут я сказал ему, что сплетен и слухов вокруг участников матча существует несметное количество, но я не собираюсь ни подтверждать их, ни исключать, тем более что к результату матча они вряд ли имеют отношение.

— Я хочу собрать ту информацию, которую считаю для себя обязательной. Только для себя... А Каспаров?

— Что Каспаров?

— У него есть девушка?

— Не знаю. Вероятно. Но он мне ее ни разу не показывал.

— А вы с ним знакомы?

— Достаточно близко.

— Он считает, что выиграет?

— Думаю, считает.

— У Каспарова тоже отец умер?

— Умер. Но Гарик был тогда еще маленьким.

— Его мама не собирается выйти замуж?

— Это ее личное дело.

Он уловил в моем ответе некоторое раздражение и был прав.

— Не злитесь,— сказал он.— Мой последний вопрос не настолько глуп, как может показаться.

Я демонстративно посмотрел на часы.

— Понимаю,— произнес он.— Могу я вам звонить?

— Сколько угодно!.. Извините, но я тороплюсь.

Я пошел в сторону «Софии», ругая себя за то, что по собственной воле оказался участником какой-то чуши...

На углу я столкнулся с Зерчаниновым.

— Не могу разговаривать!— торопливо бросил он.— Меня в редакции математик ждет. Прогнозирует матч Карпов — Каспаров... Забавный тип... Я тебе позвоню!

И он убежал... «Вот это как раз для него,— подумал я.— Он обожает всякую дребедень и мистику... Но я-то как попался?» Я попытался взглянуть на все это со стороны, и мне стало смешно...

Ю. З. Конечно, Арканов мог бы и не таить от меня, что как раз расстался с неким математиком, который намеревается прогнозировать матч Карпова с Каспаровым, но надо знать моего друга...

Когда в тот день я столкнулся с ним около «Софии», он перемещал себя в пространстве с невыносимо бесстрастным выражением лица — так он хранит достоинство, когда обнаруживает, что то ли судьба на сей раз не была к нему благосклонна, то ли он сам сделал неверный ход. Я запомнил, правда, как он просветлел, когда услышал, какая встреча ждет меня в редакции, однако лишь вечером, когда мы созвонились, окончательно понял, что́ вдруг оживило Арканова — дескать, и ты попался.

По телефону этот человек представился мне давним

читателем «Юности», в голосе его я ощутил напор и заскучал, полагая, что теперь этот «давний читатель» непременно потребует от меня объяснений, почему, допустим, наш журнал оформляется не так, как прежде, но он лишь деловито сказал, что получил вчера свежий номер и, прочитав мой опус (он так и сказал «опус») о предстоящем матче Карпова с Каспаровым*, хотел бы повидаться со мной.

— Вы пишете? — осторожно поинтересовался я, стремясь удостовериться, не собирается ли он вручить мне собственный «опус».

Но, словно прочитав мои мысли, «давний читатель» сказал укоризненно:

— Я не причиню вам хлопот. Я математик, составляю прогноз предстоящего матча.

Я устыдился своих подозрений и поспешил сказать, что в середине дня уйду по делам, но ровно в пять жду его в редакции.

Я опоздал на несколько минут, а он был пунктуален. Я только не могу понять, каким образом он ухитрился опередить меня, если, как утверждает Арканов, он оставил этого человека около магазина «Колбасы» покупать очередное мороженое и тут же, близ входа в редакцию (от «Колбас» до «Юности» метров сто или немногим больше), встретил меня, то есть миновать нас на пути в редакцию и остаться незамеченным этот человек вроде бы не мог... Однако он уже стоял в редакционном коридоре («Какой большеголовый мальчик»,— подумал я, как и Арканов, увидев его со спины.) и что-то внушал архитектору Мише Белову, чьи проекты в том августе были выставлены на стендах «Юности». При моем появлении Миша воскликнул:

— Будь другом, скажи этому джентльмену, что я — гений. Он же тебя дожидается, твой человек.

— А может, я тоже гений,— запальчиво сказал великовозрастный мальчик.

Мы прошли в мою комнату. Я извинился, что чуть опоздал, а он сказал на это, что парадокс Оскара Уайльда:

---

* В том году в восьмом номере «Юности» был напечатан мой материал «Кто?», в котором, выходя за рамки шахмат, я попытался сопоставить Гарри Каспарова как незаурядного представителя нового, входящего в жизнь поколения с вознесенным в 70-е годы к славе Анатолием Карповым. И это сопоставление лишний раз свидетельствовало, что жизненный опыт поколения 70-х годов новое поколение слепо перенять не спешит. Шел, напомню, 1984 год...

«Пунктуальность — вор времени» — на самом деле не такой уж парадокс.

«Что ему от меня надо? — подумал я.— Он так яростно самоутверждается...»

— Кирилл Леонидович,— отрекомендовался он, и я подумал, что такой человек и не мог бы зваться Иваном Ивановичем или Петром Петровичем.

Он спрашивал, не знаю ли я, какая группа крови у Карпова и у Каспарова.

— Мне важно, с кем из них я одной группы крови.

— Буквально?

— И буквально.

— А стиль игры? — поинтересовался я.— Кто вам ближе по стилю игры?

Но он заговорил совсем о другом.

— Вот Карпов, читаю я в «Юности», отвечает, что, да, он танцует, но плохо и поэтому танцевать не любит. Я тоже сторонюсь ситуаций, в которых выгляжу не идеально. А Каспаров, видите ли, не танцует, но сожалеет об этом. Каспаров, признаюсь, доставляет мне много хлопот. Вы давно с ним знакомы?

Я сказал, что Гарику было пятнадцать, когда я летал в Баку, чтобы подготовить для своего журнала его рассказ о том, как он играет в шахматы. Мой собеседник не стал скрывать, что это известно ему.

Игра усложнялась, но Кирилл Леонидович, ощутив мою настороженность, поспешил сказать, что пусть меня не смущает его осведомленность («Мой прогноз иначе не будет стоить и ломаного гроша».), он претендует всего лишь на откровенный обмен мнениями.

— Разве вам не интересно наблюдать,— говорил он,— как тот или иной публичный человек создает свой образ на телеэкране? Помните, десять лет назад, играя в зале Чайковского финальный матч претендентов, Карпов буквально на глазах совершенствовал не только свой стиль игры, но и стиль одежды — к концу матча удлинил, например, брюки? А что вы скажете о Каспарове?

— Могу засвидетельствовать, что за эти годы он бесспорно улучшил свою дикцию.

— Занимается с педагогом?

— Не спрашивал.

— А танцевать учится?

Я не сдержал улыбки, а мой собеседник заметил бесстра-

стно, что пришел говорить со мной не о шахматах, что чисто шахматную информацию он находит, сопоставляя мнения экс-чемпионов мира.

— Мне не хватает Фишера. Если узнаете его мнение, вспомните обо мне.

Я понятия не имел, узнаю ли, что думает о предстоящем матче Фишер, но сориентировался, что есть повод поинтересоваться, куда и как звонить Кириллу Леонидовичу.

— Я сам вам буду звонить,— сказал он.— Я рад, что у нас сложились добрые отношения. И чтобы упрочить их, признаюсь, что меня зовут не Кирилл Леонидович, хотя инициалы я сохранил. Так что я просто — К. Л. Как видите, я ничего от вас не утаиваю и смею надеяться на взаимность.

Я сознавал, что он меня начисто переиграл, но, сохраняя видимость инициативы, спросил:

— А давно вы шахматами занимаетесь?

— Помните первый матч Ботвинника с Талем? И демонстрационную доску у входа в Театр имени Пушкина? Я был за Таля. Вы вроде бы тоже. Как-то вечером мы стояли у этой доски рядом. Зрительная память, похвастаюсь, у меня идеальная.

И он ушел, оставив меня в еще большей растерянности.

А. А. Признаюсь честно, я, обожающий лето, гнал его тем не менее к сентябрю, а точнее, к 10 сентября. Нетерпеливо подгонять время — свойство больше детей, чем взрослых. Так ребенок ждет своего дня рождения, ждет новогодней елки, ждет школьного вечера; позднее, выйдя из детского возраста, но еще не став взрослым, так ждешь свидания. Взрослые обычно время не подгоняют — они его растягивают, тревожно поглядывая на шагреневые листки разного вида календарей...

Предвкушать радость в ожидании футбольного сезона, всесоюзного дерби, выхода спектакля, своего авторского вечера, межзонального турнира, делать прогнозы, доказывать закономерность или оспаривать справедливость состоявшегося результата — значит находиться в сфере влияния молодости, независимо от того, сколько вам лет... Я рад, что круг моих друзей и знакомых подвержен этому влиянию, а больше всех — Зерчанинов... Как-то в начале марта (весна, правда, была ранней) он предложил мне со всей настойчивостью, на какую обычно способен, поехать с ночи на электрич-

ке в Нахабино (почему именно в Нахабино?) и переночевать в лесу, прямо на снегу в спальных мешках, убеждая меня (да и себя не меньше), что это дает невероятную биофизическую подзарядку на ближайшие полгода... Где-то он прочитал или с кем-то поговорил...

На этом большеголовом математике он, по-моему, просто «поехал»... Он доставал какие-то невероятные сведения, придавал значение нелепым подробностям, изучал старые отчеты о матче Алехин — Капабланка... При этом меня все время держал в курсе дела и даже сообщил, что за несколько дней до открытия матча видел Большеголового во сне. А я и сам по себе ни о чем другом, кроме как о предстоящем матче, не мог думать. Я заранее отказался от командировок в сентябре и октябре и исключил из употребления все вечера по понедельникам, средам и пятницам... Справедливости ради должен сказать, что предматчевый ажиотаж нарастал по принципу снежного кома. И если фамилия чемпиона мира начиная с матча в Багио стала уже своеобразной принадлежностью быта в каждой семье, то фамилия претендента, которого уже целый ряд лет «считали» профессионалы, для остального мира еще два года

назад ничего не говорила. Полугаевский, Белявский, Таль, Смыслов (птица Феникс) — да! Но Каспаров? («Он действительно хорошо играет?..», «А как фамилия этого пацана из Еревана?..») И вдруг он появился. Быстро, неожиданно быстро для большинства и неотвратимо для некоторых. И в употребление уже прочно вошла связка «Карпов — Каспаров». Уже шутили, что если из фамилии Каспаров извлечь одну «а» и «с», то получится Карпов. Уже из начальных слогов фамилий чемпиона и претендента образовали слово «каркас»... Непонятным для многих оставалось слово «рейтинг» (оно и сейчас для многих непонятно) и почему этот самый «рейтинг» выше у претендента?..

Популярность события или известность может быть ограниченной, большой и всеобщей. Всеобщей она становится в тот момент, когда о событии или о личности с вами заговаривают водители такси... Так вот к середине лета 1984 года, после побед Каспарова над Корчным и над Смысловым (народ в Смыслова по-прежнему верил), популярность предстоящего события и двух его участников стала всеобщей. Море болельщиков и не болельщиков, а просто азартных людей зашумело от предположений и всевозможных пари... Кстати, пари у нас заключать любят. Пари разные: щелбаны у мальчиков, шоколадки у девочек, томительные «американки» у влюбленных, невинные — теперь в полном смысле слова не винные — на ужин в ресторане у людей серьезных... и т. д. и т. д...

Как известно, впоследствии президент ФИДЕ не дал восторжествовать одним и «обанкротиться» другим. И уже в этом его историческая заслуга не подлежит сомнению...

Предматчевой лихорадкой были охвачены все — профессионалы, любители, азартные люди и даже те, которые к шахматам не имеют никакого отношения и не отличают коня от пешки.

Я довольно часто употребляю слово «профессионал» — слово, звучавшее до недавних пор полуприлично. Но профессионал — это человек, прекрасно разбирающийся в своем деле и имеющий с этого главный доход (хотя можно иметь профессию, получать зарплату и не быть профессионалом). С этой точки зрения шахматисты, добившиеся ранга международного мастера и гроссмейстера,— профессионалы в самом высоком смысле этого слова.

Профессионалы высказывались строго и аккуратно, наступая на горло собственным симпатиям и антипатиям, и в

целом отдавали предпочтение чемпиону мира: огромный опыт, колоссальное чувство опасности, фантастическая сопротивляемость порой даже в проигрышных позициях, не поддающаяся оценке высшая точка его потенциала. Ведь чемпион, говорили профессионалы, по сути дела, еще не имел достойного соперника. Последнее было абсолютно справедливо по отношению к чемпиону мира. Профессионалы в большинстве своем «брали» Карпова. Любители, судя по всему, разделились поровну, руководствуясь в своих предположениях личными симпатиями, но те, что в спорах «брали» претендента, на паритет не решались и требовали по меньшей мере двойного ответа... В среде таксистов господствовало, если можно так сказать, твердо-расплывчатое мнение: «Каспаров — молодой, здоровый. Сидит у себя в Баку и круглые сутки занимается шахматами, а Карпов и в турнирах играет, и дел у него по горло... Но все равно Толя бакинца «отпарит»...

Ю. З. Широко бытовало сравнение предстоящего единоборства с предыдущим «матчем века» — с матчем 1927 года между Капабланкой и Алехиным. И дело даже не в том, что Карпов шел к своей игре от Капабланки, а Каспаров — от Алехина, что тот матч был также безлимитным и игрался до шести побед, что, как и на этот раз, оба соперника были в расцвете сил, но Алехин — претендент — тем не менее был моложе...

За несколько дней до открытия матча мне попалась в руки небольшая книжечка, изданная в 1927 году в Ленинграде тиражом в три тысячи экземпляров. Она называлась «Капабланка или Алехин», и автор ее, некто А. Изюмов, издавший, кстати, свою работу за собственный счет, был, бесспорно, натурой, родственной нашему К. Л. Им тоже явно владела эта столь соблазнительная идея — предугадать исход матча, но прямо высказать свое мнение он так и не решился. То ли в последний момент усомнился в своих аналитических способностях, то ли счел, что не смог собрать исчерпывающей информации,— кто знает.

А из тех авторитетных суждений, которые собрал А. Изюмов, не могу не привести два следующих.

Гроссмейстер Рети: «Величественность, выразительность современных технических чудес, в особенности же современная чистота и точность техники,— вот что, перенесенное

в шахматы, составляет содержание игры Капабланки. Это красота, к которой нужно сначала привыкнуть, красота, лишенная, быть может, на первый взгляд «огонька»... Однако мы должны признать, что, если в партиях Капабланки нет романтики, в них отражается современная жизнь. Капабланка, по существу, истинный представитель нашего времени и поэтому отнюдь не случайно является чемпионом мира».

Маэстро Зноско-Боровский: «Каждая фигура, каждая пешка дрожит у Алехина в нервном напряжении; в неумеренной расточительности он на каждого противника затрачивает свою неисчерпаемую выдумку; почти в каждой партии он словно ходит по туго натянутому канату...»

Согласитесь, что эти оценки — допустим, с некоторыми коррективами — можно перенести и на нынешних участников матча на первенство мира.

В 1973 году, когда я готовил для «Юности» публикацию Анатолия Карпова «Кому приятно терпеть поражения?», он сформулировал свое кредо так: «...тот, кто идет по пути нерациональной игры, по пути красивых комбинаций и головоломных осложнений, в конце концов теряет очко — ну, хотя бы одно из десяти. Я же предпочитаю десять партий из десяти выиграть технически».

Я спросил Карпова, без колебаний ли он признается в столь откровенном практицизме? Он, помню, удивленно посмотрел на меня и сказал, что шахматы сегодня — это в первую очередь спорт, а в спорте торжествует тот, кто побеждает.

Так или иначе, вопрос о том, кто «истинный представитель нашего времени», оказался вновь злободневен... Сторону Каспарова держали двадцатилетние, что, согласитесь, закономерно, и так называемые шестидесятники, что, на мой взгляд, не менее закономерно.

Социально заряженные идеалисты, люди пробудившейся мысли — таким осталось в памяти потомков поколение шестидесятых годов прошлого века, годов, которые Чехов называл «святыми». Деятельный порыв шестидесятников был, как известно, недолог. Уже в восьмидесятые годы и в литературных журналах и на театральной сцене все чаще появляется образ чудака не у дел, не захотевшего расстаться с идеалами юности и жить лишь ради собственного благополучия. И вот сто лет спустя словечко это вдруг возродилось — шестидесятниками стали теперь называть беспокойных людей, осознавших себя полноценными лично-

стями в живительной атмосфере решений XX съезда партии. Сегодня эти люди вновь востребованы обществом, но не будем забывать, что еще в начале восьмидесятых такой упорствующий шестидесятник в глазах иных преуспевающих сограждан выглядел живым реликтом, ископаемым... И не каждый, естественно, выстоял, не растерял себя — долгожданный апрель восемьдесят пятого года был выстрадан нами немалой ценой.

А возвращаясь к шахматам, я бы сказал: сторону Каспарова держали те, кто в шестидесятом году делал ставку на Таля (я отнюдь не утверждаю, что это влечет сопоставление Карпова с Ботвинником — трудно найти более несопоставимые личности).

Помню, как в мае шестидесятого года Миша Таль приехал к нам в «Комсомольскую правду», чтобы поговорить не только о шахматах — он был сыном своего времени (чемпион-бессребреник — это о Тале), обостренно воспринимал такие понятия, как честность, справедливость...

Кто мог представить, что это был звездный час 23-летнего шахматного чемпиона, что та наша «весна» будет столь скоротечна и целое поколение едва не распростится со своими порывами и надеждами? Иной профессионал, предвижу, мне возразит: стоит ли так обобщать, ибо что касается Таля, то он сам виноват, что его чемпионский век оказался недолог, ему просто не хватило запаса прочности. Но вспомним, как молодой Таль, напрочь лишенный инстинкта самосохранения (не только за шахматным столиком!), не держался «правил игры» и того неоднозначного времени: мог сказать, например, публично, что ему наконец посчастливилось прочитать эту замечательную книгу — «Доктор Живаго»... Чемпион мира вел себя достойнее, смелее, чем некоторые тогдашние «инженеры человеческих душ». И, согласитесь, есть своя закономерность, что Таль лишь год был чемпионом...

Помню, как в начале марта семьдесят третьего года я поспешил в Таллин, где нежданно возродившийся Таль выигрывал очередной турнир. Он только что вернул себе звание чемпиона страны. Он не знал поражений уже более чем в семидесяти (!) партиях. Рижский журнал «Шахматы» вышел с броским аншлагом: «Таль снова Таль». И что говорить, возвращение Таля воспринималось многими как преодоление времени этой незаурядной личностью, неотделимой от шестидесятых годов.

Нараставший ажиотаж вокруг Таля имел и чисто шахматное объяснение — звание чемпиона мира было утеряно нами. И было известно, что после Рейкьявика Роберт Фишер сказал, что хотел бы сыграть теперь матч престижа с Талем (счет их встреч был не в пользу Фишера). И тогда в Таллине после победного завершения турнира, в котором участвовали и Спасский, и Керес, и Полугаевский, Таль говорил мне, как он повел бы себя на месте Спасского, играя с Фишером в Рейкьявике:

— Я совершенно убежден, что на Спасского очень подействовала вторая партия. Надо знать характер Бориса... Предполагаю, что, может, не сам Фишер, а кто-то другой рассчитал за него эту абсолютно некорректную, но гениальную жертву. На месте Бориса я бы, в свою очередь, демонстративно не пришел на третью партию — с нищих не берем!

А в конце марта, когда в Центральном шахматном клубе Таль публично анализировал свою лучшую партию таллинского турнира — партию со Спасским, кто-то крикнул из зала:

— Каким ходом вы начнете первую партию с Фишером?

— Если к тому времени, когда этот матч состоится,— нашелся Таль,— шахматные правила не изменятся, я схожу е2 — е4.

Но уже в начале лета, на межзональном турнире в Ленинграде, Таль столь же нежданно сник и без излишнего драматизма, иронически (жизнь научила!) прокомментировал свою неудачу. Можно было посожалеть, что Таля, допустим, опять подвело здоровье, но нельзя было не признать, что время работало уже на Карпова.

А в Баку в ту пору подрастал мальчик. В его доме стояли книги стихов и продолжали звучать магнитофонные пленки, в которых бился пульс шестидесятых годов. И всем учебным предметам этот мальчик предпочитал историю и считал необходимым рассказывать своим одноклассникам то, о чем стыдливо умалчивал школьный учебник (в десятом классе, когда они будут проходить XX съезд партии, он поведет ребят в парк и объяснит подробно, что такое культ личности и как он был развенчан).

Клара Шагеновна Каспарова мне рассказывала, что Ким, ее муж, так близко принимал к сердцу любую фальшь и несправедливость, так глубоко был убежден, что жить лишь для себя постыдно, что после его смерти — отец Гарика умер в 1971 году, еще молодым — она видела свой долг в том,

чтобы сын унаследовал этот духовный капитал, но не был бы столь беззащитен...

И хотя Гарик предпочел Талю Фишера, но он помнил, что для его отца Таль был не просто великим шахматистом, но и независимой, самостоятельно мыслящей личностью. И эта преемственность была сразу замечена так называемыми шестидесятниками.

Что же касается самого Таля, то, всячески стремясь выглядеть беспристрастно (он был рядом с Карповым, когда тот играл с Корчным), он не мог, однако, скрыть своих симпатий к юному претенденту. Перед открытием матча в бакинских «Шахматах» Таль так оценивал предстоящее единоборство логики (Карпов) и фантазии (Каспаров): «...шансы логики мне кажутся чуть-чуть более предпочтительными, примерно 50,1 процента против 49,9. Но обязан предупредить, что в прежнее время, также взвешивая шансы сторон, я не раз ошибался... Так что ни на роль аптекаря, где всегда есть предельная точность, ни на роль пророка, по-видимому, я не гожусь».

И тут же — post scriptum — недвусмысленно высказался в пользу Каспарова: «Эту статью уже в готовом виде прочел мой коллега-гроссмейстер. Может быть, из вежливости во всем со мной согласился, но напомнил, что перед первым моим матчем на первенство мира с Михаилом Моисеевичем Ботвинником вопрос стоял примерно так же — логика или фантазия... Потом, правда, был матч-реванш, но это уже тема для другого разговора...»

К. Л. намерен был ввести в свою программу прогнозы экс-чемпионов мира. Действительно, за исключением Фишера все «эксы» высказались. Ботвинник полагал, что если после первой дюжины партий Карпов будет выигрывать не более одного очка, то у Каспарова появятся реальные шансы в конечном счете победить. Мнение Таля я уже привел. Спасский безоговорочно верил в победу Каспарова. А Смыслов, отмечая равенство сил, не исключал, что в этом случае восторжествует тот, кому будет сопутствовать удача.

Перед началом матча распространился слух, что высказался и Фишер, но в своем духе — дескать, и Карпов и Каспаров играют с большим количеством ошибок и он бы победил сегодня — да, сегодня! — и того и другого. Впрочем, может, Фишер так и не говорил. А уж кому он отдает предпочтение, в любом случае было неясно.

Но меня это не очень занимало, а К. Л. не звонил.

А. А. Большеголовый позвонил мне на следующий день после того, как Каспаров проиграл седьмую партию и счет стал 3:0 в пользу чемпиона мира.

— Вы хотите сказать, что машина предсказала вам именно такое развитие матча?—спросил я, желая его поддеть.

— Нет,—ответил он, не придавая значения моей иронии.—Я хочу сказать совсем другое... Я хочу сказать, что...

Чуть позже я скажу, что он мне сообщил, и вам станет ясно, почему я расхохотался в трубку...

Ну кто мог предположить, что после седьмой партии претендента начнут «хоронить»?.. Однако и в пресс-центре, и в пресс-баре, и в фойе, и в частных квартирах, и в такси Каспарову уже «шили саван».

— Можно проиграть матч,—отрешенно сказал мне тогда один из безоглядных поклонников претендента.—Тем более не позорно проиграть чемпиону мира!.. Но почему так быстро и так безнадежно? Ведь это крушение всех моих надежд, не только шахматных...

— Не может...—констатировал один международный гроссмейстер.—К сожалению, не может. Или пока, или вообще. Главное, что Гарик не выигрывает у Толи «свои» позиции, какие обычно он «довозит» автоматически. Причем не только не выигрывает, но и проигрывает. Не готов еще... И нервы никуда не годятся.

Ход времени вносит в течение жизни разного рода поправки, одни—в виде едва заметных нюансов, другие—в виде настоящих катастроф и катаклизмов... В субботу расстаюсь с вами до понедельника, не успев высказать вторую половину каких-то своих соображений, а в понедельник уже не надо продолжать—произошло нечто, после чего вторую половину моих соображений можно выбрасывать за ненадобностью, впрочем, как и первую... Мне казалось, что двумя первыми головоломными партиями кончился пролог. Устрашающие шумом и криком, угрозами и бравурной музыкой атаки не увенчались успехом. Теперь должна начаться осада.

Говорили, что во второй партии Каспаров «свою бомбу спустил на парашюте», говорили, что никакой бомбы и не было, а стало быть, и не было у него выигрыша во второй партии, а проигрыш был, не ошибись чемпион мира в цейтноте... Говорили, что, если Каспаров устоит в третьей, он внесет необходимую коррекцию в четвертую партию...

Другой международный гроссмейстер после второй партии сказал:

— Карпову в этом матче придется попотеть за доской.

Я не называю фамилии гроссмейстеров по причине их разных человеческих и шахматных отношений к чемпиону мира и претенденту. К сожалению, страсти противоборствующих сторон были столь накалены, что любое высказывание могло быть неправильно истолковано. Требовалась объективность.

«Кровь пролилась» уже в третьей партии. Так часто бывает в боксе: не сумев переиграть в углу ринга соперника, боксер сам пропускает встречный удар и оказывается в нокдауне. Выиграл партию чемпион мира внешне спокойно, без видимого напряжения. Похоже было, что претендент, как говорят, «нарвался» на домашний контранализ.

Во время шестой партии комментатор ЦТ Анна Дмитриева взяла у меня экспресс-интервью для информационного шахматного выпуска. Я сказал, что, несмотря на свою любовь к шахматам, все же не являюсь в них специалистом, но по ситуации считаю, что счет 1:0 не должен успокаивать чемпиона мира, так же как не должен обескураживать претендента, ибо в безлимитном матче побеждает не тот, кто выиграл первую партию, а тот, кто победил в последней...

Вскоре мне стало известно, как принято говорить, «из осведомленных кругов», что штаб чемпиона мира высказал недовольство телевизионному руководству моим выступлением, углядев в нем явную симпатию к претенденту. Мне это показалось смешным, так как лишить человека права симпатизировать кому-то невозможно. Но при отсутствии культуры уважения и понимания «чужих» приверженностей и симпатий можно, обладая определенной властью, запретить проявлять эти симпатии. А вот это уже и не смешно. Я думаю, что великие художники (разумеется, и шахматные художники), создавая шедевры, меньше всего должны думать о том, кто и как эти шедевры будет комментировать...

Так или иначе, но «неспециалисты» больше не интервьюировались, и всю тяжесть освещения матча понесли на своих плечах гроссмейстеры М. Тайманов и А. Суэтин.

Шестую партию после тридцатиходового доигрывания проиграл претендент. Американский гроссмейстер Денкер сказал в пресс-центре, что если Каспаров проиграет в

ближайшую неделю еще раз, то матч кончится значительно раньше, чем думают многие. Претендент второй раз оказался в нокдауне и, не отдышавшись (все были уверены, что он возьмет тайм-аут), бросился в бой, играя черными... Многим потом долго снился фатальный 35-й ход черных Лс2, сделанный словно по воле булгаковского Воланда. Многие профессионалы говорили, что в облике Каспарова играет кто угодно, но только не Каспаров. Зато в облике Карпова играет именно Карпов, и играет сильно...

Пресс-центр стал напоминать резиновую камеру, из которой неожиданно выпустили воздух. Мне показалось, что интерес к матчу как-то спал. Во всяком случае, с покупкой лишнего билетика в Колонный зал стало проще. Даже ярые сторонники Карпова высказывали разочарование по поводу столь однобокого развития событий.

«Не сломался бы мальчик»,— сочувственно говорили они. Можно себе только представить, что испытывали в это время «мальчик» и его окружение... Нет! Лучше не представлять...

Однако мне стало известно (все из тех же «осведомленных кругов»), что чемпион мира не склонен отождествлять результат семи партий с их течением.

Тем не менее претендента начали «хоронить». Внушительный результат порой довольно сильно влияет на личное мнение. Я заметил «перебежчиков»: люди, которые до матча возводили Каспарова в ранг гения и прочили ему успех, вдруг стали с пеной у рта доказывать, что и прежние его достижения не столь впечатляющи и говорят больше о слабости противников, чем о силе Каспарова. И находили несостоятельность идей во многих партиях, и находили «дыры» в выигранных им поединках. И убеждали, что в школе Ботвинника среди соучеников Гарика были ребята, значительно более оригинально мыслившие, но недосостоявшиеся из-за слабости своих человеческих качеств, а что у Каспарова лишь только счет да память...

Но пора вернуться к звонку Большеголового...

— Вы хотите сказать, что машина предсказала вам именно такое развитие матча?—спросил я, желая его поддеть.

— Нет,—ответил он, не придавая значения моей иронии.—Я хочу сказать совсем другое. Я хочу сказать, что... матч будет длинным и после пятьдесят второй партии счет будет 5:5. Вот что выдала машина.

Я расхохотался в трубку:

— Вы хотите сказать, что матч продлится до февраля??! (На дворе, между прочим, был сентябрь...)

— Это машина хочет сказать, а не я.

— А ваша машина знает, что ничья быть не может?

— Она зациклилась на счете 5:5...

— Что это означает? Может, она несовершенна? Не нормальна?

— Машина нормальна,— сказал он скорее себе, чем мне.— Вероятно, несовершенна заложенная мною программа... Попытаюсь скорректировать...

— Скорректируйте,— посоветовал я ему,— после окончания матча, учтя окончательный результат...

— Боюсь, что ждать придется долго,— задумчиво произнес он и, сказав, что позвонит мне после ноябрьских праздников, повесил трубку...

...Еще через партию счет стал 4:0. Десятая партия закончилась вничью, одиннадцатая закончилась вничью... Претендент не сделал и попытки «взорваться»... Кто-то сказал, что впору сдавать матч, чтобы не нарваться на «сухую»... Многие наши и зарубежные «гроссы» стали разъезжаться... Нарушил данный мною обет и я — уехал на десять дней в Молдавию... Но что-то подсказывало мне, что к окончанию матча я успею.

Ю. З. Я-то знаю, по крайней мере мне так казалось тогда, в каких муках дался нашему загадочному знакомцу этот прогноз. В день открытия матча, помню, меня разбудил телефонный звонок.

— Не разбудил? — услышал я в трубке голос, который и предполагал услышать.

— Рад вас слышать, Кирилл Леонидович,— сказал я, ожидая, как среагирует так называемый Кирилл Леонидович на то, что я по-прежнему так именую его.

Но он никак на это не среагировал.

— Вы ждете обещанный прогноз? — в его голосе я уловил смущение и даже вину.— А если я оказался фраером? Если не только вас и Арканова, но и себя самого водил за нос?

Что таить, его прогноз занимал меня, но лишь в той мере, чтобы поинтриговать своих приятелей, аккредитованных на матче. Но когда я вдруг ощутил, как безысходно страдает этот еще недавно чрезмерно уверенный в себе человек, мне

захотелось ободрить его, хоть чем-то ему помочь. Как я понял из дальнейшего разговора, он, претендуя на стопроцентный прогноз, никак не мог завершить безукоризненную программу. Я начал было разглагольствовать о том, что любой прогноз относителен, но он прервал меня.

— Я не барышня. Я не ищу утешений. Фишер, кстати, высказался? Не знаете?

— Не знаю.

— Ладно. Не берите в голову. Ежели выяснится, что все-таки я не фраер, то обойдусь и без Фишера.

После шестой партии, когда Каспаров уже проигрывал 0:2, я позвонил Михаилу Моисеевичу Ботвиннику. В Колонном зале он не появлялся — устроители матча так и не нашли времени, чтобы уладить нелепое недоразумение с его постоянным пропуском, а утруждать себя какими-либо просьбами наш первый и самый славный чемпион не счел возможным. В свое время, когда я готовил для публикации в «Юности» главы воспоминаний Ботвинника, мы не раз расходились во мнениях, жестоко спорили, но в конечном счете я проникся глубочайшим уважением к этому мудрому, ироничному и бескомпромиссному человеку. Напомню лишь, как шестидесятилетний Ботвинник, благодаря на страницах «Советского спорта» всех, поздравивших его с юбилеем, счел необходимым написать, что не видит, впрочем, своей особой заслуги в том, что шестьдесят раз обернулся вместе с Землей вокруг Солнца. А день своего семидесятилетия Ботвинник провел в байдарке — плыл до глубокого вечера от Звенигорода к своей даче на Николиной горе и хотя с непривычки слегка обжегся на солнце, но был очень доволен, что «уплыл» в тот день от всяческих церемоний. И день семидесятипятилетия он проплавал...

В 1927 году Ботвинник уже комментировал в нашей шахматной прессе матч Капабланки с Алехиным, и, когда я напомнил ему, что после шести партий счет в том матче был 1:1, он сказал, что тогда претендент, то есть Алехин, вел себя намного благоразумнее — не обольщался, что легко навяжет чемпиону мира свой стиль игры.

А когда Каспаров, вновь пожертвовав пешку, проиграл и седьмую партию и Карпов повел 3:0, пресс-центр залихорадило и в кулуарах матча стали рождаться уж совсем ирреальные объяснения происходящего. Кто-то доказывал, что дело тут в биоритмах, у Карпова они, дескать, сейчас на пике, а у Каспарова — в полном спаде. А другой мой коллега обратил-

ся вдруг к кабалистике и спешил сообщить каждому, что и кабалистика, оказывается, за Карпова.

В один из тех дней я прислушался у Колонного зала к разговору в толпе зрителей. Человек явно кавказских кровей говорил, что Карпову хорошо, он в привычном климате, а в Баку сентябрь совсем не такой.

— Я был в Баку,— крикнул кто-то,— там дует.

— А в Москве сыро.

— Так я тебе вот что скажу: наш Толя твоего Гарика хоть на Луне обыграет.

Будем помнить, к чему вела тогдашняя безгласность — дешевые страсти с дурным шовинистическим привкусом клубились вокруг матча в Колонном зале и порождали бесконечные сплетни: то курьезные (будто бы в московской мечети объявился усатый мулла из Баку, который каждодневно взывает к аллаху, чтобы он даровал победу Гарри Каспарову), а то и откровенно провокационные (будто бы отец Каспарова жив и, мало того, махнул на Запад, где и ждет не дождется сыночка). Каспаров потом — с телеэкрана — расскажет, что выстоять ему помогал Высоцкий. Каждый раз — прежде чем отправиться в Колонный зал — он включал магнитофон и слушал свою любимую песню:

Вдоль обрыва по-над пропастью,
По самому по краю...

В день восьмой партии на подходах к Колонному залу передо мной возник К. Л. Он был бледен, торжествен — в черном плаще и с зонтом-тростью (точно таким же, как у Арканова).

— Вы-то, надеюсь, не будете надо мной смеяться? — спросил он.

— Я наблюдаю, как все прогнозы рушатся...

— Как все?! Это не про меня, имейте в виду.

Всю восьмую партию мы с Аркановым простояли в пресс-баре. Без конца брали кофе и, наблюдая, что происходит в партии (в пресс-баре находились два монитора, на одном постоянно показывали играющих, на другом — демонстрационную доску), не уставали обсуждать этот выданный нам наконец прогноз.

Посвящать кого-либо в наш разговор мы не хотели — над нами бы долго смеялись — и поэтому всех сторонились, походя на двух заговорщиков. Да, собственно говоря, мы не прогноз обсуждали, а личность его автора. Мистификатор?

Безумец? А может, действительно пижон и фраер, который мнит себя гением? А может, просто математический графоман? Арканов, замечу, упрямо держался последнего мнения.

А восьмая партия, в которой Каспаров играл белыми, плавно катилась к ничейному исходу... И даже присутствие в зале Аллы Пугачевой, которая пришла поболеть за Каспарова (в пресс-центре, оставаясь верной своему стилю, она сказала, что в шахматы играть не умеет, а пришла лишь затем, чтобы себя показать), не воодушевляло, увы, претендента.

— Не идет у него игра,— говорил Смыслов.

И после того как в следующей партии Карпов вновь одержал победу, один незаурядный человек, рискующий предсказывать будущее, сказал мне, зная, что я хожу на матч, что завершающей партией станет девятнадцатая — Карпов выиграет со счетом 6:1.

И этот прогноз рухнул, хотя мотивы, которыми руководствовался провидец, мне запомнились. По его мнению, в ожидании матча Карпов изрядно страшился Каспарова, но Каспаров вел себя неразумно — сам помог Карпову избавиться от этого страха. И на страницах газет и на экране телевидения Каспаров выглядел излишне самоуверенным, а ему бы следовало говорить, что он будет бороться до конца, но удастся ли ему с первой попытки сыграть на равных с величайшим шахматистом нашего времени, а быть может, и всех времен?.. А он лез на рожон, и Карпов увидел, как его надо брать.

Интересный анализ, не правда ли? Да и сам Анатолий Карпов скажет позднее, что на игру претендента в первых девяти партиях повлияли «излишняя самоуверенность перед началом матча и чрезмерно оптимистическая оценка его шансов некоторыми специалистами и журналистами».

А. А. ...И началась эта беспрецедентная рекордная ничейная серия, в которой поединки (почти все) развивались по одному сюжету. Белыми, едва выйдя из дебюта, претендент, имея перспективную позицию, неожиданно для многих предлагал ничью, которую не имел права, исходя из позиции, отклонять чемпион. Черными, ведя трудную, порою единственными ходами защиту, Каспаров этой ничьей добивался. Исключением явилась шестнадцатая партия, в которой чемпион мира, игравший черными, на самой ранней стадии попал

под схему, но устоял. Мнения специалистов в этот период не были единодушными. Одни считали, что Каспаров, поняв, что матч проигран, перестал «насиловать» позиции и хочет продлить сопротивление на как можно большее количество партий, чтобы избежать хотя бы унизительного «блицкрига», а при возможности и размочить счет. Другие говорили, что претендент просто уже не знает, как играть с чемпионом. Третьи были убеждены в том, что это единственно верная тактика, которая дает пусть мизерный, но все-таки шанс, если не на спасение, то на оптимально престижный исход. Обосновывалось это убеждение тем, что Каспаров не имел больше права даже на минимальный риск, так как пятая проигранная партия поставит его на край пропасти. Я, кстати, разделял последнюю точку зрения...

На восемнадцатую (если не ошибаюсь) партию я опоздал на полтора часа, и по тому, что уже было снято оцепление, понял, что опоздал не на полтора часа, а вообще... Из Колонного зала выходил международный гроссмейстер, мой знакомый, к которому я обратился с вопросом, как закончилась игра.

— Игра? — сказал он возмущенно. — Не было игры!

— Тайм-аут? — поинтересовался я.

— Никакой не тайм-аут! — ответил он с той же горячей интонацией.— На 16-м ходу в блестящей позиции он опять предложил ничью!.. Своим нежеланием играть он просто бросает вызов общественности.

— Кому же охота получать «сухую»?

— Мы все ему сочувствуем,— продолжал он,— и хотим, чтоб он выиграл одну-две партии... Но он просто боится Толю! И если бы Карпов отказался от ничьей, счет стал бы 5:0!..

— Почему же Карпов не отказался? Он-то может рискнуть.

— Не хочет,— сказал гроссмейстер.— Он хочет «сухую», и я его понимаю...

Ничьи продолжались. Освещение матча стало более скупым. А один из газетных корреспондентов выступал в печати с плохо скрываемыми нападками на участников матча, обвиняя их в «миролюбии», жалея посетителей, которые «зря» покупали билеты...

Люди, не очень разбирающиеся в шахматах, не получая доступной информации, искали собственные объяснения сложившейся ситуации. Приведу пример крайности... В очереди за живой рыбой я услышал такой разговор. Один сказал: «Им выгодно тянуть матч, так как они за каждую партию получают по 350 долларов» (?!). На вопрос, от кого получают, он ответил: «Получают!.. А почем я знаю от кого?»

Поединок продолжался, и, хотя до рекордного количества партий еще было далеко, он уже стал привычным: праздничные блестки опали и «матч века» начал считаться частью повседневного быта. Как сводка погоды, как программа передач на завтра... О матче появились анекдоты. В зарубежной печати публиковались карикатуры, в которых фигурировали седовласый старый джигит с кинжалом за поясом, а напротив — высохший и исхудавший дедушка с длинными волосами. Под карикатурой подпись: «2012 год. Счет — 4:0». Артисты разных жанров шутили в эстрадных концертах: «Вчера состоялась двадцатая партия матча на первенство мира. Следующая ничья — в понедельник». Или: «Передаем сводку погоды. Сегодня в Мурманске было минус 15 градусов, в Киеве минус 9, в Сочи плюс 5, в Москве — ничья».

Претенденту уже дали прозвище — «долгоиграющий проигрыватель».

Но большинство вряд ли догадывалось, на каком уровне

напряжения продолжали борьбу два шахматных гиганта и что они думали о каждой конкретной позиции и о возможностях друг друга, прежде чем соглашались на «очередную» ничью... Где-то между двадцать второй и двадцать шестой партиями (не помню точно) я мельком вспомнил Большеголового, да и то, по-моему, по ассоциации с мороженым, но после двадцать седьмой партии мне захотелось заглянуть не только в его ясные очи, но и увидеть его ненормальную машину — двадцать седьмую партию выиграл Карпов. Более того, эту партию квалифицированно оценили как одну из лучших партий, когда-либо выигранных чемпионом... Счет стал 5:0. В Москву снова стали съезжаться, многие повторно. В воздухе запахло лавровым листом. В пресс-баре мы с Юрием Ростом любовались неувядаемостью приехавшей югославской шахматистки гроссмейстера Милунки Лазаревич.

— К закрытию приехала,— сказал Рост.

И я рассказал ему, пытаясь быть серьезным, про Большеголового, если верить которому, то получается, что сыграна только половина матча. Рост столь же «серьезно» посмотрел на меня сквозь очки и произнес: «Надо сказать Милунке, что она рано приехала...»

Ю. З. Той осенью меня ждала соблазнительная поездка в Бухарест — в гости к друзьям из журнала «Лучаферул», но я откладывал ее и откладывал. Из-за матча, конечно, хотя, когда стало ясно, что Карпов играет на 6:0, нельзя было предположить, когда матч завершится, ибо, не склонный к долгой депрессии, Каспаров уже свыкся со своей отчаянной матчевой ситуацией и находил в ней, как мне казалось, даже некоторый изыск — не только игрой, но и всем своим видом давал каждый раз понять, что выходит на сцену Колонного зала не в последний раз. Шахматные обозреватели все чаще глубокомысленно рассуждали о «теоретическом диспуте». Входила в моду фиксация рекордов, установленных в матче. После десятой партии мастер Мацукевич отмечал в «Советской России», что до сих пор самой короткой партией в матчах на первенство мира была восемнадцатая партия Алехина и Эйве в 1935 году — 16 ходов, а теперь Карпов и Каспаров пришли к ничьей за 15 ходов.

После двадцать второй партии гроссмейстер Васюков писал в «Вечерней Москве»: «Итак, тринадцатая ничья подряд — это результат, достойный упоминания в книге ре-

кордов Гиннеса. Впрочем, достойно упоминания и другое. Карпов провел в матчах на первенство мира вряд ли повторимую беспроигрышную серию из двадцати семи партий. Пять последних партий матча в Мерано и двадцать две партии в Москве!»

А когда в книжном киоске Дома союзов появилось в продаже второе издание книги Анатолия Карпова и Евгения Гика «Шахматный калейдоскоп», ее расхватали мгновенно. В этой книге Карпов писал, что с тех пор как Фишер добровольно уступил ему чемпионское звание, им владеет идея — доказать шахматному миру, что он ни в чем не уступает своему выдающемуся предшественнику и что все эти годы у него с Фишером заочная дуэль, и приводил ряд сопоставлений, которые свидетельствовали о полной идентичности целого ряда их турнирных и матчевых успехов, за исключением разве что...

На странице 97 мы читаем: «Фишер выиграл два матча со счетом 6:0. Здесь мне трудно с ним соревноваться — я не такой максималист. Впрочем, в командном первенстве Европы в 1977 г., играя на первой доске, я закончил свое выступление со счетом 5:0».

Со счетом 6:0 на пути к чемпионскому званию Фишер победил, нам известно, Тайманова и, что особенно впечатлило всех, «датского принца» Ларсена. И если бы Карпову удалось сделать 6:0 с Каспаровым (и пусть даже не в шести партиях, как это удавалось Фишеру), то он бы и тут — по меньшей мере! — сравнялся со своим предшественником...

Я взял билет на Бухарест на утро 13 декабря — откладывать поездку больше не мог,— и последняя партия, на которой успел побывать, была тридцать первая.

Карпов уже вел 5:0 и в тот вечер играл белыми. Я приехал в Колонный зал в начале второго часа игры и увидел многих своих коллег, которые приходили уже далеко не на каждую партию.

— Карпов сегодня закончит матч, вот увидишь,— говорил мне один, другой...

— Но пока позиция равная...

— Посмотри, как он причесан, как сидит на нем костюм.

Празднично выглядели и все помощники чемпиона мира: один постригся, другой пришел в новом галстуке и в новых туфлях...

Виктор Хенкин, который и знает шахматы и пишет о них, на мой взгляд, отменно, немного разрядил обстановку,

напомнил, что Алехин на последнюю партию первого матча с Эйве, который он проиграл, пришел во фраке.

— А Гарик забыл сегодня надеть фрак!

Но с каждым ходом Карпов действительно приближался к желанной цели, и Каспаров уже выискивал единственные ходы. В начале матча в такой ситуации он сидел пунцовый, сжав ладонями голову, но тут вдруг снял пиджак, откинулся в кресле.

— Таль однажды не сомневался, что выиграет у Кереса... Кажется, все просчитал, за исключением того, что Керес... снимет пиджак. Так Миша рассказывает...

И под этот комментарий того же Хенкина Карпов сделал вдруг не самый точный ход и чуть ослабил тиски. Каспаров мгновенно изыскал контригру и в наступающем — взаимном — цейтноте стал усложнять позицию. А после одного из таких ходов он даже поднялся и принялся непринужденно прогуливаться по сцене. Его позиция была по-прежнему хуже, но он держался так уверенно, что Карпов не решился отказаться от предложенной ничьей.

А. А. Тридцать вторая партия после страшного обоюдного цейтнота была отложена с лишней пешкой у претендента. Гроссмейстер Суэтин в информационном выпуске доложил, что позиция чрезвычайно сложна и только тщательный анализ, за которым оба партнера проведут бессонную ночь, и последующее доигрывание дадут ответ, у кого лучше.

После тщательнейшего анализа чемпион мира сдал партию без доигрывания.

— У меня сложилось впечатление,— сказал мне один международный гроссмейстер (я по-прежнему не называю фамилий),— что после того, как Гарик дважды прошел в этой партии мимо сильнейших продолжений, Толя решил в цейтноте сыграть на выигрыш, хотя объективных оснований не имел. А в цейтноте Гарик его пересчитал...

Другой гроссмейстер (экс-чемпион мира) заявил, что, выиграв даже одну партию в таком матче, Каспаров уже совершил подвиг и о большем может перестать думать.

Во всяком случае, теперь, когда «сухая», говоря словами психологов, превратилась в «остаточный образ», большинство считало, что чемпион мира активизируется и быстро доведет матч до победы, тем более что проигранная партия всегда вызывала в нем бешеную силу. Однако были и другие

обстоятельства, в числе которых и то, что претендент впервые в этом матче и в жизни обыграл чемпиона мира, обыграл после того, как стоял на грани катастрофы в предыдущей партии,— и неизвестно было, какая сила вырвется наружу после этой победы.

Ю. З. В городе Бухаресте мне не пришлось познакомиться с человеком, который бы лишился покоя, не узнав, как закончилась очередная партия Анатолия Карпова и Гарри Каспарова. Вечером 13 декабря — в день доигрывания тридцать второй партии — я включил в своем гостиничном номере телевизор, надеясь, что румынский Суэтин или Тайманов покажет, как завершилась партия. Смотрел часа два, как радостно поет и танцует трудовой народ, а затем экран погас — в стране нарастала кампания по экономии электроэнергии.

Лишь на следующее утро в редакции «Лучаферула» я узнал, что счет сделался 5:1. И узнал также, что, по слухам, дошедшим до Бухареста, Фишер утверждает, что больше одной партии Каспарову не выиграть...

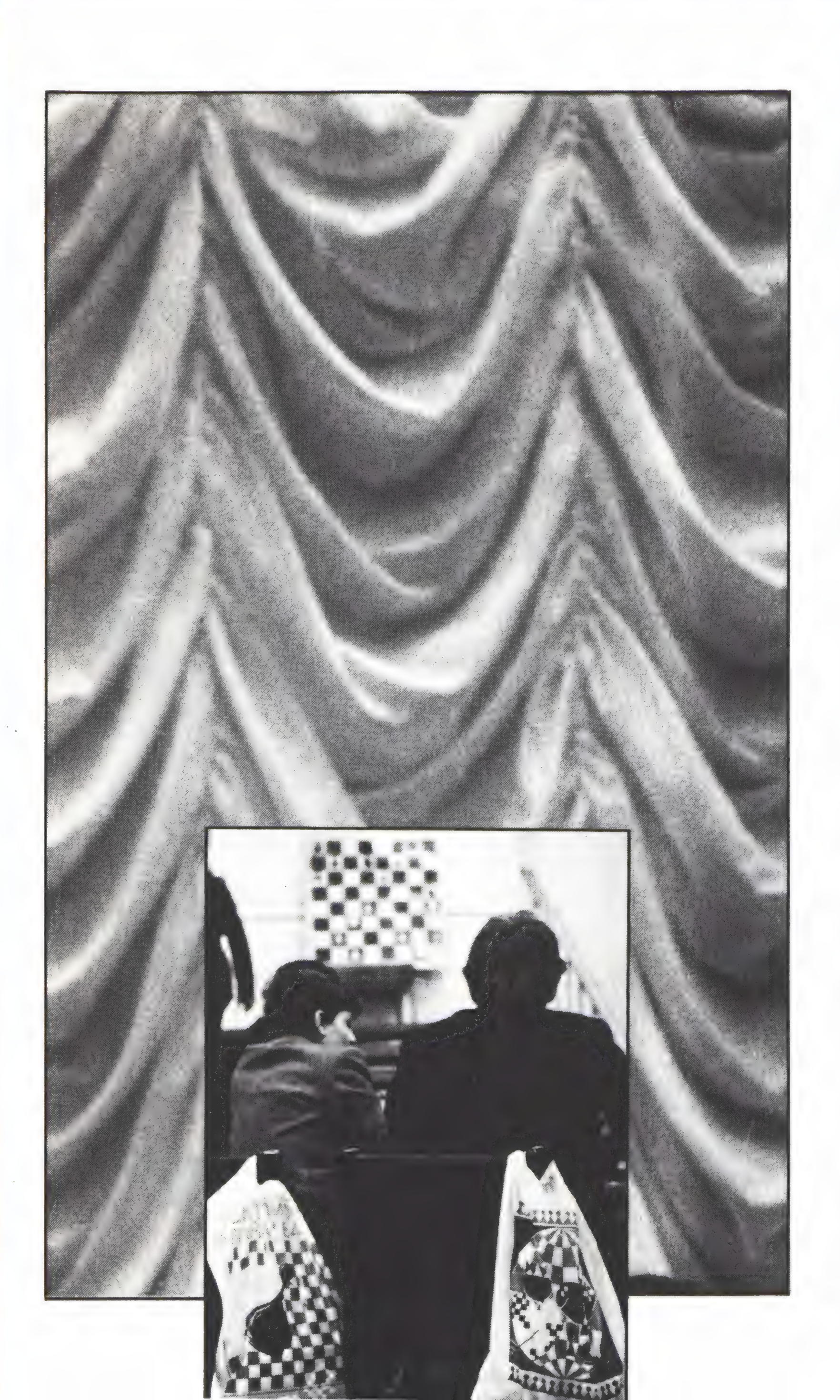
А. А. Новая и последняя ничейная серия длилась четырнадцать партий, но в ней появилось иное качество... Каспаров без особого труда (по крайней мере внешне) уравнивал позиции, играя черными, и уже сам «мучил» Карпова, имея белый цвет. Профессионалы это почувствовали, и один из них в районе сорок первой партии сказал: «Похоже, что «мальчик» выбил у «дяди» из рук белый цвет, а на поиски новых идей у чемпиона мира уже нет времени...»

Образ Большеголового принял в моем сознании достаточно четкие очертания, хотя до его немыслимого предсказания оставались еще одиннадцать партий, из которых четыре должен был выиграть претендент. Однако же факт оставался фактом: после девятой партии, когда счет стал 4:0, чемпион мира в последующих тридцати двух (!) выиграл лишь одну и, как оказалось впоследствии, последнюю свою партию в этом матче... Увеличилось количество тайм-аутов, как обусловленных регламентом, так и «технических» (?) ... Сторонники Карпова утверждали, что так плохо, как он играл сорок седьмую партию, он не играл никогда. И это не поддавалось, с их точки зрения, объяснению. Сторонники

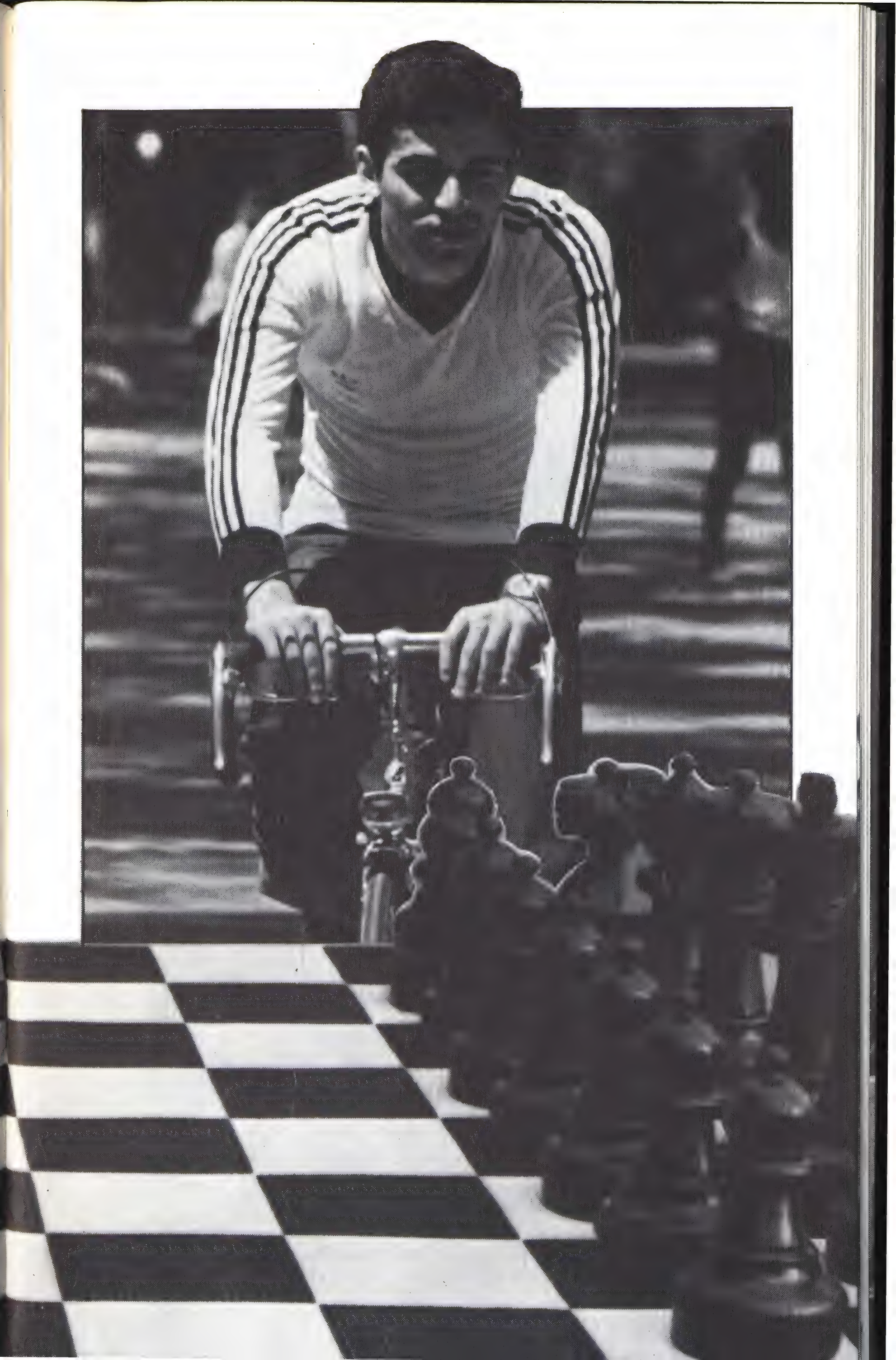
Каспарова напоминали им, что по меньшей мере в трех из пяти проигранных претендентом партий он тоже играл на не объяснимом ничем запредельно низком уровне. Так что здесь все поровну.

Полемика эта не убедила ни тех, ни других. А обстоятельства «дела» были таковы, что, играя белыми сорок седьмую партию, Карпов не принял предложенную на 13-м (?) ходу ничью, сделал несколько «активных» ходов и попал, как говорят в таких случаях, «в трубу», из которой так и не выбрался... Наступил последний месяц зимы, и «каспаровцы» вдруг поверили, что после сильных морозов должна наступить весенняя оттепель... А Колонный зал не вынес «перегрузок», и матч переехал в гостиницу «Спорт», в скромное «рабочее» помещение, рассчитанное человек на пятьсот. Столько же, кстати, на матче было аккредитовано журналистов.

До сих пор не могу себе представить, почему эта процедура переезда длилась десять дней. Зал гостиницы «Спорт» с самого начала был определен как резервный. В шахматы в том зале уже играли — Каспаров и Белявский проводили в нем матч в рамках претендентского цикла. В течение этих десяти дней никто не мог толком объяснить, когда же наконец состоится сорок восьмая партия. И поскольку миллионы болельщиков и сотни журналистов находились в информативном вакууме, этот вакуум стали заполнять слухи и версии. Один весьма серьезный человек не менее серьезно утверждал, что за сценой зала «Спорт» всего один... туалет и подход к нему один, что увеличивает вероятность нежелательных встреч чемпиона мира с претендентом, а это, дескать, способно вызвать отрицательные эмоции, которые могут повлиять на течение партии и исход матча. Чего не знаю, того не знаю... Другой не менее серьезный человек не менее серьезно объяснял, что столь длительная пауза вызвана отсутствием... транспорта для перевозки имущества (столика, кресел, доски, фигур, аппаратуры)... По этому поводу говорили, что штаб претендента предложил перегнать необходимый транспорт из Азербайджана. Во всяком случае, прошло десять дней, хотя они и не потрясли мир. И 9 февраля 1985 года Евгений Васюков в газете «Вечерняя Москва» сообщил: «По решению оргкомитета матч на первенство мира по шахматам, начиная с 48-й партии, проводится в конференц-зале гостиницы «Спорт». Переводом оборудования из одного помещения в другое и

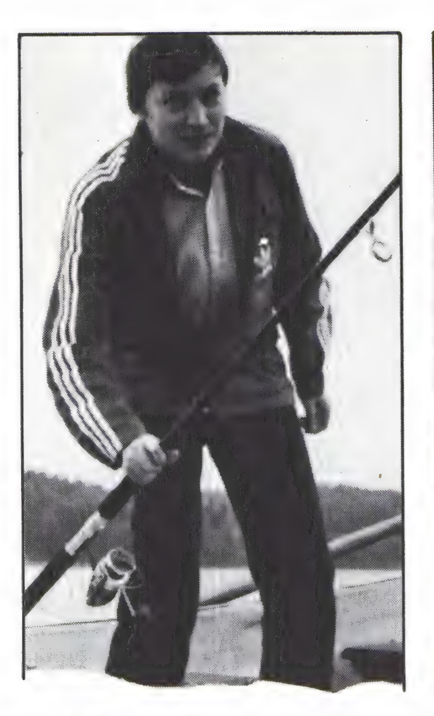

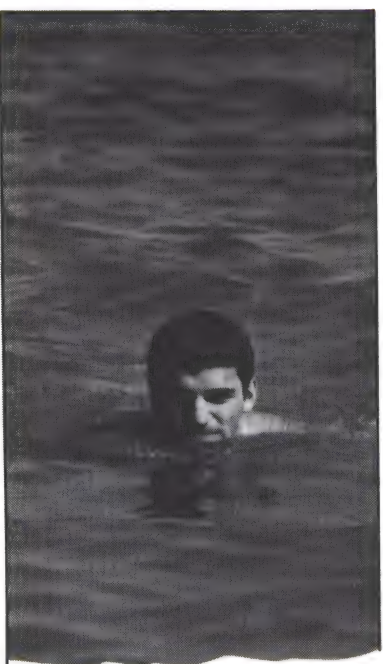

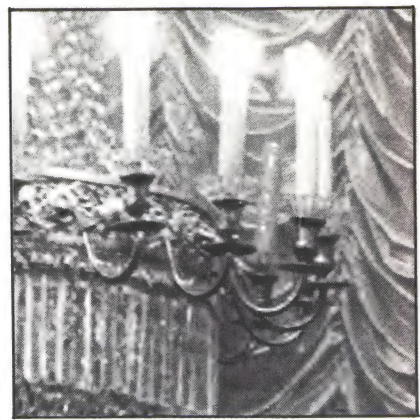

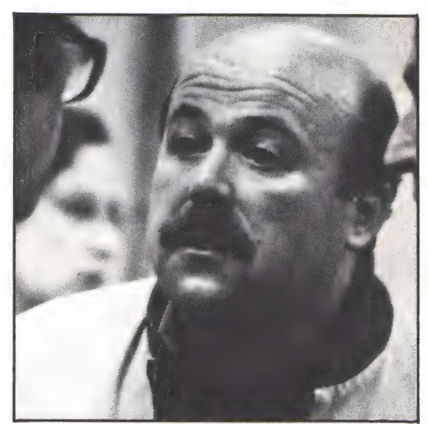

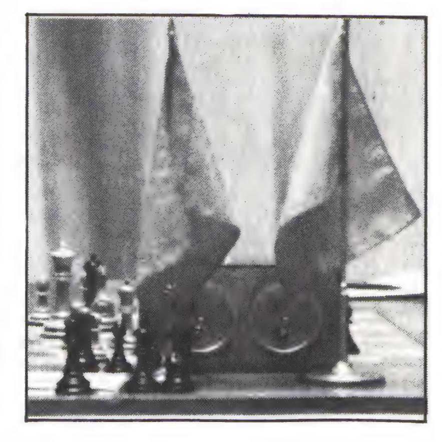

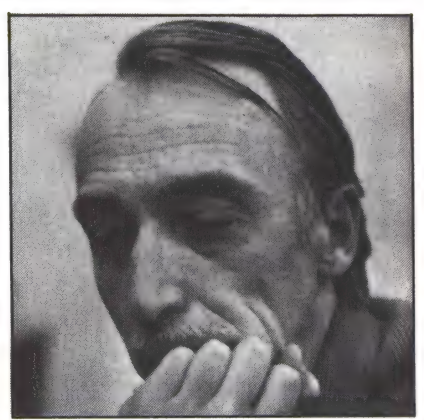

Просто зрители

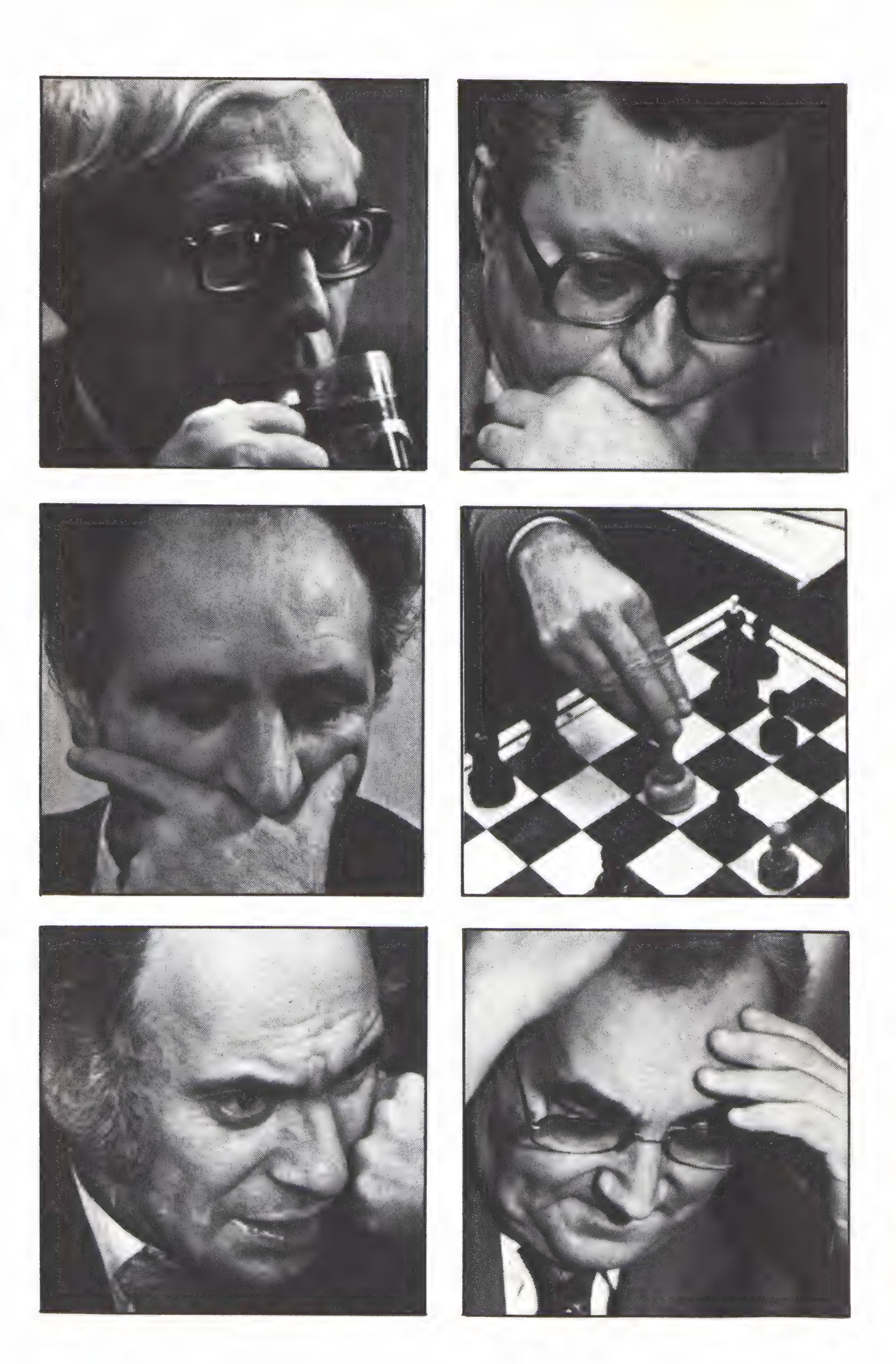

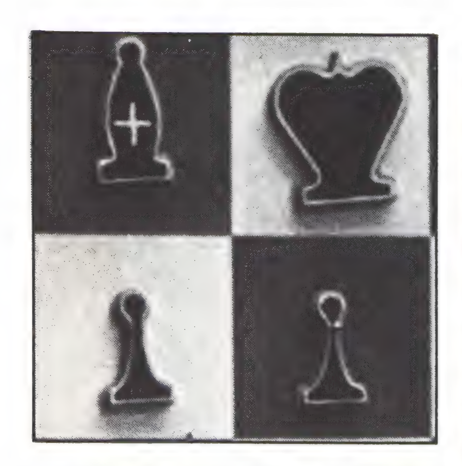

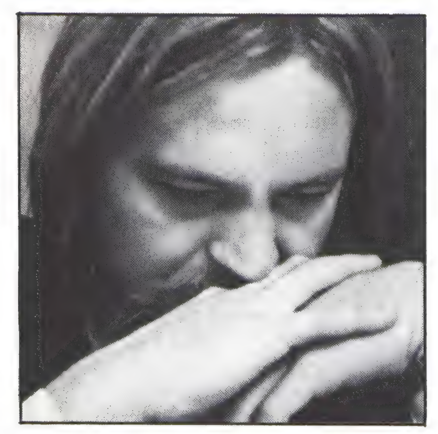

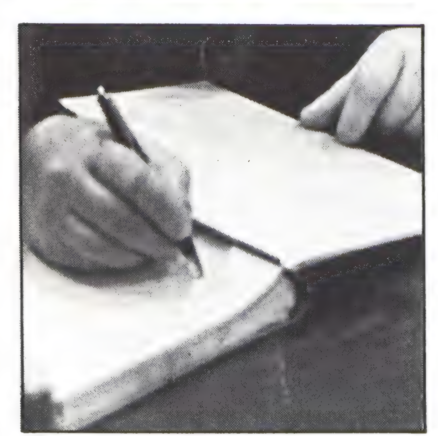

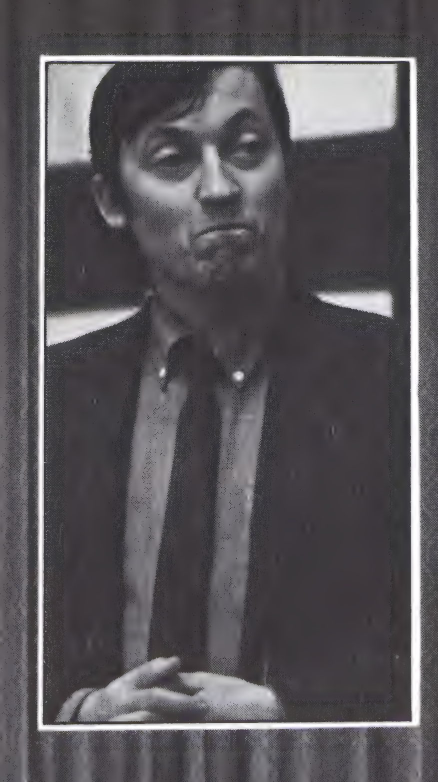

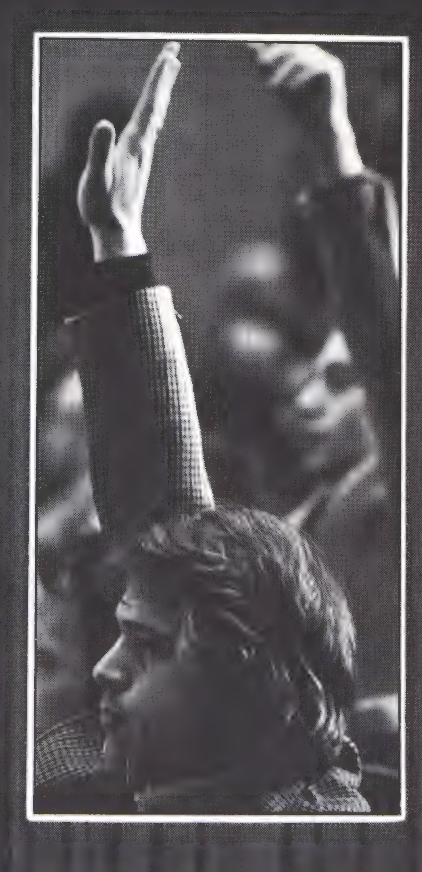

И не только зрители

МАТЧ НА

15 февраля 1985 г.
Пресс-конференция
Ф. Кампоманеса

вызвана была пауза в ходе самого матча. Итак, вчера состоялась очередная, 48-я по счету партия...»

И напрасно «рядовые» посетители разрабатывали систему попадания в гостиницу «Спорт», и напрасно выясняли, как лучше добираться до места — на метро или «верхним» транспортом.

«Спорт» выдержал всего лишь одну — именно эту сорок восьмую партию, о которой все единодушно говорили, что это одна из лучших партий, когда-либо сыгранных претендентом...

А вскоре произошло событие, которое по-настоящему потрясло весь шахматный мир... Этому предшествовали два скупых официальных сообщения. 12 февраля «Советский спорт» напечатал: «На 13 февраля перенесена очередная, 49-я партия шахматного матча на первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Тайм-аут взял претендент».

По сей день приходится гадать, что заставило Г. Каспарова, дважды подряд пославшего чемпиона мира в нокдаун, брать тайм-аут... 14 февраля «Правда» сообщила: «49-я партия матча на первенство мира по шахматам между А. Карповым и Г. Каспаровым 13 февраля не состоялась. Тайм-аут взят по запросу президента международной федерации шахмат (ФИДЕ) Ф. Кампоманеса».

А 15 февраля состоялась неожиданная, интригующая пресс-конференция Ф. Кампоманеса для советских и иностранных журналистов, аккредитованных на матче. Сразу скажу, что тогда, в условиях отсутствия гласности, публикуя первую главу в журнале «Юность», мы вынуждены были ограничиться лишь лаконичным упоминанием об этой пресс-конференции, полунамеком, за что, кстати, тоже пришлось отчаянно бороться.

Но сегодня пришло время подробно рассказать о 15 февраля. Этот день гвоздем застрял в нашей памяти, но, чтобы нас не занесло, мы скорректируем свой рассказ магнитофонной лентой с фонограммой пресс-конференции. Итак, включаем пленку...

А. А.— Ю. З.

— Слышишь, как всполошился зал?

— В дверях появился Каспаров...

— Я еще приподнялся было, чтобы раскланяться с его

мамой, но она, естественно, меня не увидела. Мы с тобой сидели в первых рядах, а Каспаров со своим окружением — чуть ли не в последнем.

— Щелкают затворы — все бросились снимать Каспарова. Было уже двенадцать, но на сцену никто не выходил.

— Я запомнил Крогиуса. Он стоял внизу, около сцены. И у меня сложилось впечатление, что он не ждал Каспарова, а, увидев его, мгновенно юркнул за кулисы.

— И еще минут пятнадцать на сцене никто не показывался. Кто-то пытался взять интервью у Каспарова, но он отстранился от микрофона.

— А кто-то таинственно выглядывал из-за кулис.

— Все ждали, что будет дальше.

— Слышишь... на сцене наконец появился президиум. И Кампоманес, и Глигорич, и Крогиус, и Севостьянов... Кто еще?

— Кинцель.

— Да, Кинцель. И представители Спорткомитета... Кампоманеса я увидел вблизи впервые. И хотя он производил впечатление человека, которого трудно застать врасплох, он не мог тем не менее скрыть, что не знает, с чего начать.

— Так его ошарашило появление в зале Каспарова, который в книге «Два матча», напишет, что узнал об этой пресс-конференции лишь в то утро из газеты «Советский спорт».

— А я не помню уже, как узнал об этой пресс-конференции. Кажется, ты сказал?

— А кто же? Мне еще вечером позвонил приятель из «Советского спорта» и сообщил, что в номер только что пошла информация о пресс-конференции Кампоманеса. Но тебя дома не было, я лишь утром тебе дозвонился.

— Правильно, правильно. И я успел еще достать диктофон. Подумал, что стоит иметь — для истории! — в собственной записи эту пресс-конференцию.

— Не знаю, как ты, но я в последующие дни десятки раз прокручивал свою пленку. Всем друзьям и знакомым. Москва полнилась слухами, а в газетах — помнишь? — не было никаких подробностей об этом «спектакле» в гостинице «Спорт».

— Знаешь, я все же хочу понять, как случилось, что появление Каспарова в зале оказалось для Кампоманеса полной неожиданностью. Нужно было быть очень наивным человеком, чтобы предположить, что хотя бы один из двух участников матча не явится на пресс-конференцию. Быть

может, кто-то убедил Кампоманеса, что ни Карпова, ни Каспарова не будет?..

— Что касается Карпова, тут все ясно. Кампоманес вскоре признается, что только что приехал от Карпова. Так что Карпов знал, что в «Спорте» идет пресс-конференция, но присутствовать на ней поначалу, видимо, действительно не собирался.

— Да просто следовал своей привычной тактике — не выходить на сцену первым.

— Да, игра продолжалась...

— А Кампоманес тем временем продемонстрировал знание правил хорошего тона — извинился за задержку пресс-конференции. И как-то очень сбивчиво, подолгу подбирая слова, мекая, бекая, повторяясь, начал подплывать к этому матчу. Издалека начал. Судите сами:

«Сейчас я вспоминаю (пауза)... один момент 1982 года, когда на конгрессе в Люцерне я был избран президентом ФИДЕ (пауза)... На следующий день я должен был (пауза)... назвать имя генерального секретаря (пауза)... И как в таких случаях бывает (пауза)... у меня был большой выбор кандидатур (пауза)... Но когда я занял свое место в конференц-зале, где должен был сделать свое заявление (пауза)... и даже когда я подошел к микрофону, я не знал (пауза)... кого избрать: англичанин Кин, югослав Кажич, Лин Кок Ан из Сингапура (пауза)... все это весьма уважаемые люди... Никто мне тогда не поверил, когда я сказал (пауза)... что не знаю, кого мне предпочесть, но я действительно (пауза)... не знал этого вплоть до самой последней минуты (пауза)... Так и сейчас (пауза)... вплоть до этого момента я не знаю...»

— Эту фразу он так и не закончил и после очередной долгой паузы сказал, что нынешний матч создал необычные проблемы, которые требовали особых решений. Да, именно особых решений.

— На мой взгляд, он тянул время, вычисляя, прикидывая, как «позолотить пилюлю« импульсивному Каспарову, который под прицелом кино- и фотокамер жадно ловил каждое его слово.

— Думаю, что он сознавал неправомерность своего «особого решения» и опасался не только разоблачений Каспарова. Он прикидывал и как получше «заправить мозги» собравшимся журналистам — ссылался и на устав ФИДЕ и на правила матча, которые якобы наделяют его персональной ответственностью и дают особые полномочия...

— Что ж, в какой-то мере он действительно заплел нас всей этой казуистикой.

— После чего и поспешил объявить: «...Матч оканчивается без принятия окончательного решения. Новый матч будет играться со счета 0:0, начиная с 1 сентября 1985 года. Оба игрока согласились с этим».

— Удивительно все же, как он решился в присутствии Каспарова говорить, что тот согласен с его решением?

— Не спеши, мы еще вернемся к этому.

— Во всяком случае, нашим читателям следует знать, что матч действительно прерван был незаконно, что впоследствии докажут и Каспаров (в книге «Два матча») и Ботвинник (наш шахматный патриарх напомнит, что до сих пор лишь войны прерывали шахматные соревнования) и, наконец, руководитель команды Карпова Батуринский (он поставит вопрос: как мог Кампоманес менять регламент матча, утвержденный конгрессом ФИДЕ?). Да и сам Карпов в одном из своих последующих интервью скажет, что не знает в спорте такого случая, «чтобы соревнование завершилось, так и не выявив победителя», а в другом интервью, дав высокую оценку деятельности Кампоманеса, сочтет нужным заметить: «За свое президентство, правда, он допустил одну грубую ошибку — прервал наш первый матч с Каспаровым, хотя участники поединка хотели продолжать игру».

— Теперь уже опубликованы документы, которые в какой-то мере проливают свет на эту пресс-конференцию, но для меня до сих пор поведение Кампоманеса остается загадочным, противоречащим логике и здравому смыслу. Ведь буквально через несколько минут, когда ему начнут задавать вопросы,— это произойдет еще до появления в зале Карпова! — он поспешит изменить позицию, уже не будет утверждать, что оба игрока согласны с его решением.

— И назовет Карпова...

— Да. Вот кто, дескать, в первую очередь не согласен!

— А помнишь, как на следующий день мы читали во всех газетах один и тот же отутюженный отчет об этой пресс-конференции? Кампоманес подавался героем дня — выглядел эдаким добрым дядюшкой, пекущимся о физическом здоровье и состоянии духа двух сильнейших шахматистов мира, а также и... «всех тех, кто имеет отношение к матчу...». О том, что было на самом деле, рассказали зарубежные журналисты. Помнишь, сколько было в зале одних только югославов? Типичная ситуация тех лет безглас-

ности — узнаёшь из других рук и во всех подробностях, что случилось в твоем собственном доме.

— И спустя еще день, 17 февраля, «Советский спорт» дал интервью с Кампоманесом, в котором тот, уже войдя в роль доброго дядюшки, продолжал убеждать всех нас, что, если бы он не принял своего решения, «могло создаться впечатление, что ФИДЕ руководят некомпетентные люди, равнодушные к шахматам, а заодно и к двум лучшим шахматистам мира».

— Я не завидовал моему коллеге из «Советского спорта», который был вынужден подыгрывать Кампоманесу. Чего стоит хотя бы его такой наводящий вопрос: «Что заставило вас, господин Кампоманес, использовать свое право, данное вам уставом и правилами ФИДЕ, и принять решение прекратить матч на первенство мира после сорока восьми партий?»

— Кстати говоря, наше отношение к Кампоманесу — я имею в виду официальную прессу — как бы прошло три этапа. Я за этим следил. Поначалу его называли нашим другом, человеком общительным, обаятельным...

— Так было во время матча Карпова с Корчным в Багио.

— Да и позже, когда наши представители поддержали его кандидатуру на пост президента ФИДЕ. А затем, когда он дисквалифицировал Смыслова и Каспарова, стремясь любым путем выключить их из борьбы за звание чемпиона мира...

— Любым путем — вот именно. Хороший пример приводит Ботвинник в одной из своих публикаций в «64». Стоит напомнить этот абзац: «Когда в 1983 году Каспаров был дисквалифицирован за отказ играть в Пасадине, одна африканская федерация заявила, что будет выступать против решения ФИДЕ. Но через две недели пришло сообщение, что она уже за Кампоманеса, так как президент прислал в подарок шахматные фигуры и часы... Такими путями руководство ФИДЕ получает поддержку в шахматном мире. Будем откровенны: президент ФИДЕ опирается и на советскую федерацию, это является загадкой, но это факт».

— Но та выходка Кампоманеса — с дисквалификацией — вызвала в шахматном мире столь единодушное осуждение, что и наша федерация в конце концов заявила протест, в котором Кампоманес подчеркнуто именовался господином.

— Я сохранил «Советский спорт» тех дней со статьей Александра Рошаля «Где играть претендентам?». Вот послушай, разве устарели оценки, данные в этой статье: «Заслуживает внимания выступление гроссмейстера Й. Доннера по

радио: «Кампоманес с самого начала повел себя агрессивно, чтобы не сказать провокационно, по отношению к советской федерации». Назвав решение о проведении полуфинальных матчей претендентов в Пасадине и Абу-Даби «абсурдным», гроссмейстер далее предположил, что Кампоманес умышленно делает ставку на конфликт, и не просто проявляет готовность пойти на крупный скандал, но и считает: чем большие масштабы примет этот скандал, тем большую рекламу он создаст лично себе. Ох, как все это похоже на Кампоманеса!» И еще одна меткая оценка Рошаля: «президент, встав в позу диктатора...»

— Ты прав: и крупный скандал, и поза диктатора — все повторилось. Только на этот раз наша федерация не осудила Кампоманеса, а вдруг вновь... зауважала его.

— Та самая загадка, о которой говорит Ботвинник!

— Ее разгадывали не только мы с тобой. Давай-ка включим кассету. Вот вопрос американского телевидения: «...Правда ли, что мистер Карпов не может продолжать матч?» Ответ Кампоманеса еще больше озадачил нас всех. Вот ведь что он сказал: «Я бы очень хотел, чтобы у вас была возможность быть вместе со мной в течение последнего часа (пауза)... потому что тогда вы бы поняли (пауза)... вы получили бы готовый ответ на этот вопрос...» Что он имел в виду?

— Всем своим видом, однако, он давал понять, что на вопрос ответил и ждет следующего. Но американец крикнул, что такой ответ его не устраивает. В расшумевшемся зале уже надо было кричать, чтобы тебя услышали...

— Кампоманес понял, что от ответа ему не уйти и поспешил сказать: «Одну минуту, сэр. Я еще не закончил». Тут-то он и отступился от своего недавнего утверждения, что оба участника с ним согласны. Он сказал: «Мистер Карпов в добром здравии, и он обратился ко мне с просьбой, чтобы матч продолжался до конца начиная с понедельника (с 18 февраля.— *А. А.*). Я ушел от него буквально 25 минут назад. Я только что сказал одному из моих коллег, сидящих у меня за спиной, что принимаю решение, несмотря на просьбу Карпова»...

— Почему же тогда этот коллега, сидящий у него за спиной, не выразил свое недоумение, когда Кампоманес говорил, что оба участника согласны с его решением? И кто же он, этот свидетель?

— Еще одна тайна, которая вряд ли когда-либо откроет-

ся. Как никогда, очевидно, мы не узнаем, о чем и в каких тонах говорили в то утро Кампоманес с Карповым...

— Ну мало ли о чем могут говорить друзья?..

— Вот именно. Кампоманес так и сказал: «Вы все можете подозревать меня, что я сделал это, поскольку являюсь другом Карпова...»

— Обрати внимание — то он выставляет свидетеля, то отводит подозрение...

— Я не учился на юридическом факультете, но и у меня сложилось впечатление, что Кампоманес, сознавая свою вину, то так, то эдак доказывал свое алиби. Как оценить иначе то, что он сказал затем: «Да, я друг Карпова, но это обстоятельство не находится ни в какой связи с любым моим решением, которые всегда направлены только на благо шахмат во всем мире. Я отказал Карпову в его просьбе. Мне не нужны свидетели, хотя они у меня были...»

— Сменил тактику.

— Но последовал новый трудный вопрос: а действительно ли он согласовал свое решение с претендентом? И Кампоманес вновь принимается отводить подозрения: «Я обсуждал этот вопрос с претендентом, поскольку отношусь к ним обоим как к равным участникам...»

— Пережимает...

— Да еще как!

— Не так просто было ему признаться, но пришлось все же: «Я уверен, что претендент не проявляет особого удовольствия по поводу моего решения и считает, что оно является вызовом правилам матча». Казалось, Каспаров тут должен вскочить и что-то сказать наконец, но он продолжал лишь слушать президента ФИДЕ. Рядом с Каспаровым сидел теперь с совершенно бесстрастным лицом его водитель Коля Гараев...

— А Кампоманес предпринял экскурс в Библию — вспомнил царя Соломона?!

— Да, это был не банальный ход. Он сказал: «Я не претендую на всепобеждающую мудрость царя Соломона, но теперь понимаю, как он себя чувствовал в тот момент, когда тот ребенок был у него на руках». Зарубежные коллеги оживились, а наши принялись мучительно вспоминать, в чем суть этого библейского сюжета. А вскоре — помнишь? — Кампоманес скажет, что, приняв свое решение, он разрубил наконец этот гордиев узел, то есть отождествил себя уже с Александром Македонским. Я не исключаю, что Кампомане-

су бы польстило, если бы одна из тех новоиспеченных федераций, которые он щедро одаривает шахматными комплектами и часами, предложила бы ему именоваться «королем ФИДЕ» или даже «императором ФИДЕ». При его диктаторских замашках...

— Еще лучше звучит — «прокуратор ФИДЕ».

— Вспомни, как он заверял всех нас: «Я должен был принимать решение один, и теперь, когда оно принято, мне предстоит жить самому с собой. Но моя совесть спокойна, и я буду спать спокойно, уверяю вас». А через несколько дней в зарубежной печати появилось сенсационное сообщение: советская шахматная федерация вручила Кампоманесу письмо, опираясь на которое он и вынес свое решение?! Это письмо шахматный мир теперь знает — ФИДЕ опубликовала его. Да и Гарри Каспаров в книге «Два матча» наконец рассказал о нем. Но в те первые дни после пресс-конференции в гостинице «Спорт» журналисты питались лишь слухами и история с письмом быстро обрастала ошеломительными подробностями... И только 29 февраля в белградской газете «Политика» всеведущий Дмитрий Белица, который известен к тому же давней дружбой с Карповым, сообщил: «Карпов открыл нам новость, о которой раньше мы ничего не знали. А именно: советская шахматная федерация в своем письме Кампоманесу требовала только перерыва в матче, а не его прекращения»... Что же, действительно, в этом письме говорилось, что «Шахматная федерация СССР, выражая беспокойство о состоянии здоровья участников, просит объявить на матче трехмесячный перерыв». В своей книге Каспаров заметит не без иронии, что председатель федерации В. Севостьянов, подписавший письмо, ни разу за весь матч не спрашивал его о самочувствии, да и вообще ни о чем не спрашивал. Удивительные нравы бытовали в ту пору в наших шахматных кругах — своя федерация утаила от Каспарова это письмо, и лишь в день, предшествующий пресс-конференции, Кампоманес в присутствии Глигорича выложил его Каспарову... Но никто из журналистов, собравшихся в «Спорте», об этом письме еще не знал, и вопрос о том, как наша федерация относится к решению Кампоманеса, витал в воздухе уже с первых минут. И когда наконец он был задан, Кампоманес дипломатично ответил: «Я думаю, Шахматная федерация СССР согласна с моим решением».

— А Севостьянов и Крогиус дипломатично промолчали. И тем самым дали понять нам, что Кампоманес вправе так

думать. Что же их вынуждало любой ценой прервать этот матч?

— Пора наконец воздать должное Кампоманесу — он не уставал отыскивать такие изощренные ходы... Вдруг пожаловался, что очень устал, стал плохо слышать... И это позволило ему «не расслышать» очередной неудобный вопрос: как прекращение матча вопреки желанию его участников может оказать благотворное влияние на мировые шахматы?

— А отвечая на другой вопрос — вопрос журнала «Физкультура и спорт»: как он все же оценивает возникшую в ходе матча ситуацию? — он пустился, я бы сказал, уже в какую-то кабалистику. Уперся в цифру 48. Дескать, хорошая цифра, символичная — двадцать четыре на два. Дает повод предпринять решительные действия. А если упустить момент, дело может дойти и до семидесяти двух партий — он продолжал множить двадцать четыре, теперь уже на три... В ряду мотивировок для прекращения этого безлимитного матча (помимо того, что все устали — от устроителей до журналистов) было высказанное Кампоманесом предположение, что Карпов и Каспаров «обнаружили секрет игры вничью, научившись сводить к минимуму риск проигрыша». Но когда кто-то поинтересовался, почему же в таком случае матч прерывается как раз в тот момент, когда Каспаров вроде бы обнаружил секрет, как побеждать Карпова, Кампоманес выждал, пока в зале стихнет смех, и вновь углубился в кабалистику. Сказал, что начал думать о прекращении матча уже после тридцать второй партии, так как именно столько партий было сыграно в Багио. На матче в Багио я не присутствовал, и у меня лично цифра «32» рождала совсем иные, более близкие воспоминания...

— Не только у тебя...

— И мне так казалось — ведь именно в тридцать второй партии претендент впервые победил чемпиона мира.

— Всей этой кабалистикой, как ты выражаешься, Кампоманес все более настораживал зал и в конце концов дождался, что один из зарубежных корреспондентов спросил впрямую: насколько достоверно, что Карпов находится на грани психического срыва и что он был в больнице...

— И вот тут произошло самое интересное.

— Этот корреспондент стоял с микрофоном у входа в зал, и мало кто из нас увидел, когда у него за спиной вдруг появился Карпов. Но Кампоманес сразу увидел — может

быть, ждал его появления? — и воскликнул, обращаясь к корреспонденту: «Вы как раз вовремя задали этот вопрос!» ...Кампоманес что-то еще говорил, и Карпов что-то выкрикивал, но на моей пленке — лишь гул возбужденного зала...

— И на моей. Карпов же, как рассказывали, быстро спускаясь к сцене, выкрикивал: «Я хочу играть!» И давай на время воздержимся от комментариев и изложим дальнейшее стенографически, слово в слово:

КАРПОВ (уже поднявшись на сцену, говорит в микрофон ведущего). Я должен сказать, как это по-русски говорится, слухи о моей смерти были несколько преувеличены. Я считаю, что мы сможем и должны продолжить этот матч, потому что предложение прекратить его и начать на равных условиях меня не устраивает. Я считаю, что мы должны с понедельника начать, то есть не начать, а продолжить этот матч. Я думаю, что Каспаров поддержит это предложение и никакой проблемы не должно быть.

КАМПОМАНЕС (улыбаясь, указывая рукой на Карпова). Джентльмены, как вы видите, все, что я говорил вам раньше, правда. И это подтверждается на глазах всей мировой прессы.

(Он предлагает высказаться и Каспарову — выйти на трибуну, но тот остается в зале, берет микрофон... Но в конце концов поддается всеобщим уговорам и поднимается на трибуну.)

КАСПАРОВ (крайне взволнованно). Я хочу задать один вопрос господину президенту: для чего весь этот спектакль?

КАМПОМАНЕС. Гарри...

КАСПАРОВ. Господин президент, поясню свой вопрос. Вы сказали, что вы приехали сюда через 25 минут после разговора с чемпионом мира. И он был против того, чтобы матч прекращался. Вы прекрасно знали и мою точку зрения, что я тоже был против того, чтобы матч прекращался или прерывался «техническими» тайм-аутами. Тем не менее вы приехали и провозгласили свою точку зрения, что, несмотря на это, вы матч прерываете... Так для чего нам... Я ничего не понимаю... Вы 25 минут назад говорили с Карповым, и вдруг сейчас такое расхождение... Расскажите нам... мне...

КАМПОМАНЕС. Господа! Я убежден, что то, что я делаю, делаю исключительно в интересах шахмат! Участники матча знают только одну сторону создавшейся ситуации. Сейчас я нахожусь в довольно удачном положении, хотя можно было ждать лучшего. Если оба игрока готовы продолжать матч до

конца, я готов обсудить этот вопрос с ними с глазу на глаз. Я очень хотел, чтобы эта беседа состоялась ранее, но то не было Карпова, то я не мог встретиться с Каспаровым. Все эти дни я тщетно пытался собрать их вместе. Еще вчера поздно вечером я хотел собрать их, но Каспаров спал, а Карпов тоже не мог так часто встречаться со мной, у него своя программа встреч. Теперь наконец мы можем встретиться. Это прекрасно! Давайте на 10 минут отойдем и поговорим... (Смех в зале.)

КАСПАРОВ. Я хочу сделать свое заявление. Профессия господина президента — говорить, моя — играть в шахматы. Поэтому я не собираюсь состязаться с ним на поприще переговоров. Это — первое. И второе: я хочу сказать, что я думаю. Я не собираюсь... не требую продолжения, потому, дескать, что я убежден, что легко выиграю матч, потому что чемпион мира себя плохо чувствует. Я не знаю... Он стоит здесь. Он может играть... Это мы все видим. Но просто впервые за пять месяцев у меня появились некоторые шансы. Некоторые — процентов двадцать пять или тридцать, и сейчас их у меня пытаются отнять бесконечными затяжками. И пусть те, кто затягивает матч, отвечают за это! Матч должен был продолжаться — и я это говорил две недели назад — без тайм-аутов, без перерывов. Но матч оттягивается и оттягивается, и ясно, что с каждой оттяжкой шансы чемпиона мира на выигрыш одной партии возрастают, а мои — уменьшаются. Вот!

ВЕДУЩИЙ. Пресс-конференция окончена.

Неумолкающий смех в зале.

ВЕДУЩИЙ. Если президент посчитает целесообразным продолжить ее, она будет продолжена.

КАМПОМАНЕС. Если Каспаров отказывается обсудить этот вопрос со мной и с Карповым, я своего решения не отменю. И все-таки я хочу, чтобы мы обсудили это сейчас.

КАРПОВ. Я думаю, что сейчас стоит объявить перерыв, чтобы все успокоились, а после перерыва объявить окончательное решение.

— Ведущий объявил перерыв, и весь президиум ушел за кулисы — «успокаиваться»...

— И мы тоже разбрелись успокаиваться — по комнатам, где жили иные из наших коллег, по буфетам... Вскоре я вышел на улицу и вдруг увидел бежавшего к своей машине Каспарова, а за ним бежали наши шахматные деятели... И Каспаров все же не уехал — они уговорили его возвратиться.

— Прошло более полутора часов, пока Кампоманес и все остальные снова появились на сцене. Вышли и Карпов, и Каспаров, но Каспаров тут же спустился в зал и направился к выходу. А Кампоманес объявил, что чемпион мира...

— Подожди. Сначала он вновь вспомнил Соломона...

— Да, да. Сказал, что и царь Соломон вряд ли бы разрешил возникшую дилемму — вот так! И объявил, что чемпион мира принимает его решение, а претендент — подчиняется...

— В своей книге Каспаров рассказывает, как на этом закрытом совещании Карпов подписал решение Кампоманеса, но потребовал себе права на матч-реванш, если он проиграет предстоящий матч, и каким он, претендент, подвергся уговорам, а заканчивает так: «Именно на этом незапланированном совещании мне со всей очевидностью стало ясно, что вопрос решен без меня. Я оказался в одиночестве...» А пока мы с тобой сидели в зале и слушали заключительные рассуждения Кампоманеса, Каспаров столкнулся в фойе с несколькими спешащими в зал журналистами и произнес еще один пылкий монолог, в котором сравнил эту пресс-конференцию с хорошо отрепетированным спектаклем, в котором каждый знает свою роль.

— А я, возвращаясь домой, все еще не мог смириться, что матч так нелепо прерван. И вспоминал Большеголового и просчитывал даже, не мог ли его прогноз стать известен и Кампоманесу...

Ю. З. Спустя два дня, под вечер, я ехал в метро. И на «Кропоткинской» в вагон вошел К. Л., но, не приметив меня, остался стоять у дверей.

Он стоял от меня шагах в десяти, целиком погруженный в свои мысли, и иногда шевелил губами — совсем как Карпов, когда он считает ходы в сложной позиции.

Он вышел на «Кировской» и направился по бульвару в сторону Покровских ворот. Я шел за ним, храня дистанцию, и представлял себя королем, который не упускает из виду проходную пешку. Ускорив шаг, К. Л. почти вбежал в индийский ресторан, стоящий посреди бульвара на берегу пруда. Я ждал его, прогуливаясь около этой стекляшки, замерз основательно, ресторан наконец закрылся, там остался только ночной сторож, но на нашего таинственного знакомца он совсем не походил...

А. А. Итак, все было кончено неожиданно, точнее, не кончено, а прервано.

Ввиду отсутствия убедительных объяснений еще довольно продолжительное время профессионалы, любители и просто болельщики всех рангов спорили на тему, кому выгоден такой неожиданный исход поединка — претенденту или чемпиону? В зависимости от привязанностей каждая сторона доказывала свою правоту.

«Карпову не дали победить,— утверждали одни.— Счет был 5:3 в его пользу. Его обидели. В новом матче у него уже не будет законного преимущества».

«Каспарова остановили, как в хоккее, недо-

зволенным приемом,— говорили другие.— Только он начал выигрывать, а его остановили...».

Гадания на кофейной гуще, рассуждения на тему, кому это выгодно, а кому — нет, бесконечны... Слухи и домыслы всегда обратно пропорциональны гласности: чем меньше гласности, тем больше слухов и домыслов. В таких случаях узкие тропинки логических рассуждений могут и не вывести вас на широкую дорогу истины, затерявшись в таинственных дебрях непроходимого умолчания. Ну, действительно, с одной стороны, трудно представить, чтобы чемпион мира, выигрывающий матч, добровольно уступал двухочковое преимущество и соглашался на возобновление поединка от «нуля». Но уж если он согласился (вспомним слова Кампоманеса: «Чемпион мира согласился с моим решением, а претендент подчинился ему»), то должны же существовать серьезные причины для этого, не говоря уже о том, что Карпов, делая такой шаг, не мог не учитывать силу удара по собственному престижу в глазах мировой шахматной общественности и огромной армии его почитателей, веривших в его шахматную неприкасаемость беспредельно...

Дней через десять после той знаменательной пресс-конференции президента ФИДЕ на наших телеэкранах, в программе «Время», вдруг появился Анатолий Карпов. Чемпион мира, всегда отличавшийся убедительно-доступной логикой рассуждений и уверенностью в собственной позиции, на этот раз словно не знал, о чем говорить, а точнее — в силу каких-то неведомых нам причин не дал оценки ни пресс-конференции Кампоманеса, ни принятого им решения. Отделался рассуждениями о неизбежности бесконечных ничьих в безлимитном матче такого уровня и о том, что он никогда не был сторонником безлимитного матча... Говорил и о том, насколько прошедший матч обогатил шахматную теорию, хотя, конечно, на качестве иных партий сказалась взаимная усталость...

Я все ждал, когда Карпову будет задан вопрос, каково содержание письма, только что посланного им Кампоманесу (Карпов за дружеским обедом рассказал об этом письме югославу Белице, так что и для наших любителей шахмат это письмо было уже секретом полишинеля), но так и не дождался этого вопроса. То ли сам Карпов, то ли былые руководители нашего телевидения, очевидно, держались мнения, что это письмо лишь озадачит телезрителей и породит бесчисленные вопросы... Утаив одно (письмо нашей

шахматной федерации Кампоманесу), приходилось утаивать и другое!.. Впрочем, 3 марта в «Советском спорте» Карпов все же счел нужным сообщить, что 19 февраля направил письмо Кампоманесу, в котором ясно заявил, что он готов и желает продолжать матч.

Чтобы продолжить анализ ситуации, приведем несколько выдержек из этого письма:

«...Вы, несомненно, действовали в интересах шахмат, но я глубоко убежден, что сложившаяся ситуация нанесла вред шахматам, не говоря уже об ущербе, нанесенном моей спортивной и общественной репутации, которые в течение многих лет считались безупречными...»

«...В своем обращении к Вам Шахматная федерация СССР предлагала не прекратить матч, а только сделать длительный перерыв, который позволил бы дать отдых всем людям, занятым в матче...»

«...Претендент тоже был недоволен, считая, что его умышленно лишили права оспаривать высший титул. Я уверен, что миллионы любителей шахмат не удовлетворены тем, что спортивное соревнование осталось незаконченным. Поэтому возобновление матча желательно для всеобщей пользы. Я полагаю, что Шахматная федерация СССР в этих условиях не будет противодействовать желанию двух своих сильнейших шахматистов, поскольку подогревать атмосферу вокруг матча не в ее интересах. Вам нелегко было принимать решение 15 февраля и, естественно, еще труднее будет пересматривать его. Однако в течение кандидатского цикла в 1983 году Вы уже меняли свое решение и смогли тогда поставить интересы шахмат превыше всего. Это только привело к укреплению Вашего престижа и авторитета...»

Сегодня это письмо проясняет кое-что, но не все... Как же решилась наша шахматная федерация просить Кампоманеса прервать матч? Такая просьба с точки зрения спорта абсурдна. Я понимаю, что аналогии в основе своей демагогичны, и тем не менее. Представим себе, что в профессиональном боксе, где для нанесения нокаута отводится пятнадцать раундов, возникла следующая ситуация: боксер А в двенадцати раундах пять раз послал боксера Б в нокдаун, затратив на это весь запас сил. А боксер Б, хоть и побывал пять раз в нокдауне, не сломался, сохранил силы и в тринадцатом и четырнадцатом раундах сам трижды послал своего соперника в нокдаун и, находясь на моральном и физическом подъеме, получил серьезные шансы победить

своего противника в последнем раунде. Можно ли предположить, что высококвалифицированное жюри назначит пятнадцатый раунд через два дня, мотивируя тем, что один или даже оба участника устали? Нонсенс! Хитроумный Кампоманес прекрасно это понимал и, учитывая просьбу нашей федерации, решил не прерывать матча, а просто его прекратить... А поскольку просьба нашей федерации не была в свое время предана гласности, то после пресс-конференции никаких официальных заявлений федерация и не сделала. В результате услуга, оказанная нашей федерации Кампоманесом, оказалась медвежьей. Возобновить матч после его скандальной отмены президент ФИДЕ уже не мог — это привело бы к еще более грандиозному скандалу, после которого Кампоманес наверняка потерял бы свой президентский пост. Я уж не говорю о том, что претендент, выступавший за продолжение матча без перерыва, вряд ли согласился бы играть, допустим, через три месяца на прежних условиях, ибо ясно, что, играя в равных морально-физических кондициях, выиграть три партии значительно сложнее, чем одну...

Предоставляю читателю сегодня, задним числом, самому разобраться, кому все это было на руку. Я же в то время реально оценил создавшуюся ситуацию как «пятьдесят на пятьдесят»: Карпов начал проигрывать разыгравшемуся претенденту, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы матч не был остановлен... А Каспарову сетовать на столь неожиданный финал тоже вроде бы не стоит, ибо даже при счете 5:5, как бы ни велика была игровая разность потенциалов двух соискателей, исход последней партии предсказать было немыслимо, так как выиграть одну, решающую встречу можно и находясь на нуле, равно как и проиграть ее легко, пребывая в наивысшей стадии подъема спортивной формы. К тому же для равного счета еще надо было двухочковую разницу ликвидировать, а в новом матче ее уже не будет...

На этом я и успокоился и о прошедшем «матче века» перестал думать, перестал спорить, не предъявлял собственные доводы, но и не принимал чьи-либо. «Все! — решил я для себя.— Надо заняться и своими делами».

И я занялся своими делами... Впрочем, опять не своими, а шахматными. Помимо получения разного рода удовольствий и разочарований, связанных непосредственно с матчем, были еще и обязательства. Существовала договоренность с журналом «Юность» о том, что по окончании матча в журнал будет

сдан соответствующий материал. Поэтому каждая сыгранная партия приближала меня к моменту, когда надо будет сесть за письменный стол... А садиться не всегда хочется (мне, по крайней мере), и я уже как-то свыкся с мыслью, что матч будет «бесконечным» и время «Х», связанное с вождением пером по бумаге, неизвестно когда наступит...

Поэтому многоточие, поставленное президентом ФИДЕ, чисто эгоистически меня порадовало: впереди весна, лето, потом новый матч. Что-нибудь до ноября... Можно «побездельничать». Но мой друг Зерчанинов принялся стыдить меня, говоря, что наш долг, не откладывая, рассказать по горячим следам то, что никто о матче так и не рассказал...

Я знаю много уловок, отговорок, которые красиво и убедительно могут оправдать мою лень перед кем угодно, но не перед Зерчаниновым! И довольно скоро мы завершили работу. Начался круг чтений написанного друзьям и знакомым, заинтересованным и незаинтересованным лицам. Реакция и оценки были единодушными: «Это никто и никогда не опубликует! Здесь многое читается между строк».

А больше всего, как мне казалось, многих заинтересовала история с Большеголовым. Кто это? Как его зовут? Где он работает? Что это за ЭВМ? А может, вы его придумали, а?

«Не знаю,— отвечал я.— Не знаю».

И действительно, я ничего толком о Большеголовом не знал. Его странные появления и исчезновения, его вопросы, его эскапады, его любовь к мороженому, наконец, удивительное течение матча, которое, как по заказу, все более совпадало с его немыслимым прогнозом, приобрело оттенок какой-то мистики... Я уже и сам часто задавал себе вопрос: «А был ли мальчик-то?» Но я был не один. Есть же свидетель. И этот свидетель — Зерчанинов. Коллективные галлюцинации? Ну это уж слишком...

Редколлегия журнала «Юность», на которой я присутствовал, отнеслась к нашему материалу восторженно. Он был принят, набран, сверстан и поставлен в очередной номер. Я уже давал читать направо и налево верстку с нашим опусом (кстати, эта верстка хранится у меня до сих пор), но тут произошло совсем неожиданное... Однажды я заглянул в редакцию, а мой друг Зерчанинов неестественно мягко мне и говорит: «Поздравляю. Наш материал разобран...» И не дав задать естественный вопрос, закричал: «Не надо было давать читать верстку кому попало раньше времени! Кое до кого дошло и не понравилось!»

Алексей Степанович Пьянов, бывший тогда заместителем главного редактора «Юности», тоже конкретно не знавший, откуда ноги растут, попытался нас успокоить, мол, ничего, ребята, может, это и к лучшему, пройдет новый матч, ситуация изменится, напишете обо всем сразу... Определенная логика в этом была, но авторское нетерпение в желании поскорее донести до читателя написанное настолько нас обуревало, что мы бросились в другие издания... Зерчанинов предлагал в «Смену», в «Литературную Грузию»... Я отнес рукопись в «Огонек» еще прежнего образца и даже наивно предложил ее в «64»... Молчание было нам ответом... И вдруг, словно с неба, свалилось на меня «мистическое нечто», хочу я этого или не хочу, связанное с «матчем века» и с тем, что мы о нем написали...

В Москве был в то время мой приятель из Эстонии, сотрудник республиканской газеты. Он прочитал нашу рукопись и, уезжая, попросил выслать ему экземпляр по почте. («Чем черт не шутит, а на эстонском языке публикация никому не повредит».) Мы сделали копию, и 7 июня 1985 года (день моего рождения!) утром я пошел на почту и отправил материал в Таллин. Заодно решил сделать себе «подарок» и купил здесь же, на почте, десять билетов лотереи «Спринт». Восемь билетов по вскрытии я выбросил в корзинку, а в девятом прочитал надпись, в существование которой не верил, честно говоря: «Автомобиль марки «Волга-ГАЗ-24». Тамара Алексеевна, работница почты, у которой я купил эти десять билетов, испытала, по-моему, возбуждение большее, чем я, и позвала других сотрудниц. Они смотрели на меня не то как на жулика, не то как на Воланда, а когда узнали, что сегодня еще и день моего рождения, вообще сказали, чтоб я ушел и не маячил.

В течение месяца, пока мой билет подвергался необходимой экспертизе, меня не покидала мысль, что все это какой-то дурацкий розыгрыш. Вскоре начались звонки, и не только из Москвы, но и из других городов. Когда нечто подобное происходит с кем-то незнакомым, неизвестно где, то, как говорится, и ладно. Но когда это ваш знакомый, да вдобавок и приятель, то это, извините, ни в какие ворота не лезет: почему именно он, а не я?! Недели через две раздался звонок из Таллина, и мой эстонский друг сказал мне:

— Поздравляю тебя! Ты рад?

— Повезло,— ответил я.— Конечно, приятно.

— Ну, тогда тебя не огорчит то, что наша газета ваш материал печатать не будет. До окончания нового матча. Считай, что гонорар за непошедший материал ты выиграл в «Спринт»...

Когда-то мы с Гришей Гориным вели в «Юности» рубрику «Каков вопрос, таков ответ», где отвечали ироническим образом от лица Галки Галкиной на незадачливые вопросы юных читателей. В одном из писем некий юноша написал: «Хочу после окончания школы стать профессиональным писателем. Скажите, с точки зрения денег, что выгоднее — стихи или проза?» Мы тогда ответили ему: «С точки зрения денег выгоднее всего выиграть «Волгу» в лотерее». Теперь я понимал, что мы ответили юному читателю правильно. Зерчанинов стал намекать на то, что, если бы не его нажим, я бы материал не написал, а стало быть, 7 июня не отправил бы его, а стало быть, и т. д. Я сказал, что по такой логике я должен быть обязан и Кампоманесу, вовремя прервавшему матч, и обоим его участникам... Что касается Зерчанинова, то мы с ним в конце концов разобрались, а президенту ФИДЕ, претенденту и чемпиону мира выражаю свою признательность.

Меньше всего я ожидал отклика на это знаменательное событие со стороны Большеголового, но в начале июля он возник в телефонной трубке.

— Слухами земля полнится,— сказал он.— Это правда?

— Правда,— ответил я.— Но если вы скажете, что ваша машина предсказала мой выигрыш, я вам не поверю, потому что машина ваша после решения Кампоманеса должна была перегреться.

— Моя машина может перегреться только вместе со мной.

— Не понял.

— При встрече объясню.

— У меня мало времени.

— Я вас раздражаю почему-то,— произнес он после паузы,— а жаль...

— Вот вы считаете, что я настроен против вас... Это не совсем так. Просто я не люблю общений, во время которых из меня все время что-то высасывают, ничего не давая взамен, кроме загадок и недомолвок...

— А давайте встретимся... втроем. Вы, Зерчанинов и я... Я знаю одно очень приличное место!.. Впрочем, Зерчанинову это место известно, как мне кажется... Есть такой индийский

ресторанчик на Чистых прудах... Скажем, в пятницу часов в восемь... Может, я вам тоже кое-что сообщу... Так как?

— Не знаю,— буркнул я.— Посмотрим.

— До встречи,— сказал он и положил трубку...

...В пятницу без четверти восемь мы встретились с Зерчаниновым у метро «Кировская» и пошли бульваром к индийскому ресторану. «Ладно,— думал я,— посмотрим, что дальше будет».

Ю. З. Не скрою, что Арканов порывался сам рассказать, что произошло в тот вечер на Чистопрудном бульваре в индийском ресторане «Джалтаранг», но я отстоял свое право продолжить историю незадачливого детектива. Арканов в конце концов согласился со мной, однако явно был огорчен, и я предложил ему отыграться на сносках — сопроводить мой рассказ своими сносками. На том и сошлись*.

Так что же произошло в тот летний вечер в индийском ресторане «Джалтаранг»?

У входных дверей нас встретил внушительный тип — эдакий разъевшийся человек-гора, бородатый, лысый, с расплющенными ушами борца, глазки же маленькие, утопавшие в мясистых щеках. А когда он заговорил вкрадчивым, бархатным голосом, я невольно поежился.

Он провел нас в небольшой зал на первом этаже, в изобилии украшенный индийским орнаментом и многочисленными изображениями слонов. На слонов художник не поскупился. А над стойкой бара виднелся индийский фазан, на первый взгляд, впрочем, совершенно не отличавшийся от фазана отечественного.

— Вы здесь впервые? — спрашивал человек с расплющенными ушами.

— Да, как-то не приходилось,— отвечал Арканов.

Как мне помнится, Арканов ответил именно так. О выражении лица моего друга, передававшем тонкие движения его души, я и на этот раз и впредь особо распространяться не буду. Хочу избежать лишних сносок, которыми, боюсь, увлечется Арканов, спеша уточнить мои наблюдения. Работа со словом, как и игра в шахматы, неотделима, как правило, от постоянного стремления к самоутверждению.

---

* «На том и сошлись» на самом деле выглядело менее демократично. «Это буду описывать я! — сказал Зерчанинов.— И все!». На том и сошлись. (А. А.)

Зал пустовал, зато на открытой террасе, у воды, не было, кажется, ни одного свободного столика. И едва мы вышли на террасу, из-за крайнего левого столика поднялся К. Л. и широким жестом пригласил нас присоединиться к нему.

А человек с расплющенными ушами направился к соседнему столику, за которым уже сидел мужчина аскетического вида и, пощипывая свою козлиную бородку, сладко нам улыбался.

Большеголовый располагался спиной к пруду с его лебедями и утками, мы же сели напротив и, не спеша затевать разговор, усердно принялись созерцать чистопрудный пейзаж в лучах заходящего солнца.

— Я понимаю вас,— обратился К. Л. к Арканову,— птицу на воде созерцать приятно.

— Что? — бесстрастно переспросил Арканов.

Я не смог сдержаться и засмеялся, и за соседним столиком, вторя мне, засмеялся человек со сладкой улыбкой...

— Кофе. Индийский кофе с корицей и кардамоном,— зазвучал ангельский голосок.

Ангелица в красных вельветовых джинсах принесла нам не только кофе, но и халву из моркови и свеклы — на каждом блюдечке по два шарика. Одарив нас этими яствами, она направилась к соседнему столику и присела между человеком с расплющенными ушами и человеком со сладкой улыбкой. Премилая собиралась компания.

— Друзья мои,— заговорил К. Л.,— я пригласил вас, чтобы прервать игру, которую, каюсь, затеял с вами. А что было делать? Мог ли я, не прикинувшись математиком, убедить вас, что не бросаюсь словами, что мне надо верить? Вы хотите спросить, кто ж я такой, не так ли?

Тут Арканов дал мне понять — обрати внимание, что происходит у тебя за спиной*. Обернувшись, я увидел сзади, за столиком, четырех ребят, стриженных наголо, в одинаковых белых майках. На майке у каждого была оттиснута цифра «85». Стриженые попивали кофе и выглядели, казалось бы, вполне дружелюбно.

А К. Л. тем временем наконец-то представился нам:

---

* В этот момент мне даже показалось, что я втянут в какую-то криминальную историю, связанную, возможно, с моим недавним приобретением, но присутствие Зерчанинова меня успокаивало. (А. А.)

«Люблю, когда меня называют К. Л. Энергично, коротко. Если же полностью, то Константин Леонидович». Не Кирилл, значит, а Константин. Что ж, и Константин — имя звучное. Заметив далее, что мы вправе верить ему или не верить, хотя сам он не сомневается, что ученые, которые уже принялись изучать резервные возможности человеческой психики, вскоре дружно к нему поспешат, а он еще подумает, пришло ли время довериться им, он поведал нам, что свои неограниченные возможности осознавал еще в детстве. Так, по его словам, уже в два года, то есть сорок лет назад, когда ему показали, как ходят шахматные фигуры, он после недолгих раздумий предложил ряд новых трактовок традиционных дебютов, которые лишь теперь стали предметом теоретической дискуссии, затеянной Карповым и Каспаровым. А ему шахматы быстро наскучили, он *увидел* отчетливо, что это совсем не его игра. Да и в дальнейшем, легко овладевая всевозможными профессиями, науками и искусствами, он всякий раз *видел*, что это не его призвание, и сразу же выходил из игры. Так длится и по сегодняшний день, но он продолжает перебор вариантов. Это занятие ему нравится. Объяснить же, как ему удается *видеть* то, что лишь еще предстоит, он не считает возможным — не находит слов, которые позволяют представить, как это случается. Почему же спустя сорок лет он вновь обратился к шахматам? А куда было деться, когда даже люди, не умеющие отличить коня от ладьи, первым делом спешат втянуть тебя в спор: кто — Карпов или Каспаров? Этот новоявленный вирус свирепой шахматной лихорадки он так и назвал — «два К». И однажды, когда и его уже лихорадило, *увидел* эти спасительные цифры — 52 и 5:5. Хотя ему не открылось, кто выиграет решающую — шестую — партию (ее исход, очевидно, был целиком во власти случая), он осознал, что обрел возможность кого-то избавить от излишних опасений, а кого-то — от излишних обольщений. Оставалось вычислить двух посредников и доверить им свой «прогноз» («В тайну, чтобы она не осталась тайной, следует посвящать двоих».), но это, по его словам, уже было делом техники. Он не дал иных объяснений, почему его выбор пал на меня и Арканова, лишь сказал, что теперь совесть не гложет его — он чистосердечно признался, что побудило его мистифицировать нас, и надеется, что мы оценим его благие намерения.

— Я чист перед вами,— сказал, просветлев лицом, Константин Леонидович и принялся за свекольные шарики,

запивая их, как водой — большими глотками, пряным индийским кофе.

— А мороженое здесь не дают? — поинтересовался Арканов.

— Я разлюбил мороженое.

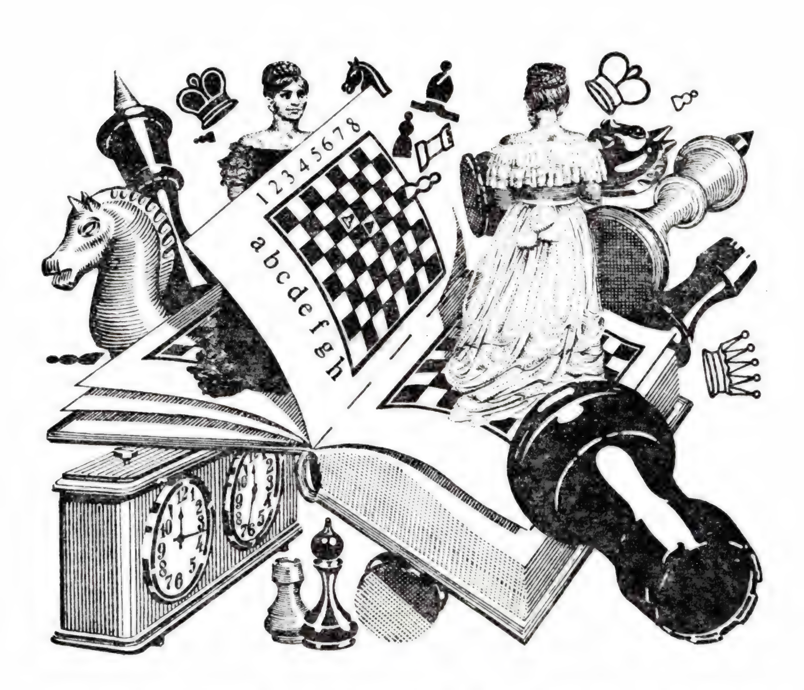
А я спросил, давно ли он бывает здесь, но спросил излишне заинтересованно — аркановская бесстрастность мне не далась. Константин Леонидович понимающе улыбнулся и доверительно, словно приоткрывая нам сокровенную тайну, сказал, что его последнее увлечение — индийская философия, и в особенности Вивекананда, и где, как не здесь, встречаться с друзьями, которые, как и он, читают Вивекананду в подлиннике.

— Как вы оцените, например, такое суждение: «Избегайте всякого, как бы велик и добр он ни был, кто просит слепо ему верить»?..

Мы с Аркановым переглянулись, что не осталось незамеченным читателями Вивекананды с соседнего столика. К нам подскочил человек со сладкой улыбкой и принялся предостерегать нас, что мы подвергаемся испытанию — решающему испытанию... Его сменил человек с расплющенными ушами, который сказал попросту, что мы сваляем дурака, если упремся рогом — не захотим поверить, что К. Л. всегда видит то, что надо. А ангелица пропела мне на ухо: «Спросите, и он вам ответит. Не огорчайте меня — спросите...»

Спросил Арканов, и я передам сейчас ему слово — пусть сам оценит, удалось ли ему в тот вечер понять, с кем мы имеем дело. Мне же запомнилось, как на последний вопрос Арканова: «Вас и впредь можно здесь застать?» К. Л. ответил: «Все не так просто, все не так просто...» И один из стриженых повторил взволнованно: «Все не так просто...»

А. А. После посещения индийского ресторана, после вечера, прошедшего там в обстановке, похожей на сцену из оперетты, я полагал, что эпопея с Большеголовым закончится, тем более что страсти по поводу прерванного матча улеглись, а до новых волнений было еще более двух месяцев. Но странное дело — Константин Леонидович начал меня интересовать не как автор немыслимого и чуть было не сбывшегося прогноза, а как личность. Что двигало им? Для чего он придумал для нас «машину»? Почему раскрылся и

начал доказывать уникальность устройства собственного мозга? Как говорят в таких случаях, какой навар имел он сам со всего этого? И почему в тот вечер на мой явно ироничный вопрос, как, по мнению его мозга, закончится новый матч, он ответил: «А почему вы думаете, что закончился предыдущий? Он будет продолжен в сентябре... Ведь они сыграли лишь сорок восемь партий...»

— То есть вы хотите сказать, что в новом матче после первых четырех партий счет будет 2:0 в пользу Каспарова?

— Вы догадливы.

— А потом?

— Не торопите меня. Эманация будущего информативного поля еще мною не воспринимается.

Я пожал плечами.

Мне было ясно одно: Большеголовый упрям как осел. Но почему? И кто он все-таки? Кем работает? Где?..

Соискатели лаврового венка тем временем вели подготовку к будущему поединку каждый по своему плану. Каспаров провел тренировочные матчи с Хюбнером и Андерссоном, устрашающе легко победив и того и другого. А

Карпов не менее легко выиграл двухкруговой турнир, съездил в Испанию за девятым «Оскаром» и вышел на 20 очков вперед по сравнению с Каспаровым в таблице индивидуальных коэффициентов. Говорили еще о том, что он проходит какую-то особую психологическую подготовку к матчу. Впрочем, мало ли о чем говорили в то лето... И о том, что исполком ФИДЕ и последующий конгресс не утвердят решение Кампоманеса, и матч не состоится... Говорили о том, что если матч и состоится, то не в Москве, а где-нибудь за границей, скажем в Лондоне или в Марселе... Говорили и о том, что матч-реванш в случае поражения Карпова вряд ли правомерен... Говорили, говорили, говорили... В конце концов, исполком ФИДЕ решение Кампоманеса утвердил, конгресс решение утвердил, право проведения матча было справедливо предоставлено Москве, несмотря на то что Марсель и Лондон, действительно, предлагали свои услуги... У многих возник вопрос: из каких соображений два советских гроссмейстера должны были играть за границей? Соображения были, но их стыдливо не формулировали. Соображения финансовые. И за границей спонсоры в призовой фонд отваливали и отваливают столько «соображений», что от них не имеет смысла отказываться, что и подтвердят последующие матчи, ни игрокам, ни федерации, ни Госкомспорту... И матч-реванш был утвержден... В общем, чтобы там ни говорили, а Кампоманес все утвердил, и 2 сентября медленно и верно приближалось.

Лично я дал себе слово на сей раз не влезать в подводную часть соревнования, а ограничиться надводной — чисто зрительской. Не выступать. Не включаться в полемику. Не зависеть от слухов и мнений из «осведомленных кругов». Только наблюдать. Прошлый матч меня помимо всего прочего и утомил. Я попал в водоворот далеко не шахматных течений. Мои человеческие симпатии к одному из участников (назовем его условно «К») привели к тому, что кое-кто из «команды» второго участника (назовем его тоже условно «К») перестал со мной здороваться. Частная беседа с одним из корреспондентов одной областной газеты была изложена в этой газете столь странно и извращенно, что я вынужден был написать в газету письмо, в котором выразил свое, мягко говоря, недоумение. «Хватит! — сказал я себе.— Здоровье дороже».

Тем более что постоянно ходить в зал Чайковского я все равно не мог, несмотря на то что живу от него в пяти

минутах ходьбы. Дело в том, что срок действия моего первого шахматного разряда (о сладкая шахматная графомания!) истек 1 января 1985 года. Ну скажите, мог ли я позволить себе лишить мир хотя бы одного перворазрядника? И я записался в квалификационный турнир в клубе «Спартак» с целью подтвердить первый разряд. Турнир, как и матч на первенство мира, начался 3 сентября. Туры проводились по вторникам и субботам. Так что мне было не до матча. Забегая вперед, могу сказать, что задачу свою я выполнил, спортивным итогом остался доволен, а в творческом отношении удалось создать пару «шедевров, достойных диаграммы» (о сладкая шахматная графомания!).

В первом туре я с большим трудом, играя белыми, свел партию к ничьей, хотя стоял на проигрыш. Я очень легковесно «двигал» в защите Нимцовича. Мой противник довольно быстро захватил инициативу и провел атаку на короля. Но в цейтноте он не заметил трехходового мата, допустил размен ладей, и мне удалось форсировать ничью вечным шахом.

Каспаров же в тот день был более удачлив и свою первую партию, владея белым цветом, выиграл. Тоже в защите Нимцовича. Разбирая дома обе партии, я в очередной раз пришел к выводу, что трактовка этой защиты претендентом выгодно отличается от моей трактовки... Дальнейшее течение матча на первенство мира показало, что трактовка защиты Нимцовича претендентом выгодно отличается не только от моей, но и от трактовки чемпиона мира...

Так счет нового матча стал 1:0 в пользу Каспарова. Если же придерживаться летосчисления по Большеголовому, то счет стал 4:5 после сорока девяти партий. Победа далась претенденту внешне столь легко, что он и сам (как выяснилось потом) этого не ожидал. Тут многие начали утверждать, что если Каспаров выиграет следующую партию черным цветом, то Карпова ожидает разгром... Течение второй партии тех «многих» лишь утвердило в правильности предположений — претендент легко уравнял игру, перехватил инициативу и уже почти выиграл... Почти... В течение нескольких дней после второй партии гроссмейстеры разных калибров искали в анализе пути реализации перевеса черных. Кто-то находил, кто-то не находил... Косвенно обвиняли и помощников Каспарова в том, что они поверхностно проанализировали отложенную позицию. Не знаю. По-моему, оба штаба нельзя обвинить в недобросовестности. Просто одни искали выигрыш, другие искали защиту... Мог — не мог... Пустое...

Основная борьба все-таки происходит за доской, и за доской Каспаров не выиграл. Ничья. Единственное, что можно было утверждать, так это то, что проблемы черного цвета для Каспарова в той партии не было... Впрочем, как выяснилось потом, этой проблемы для него не было практически в ходе всего матча...

Третья партия закончилась вничью (по Большеголовому, не третья, а пятьдесят первая!). Итак, я ждал результата пятьдесят второй партии, которая «обязана» была закончиться победой Каспарова. Таковой, во всяком случае, была раскладка Большеголового.

Четвертая партия не закончилась в основное время и была отложена с позиционным преимуществом у Карпова. Ослабленные белые поля черных, возможность атаки Карпова по этим белым полям разрушали «информативное поле» Большеголового полностью... Впрочем, всегда существует новая вариантность даже в научно построенных предсказаниях — плюс-минус, туда-сюда, пятьдесят две — пятьдесят три... Но тогда четвертая партия (она же пятьдесят вторая) должна при доигрывании завершиться вничью.

Вечером следующего дня, сыграв свою партию, я решил по дороге домой пройти мимо зала Чайковского... Оцепление уже было снято, но народу на площади было еще много. Я понял, что партия закончилась. И, потолкавшись среди болельщиков, я довольно быстро «вычислил», что выиграл Карпов. Счет стал 2:2 по-новому и 6:4 по-старому... И я направился ко входу в метро, чтобы под землей перейти к магазину «Колбасы» и направиться домой...

Большеголовый метался на участке тротуара от выхода из метро до окошечка с фантой. Впечатление было такое, что он что-то или кого-то ищет... Он увидел меня и, как мне показалось, бросился в подворотню, но я окликнул его. Деваться было некуда.

— Что скажете? — не без высокомерия обратился я к нему.

— Здесь раньше продавали мороженое,— сказал он.

— Вы же прекратили есть мороженое,— сказал я,— поэтому его и не продают. Да и счет стал 6:4.

Он вдруг напрягся — я почувствовал это — и после паузы, глядя мне прямо в глаза, произнес, почти скандируя:

— Когда оппонент заряжен негативно, никакие доводы не станут для него убедительными...

— Но согласитесь,— сказал я,— что между счетом 5:5 и

счетом 6:4 дистанция огромная, хотя в сумме и там и там получается 10.

— Вот именно! — почти закричал он. — Пятьдесят вторую партию белыми должен был играть Каспаров, если бы матч не был прерван!..

— Ну и что?

— При жеребьевке нового матча произошла смена цвета, в результате чего белыми эту партию играл Карпов... Переброска знаков!..

— В общем, получается, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется?

— Именно! Именно так! — он (на этот раз) схватил меня за пуговицу пиджака. — Белые-таки выиграли пятьдесят вторую партию!.. Нарушенная непрерывность повлекла переброску знаков. Вы понимаете, что по формуле-то я прав! Ошибка в вычислениях, и только!

— Хороша ошибочка, — засмеялся я. — То ли Карпов, то ли Каспаров?!

— Да какая к черту разница? — закричал он. — Главное, что я прав! Пусть даже теоретически... И если вы это не понимаете, то вы — ограниченный догматик!..

На этом мы и расстались...

На следующий день состоялась пятая партия, после которой Карпов повел в счете. Каспарову предстояло решить трудноразрешимую задачу...

В районе девятой-десятой партии мне позвонил мой друг Зерчанинов и сообщил, что в пресс-баре он разговорился с каким-то известным артистом и тот будто бы сказал, что ему назвали окончательный итог матча 13:11 в пользу Каспарова (!)... Будто бы поведал это ему один человек небольшого роста с крупной головой...

Зерчанинов, говоря это, нервно хохотал на другом конце телефонного провода... Запахло определенной шахматной «распутинщиной»...

Я тоже стал смеяться, а потом Зерчанинов сделал паузу и сказал:

— А представляешь, если все так и будет?! — И он опять захохотал...

Сегодня, когда известен исход матча, все, о чем я пишу здесь, можно расценивать как обыкновенную авторскую подтасовку, но это уже право того, кто будет читать написанное...

Ю. З. Вспоминаю, как пятнадцатилетний Гарик, отвечая на мой вопрос, спешит ли он повзрослеть, говорил, что раньше, когда ему было лет десять, завидовал тем, кто старше. Теперь же, оказавшись в кругу взрослых шахматистов, свободно чувствует себя лишь среди тех, кому не больше двадцати,— среди ребят, еще не захлестнутых околошахматными страстями. Как и сегодня, он делил всех людей на порядочных и непорядочных и сознавал уже, что, взрослея и продолжая стремиться к самоутверждению, он подвергнется немалым нравственным испытаниям. Опасался, что будет трудно выстоять в этой борьбе, сторонясь тех «правил игры», которыми так искусно «владеют» иные власть имущие в черно-белом шахматном мире. По этим «правилам» ему, как известно, едва не засчитали поражение в матче с Корчным... Он в конце концов победил, но ценой какого резкого повзросления достались ему и эта победа и дальнейшие шаги к шахматной короне. До сих пор помню, как в пятнадцать лет он мне говорил: «Я бы хотел иметь со всеми дружеские или просто хорошие отношения, а враждовать сегодня лишь с черным, а завтра — с белым королем...»

Два монитора, установленные в пресс-баре, давали полную картину происходящего на сцене. Так было и год назад, в Колонном зале, но тогда гроссмейстеры забегали в пресс-бар лишь глотнуть кофе и спешили возвратиться в отведенную им комнату, чтобы за доской продолжить анализ последнего хода Карпова или Каспарова. А в зале Чайковского эта комната была столь тесна, что иные гроссмейстеры предпочитали просторный пресс-бар, занимая столики поближе к мониторам. Чем не былое шахматное кафе, но с коррективами телевизионного века?

Буфет зала Чайковского — двухъярусный, и над пресс-баром пили охлажденные соки и заправлялись бутербродами зрители. Два верхних столика, с которых были видны наши мониторы, не пустовали никогда. Под занавес двадцать четвертой партии за одним из этих столиков разыграется целое представление...

Приходя на очередную партию к тому времени, когда намерения сторон уже прояснялись, я сразу спускался в пресс-бар. Посмотрев позицию и отнюдь не обольщаясь, что мой давний, полученный еще в школьные годы второй шахматный разряд (вечное стремление к дальнейшему совершенствованию в игре, которое отличает моего друга Арканова, дано, увы, не каждому) поможет мне по-

настоящему разобраться, что происходит в партии, я принимался высматривать, где на этот раз присел руководитель команды Карпова Батуринский. Если он неторопливо раскуривал новую сигару, значит, у Карпова было все в порядке, а если жевал огрызок, значит, Карпов испытывал трудности.

Ефим Геллер, тренер Карпова, окруженный внушительной свитой, располагался обычно прямо против мониторов. До появления на шахматном горизонте Каспарова многоопытный Геллер слыл непревзойденным знатоком дебютов. Геллер всегда держался столь невозмутимо, что попробуй пойми, как он оценивает в данный момент позицию. Правда, если около Геллера то и дело начинал возникать обеспокоенный Евгений Васюков, некоторые выводы напрашивались. Международный гроссмейстер Васюков рассказывал о матче в «Вечерней Москве» и до последних ходов последней партии даже мысли не допускал, что москвич Карпов может лишиться чемпионского звания. Интересно, а если бы Васюков представлял на матче «Вечерний Баку»?..

Но бакинская пресса в своих рядах гроссмейстеров не имела, и в поисках собеседника из команды Каспарова я остановил свой выбор на Николае Гараеве. Поговаривали, что у шофера претендента, то есть у Коли, высший рейтинг в Баку (а быть может, и в мире!) среди игроков в нарды. Некий коллега из Еревана сообщил мне под большим секретом, естественно, что Коля отменно играет не только в нарды и что однажды, на пути к залу Чайковского, он дал своему Гарику очень ценный дебютный совет... К концу матча я не удержался и рассказал Коле об этом. Он казался мне человеком достаточно сдержанным и не лишенным иронии, но тут он буквально взорвался: «Кто?! Кто сказал вам такое? Неужели вы мне не покажете этого человека?»

А как-то Коля появился в пресс-баре вместе с Серегой, шофером Карпова. На них с любопытством посматривали — дружат, что ли? А им, действительно, нечего было делить. Я спросил, одинаковые ли у них машины.

— Моя посильнее, конечно,— сдержанно улыбнулся Серега.

— А может, сыграем в шахматы?— предложил Коля.

— Ты же знаешь, в такие игры я не играю...

И действительно, таких разговоров, допустим, что в анализе отложенных партий Карпову помогает и его водитель, я, признаться, не слышал. А в пресс-баре многое можно было услышать.

С пятой партии по одиннадцатую в пресс-баре царила атмосфера напряженного ожидания. Как Карпов скажет потом, в те дни он продолжал находиться в своей наилучшей форме. И действительно, он упрямо искал шанс, чтобы закрепить свой успех, даже в ничейном эндшпиле. Каспаров скажет потом, что, проиграв после нежданного лидерства одну за другой две партии, он наконец успокоился. И действительно, он вновь, как и год назад, чтобы получить желанный простор в игре, щедро жертвовал пешки, однако Карпову на сей раз никак не удавалось реализовать эти, казалось бы, для него достаточные приобретения. Всех занимало: что происходит?

Вспоминалось, как Геллер, оценивая игру Каспарова в предыдущем матче, говорил: «Вероятно, молодой и очень талантливый претендент не понял, что такое матч на первенство мира, и не нашлось никого, кто бы мог объяснить ему это вовремя». «Как никого не нашлось? — хотелось спросить теперь.— А Карпов? Разве не вовремя он «объяснил» Каспарову все, что следовало тому знать?..».

И еще две гроссмейстерские оценки, появившиеся прошлой весной в «64». Полугаевский: «Каспаров не выдерживает стойкого сопротивления. Он теряется, становится неуверенным. Такое было с ним и раньше». Васюков: «Кстати, даже продвижение Каспарова к финальному матчу было не таким впечатляющим, как когда-то Карпова». Публикации сопровождались оговоркой, что по просьбе гроссмейстеров указывается, после какой партии они поделились своим мнением. Но так ли уж это было важно в этих двух случаях? Между пятой и одиннадцатой партиями нового матча объективность недавних оценок подвергалась, как вскоре выяснилось, решающему испытанию.

Во время девятой, а быть может десятой, партии я зашел в «Зимний сад», где была выставлена демонстрационная доска, сделанная югославами по последнему слову электроники. (А знаете, откуда в зале Чайковского этот «сад»? Осколки памяти о трагически погибшем Мейерхольде, в свое время мечтавшем, чтобы зрители его нового театра, который в слегка преображенном виде и превратился в концертный зал, носящий имя Петра Ильича Чайковского, прогуливались в антрактах по зимнему саду...) Так вот, в этом мемориальном «саду» я и засек нашего Константина Леонидовича за непринужденной беседой... с артистом Александром Калягиным.

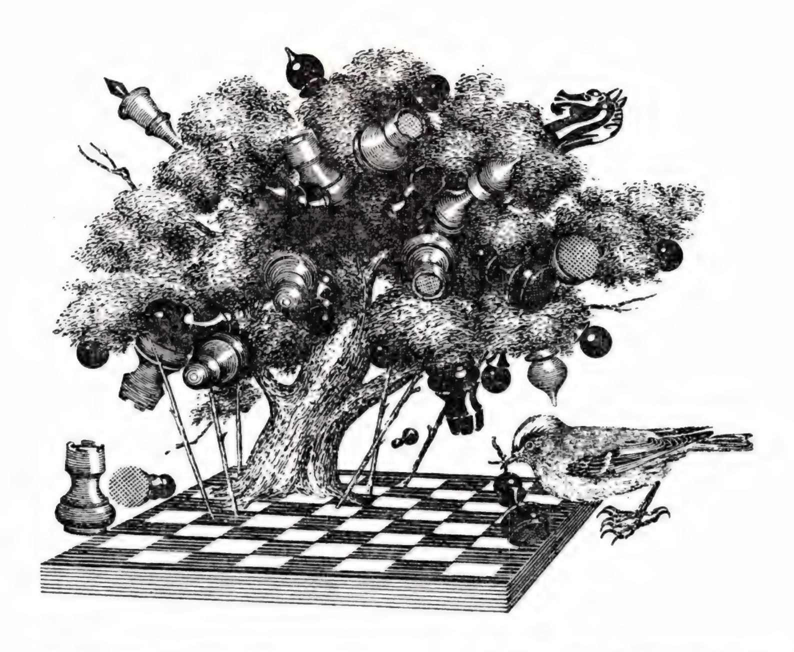
Не скрою, меня занимало, чем он «взял» Калягина, но обнаруживать излишнюю заинтересованность я не стремился и прошел мимо. Мне казалось, настанет час и достопочтенный Константин Леонидович сам разыщет меня — в отличие от моего друга Арканова я ни в чем пока что не уличал его. Он продолжал для меня оставаться фигурой, столь же неотделимой от этого матча, как тот же Кампоманес, если хотите.

Час спустя, уже в пресс-баре, я стоял вместе с Калягиным в очереди за кофе (гроссмейстера Романишина, у которого не было аккредитационной карточки, в пресс-бар не впустили, а Калягину двери открылись — вот что значит популярность!) и как бы невзначай спросил, не привелось ли ему познакомиться с неким предсказателем — ходит здесь такой. Да, оживился Калягин, он разговорился с человеком, убежденным, что матч закончится победой Каспарова со счетом 13:11(?!)

От Калягина не укрылось, что предсказатель болезненно самолюбив, и он не захотел его огорчать своими сомнениями в допустимости столь безапелляционного прогноза, пообещав, однако, если так произойдет, поводить его во МХАТ на свои спектакли. Калягин жалел только, что не спросил этого человека, удастся ли ему, Калягину, попасть на следующую партию. Он проник, оказывается, в этот вечер на матч с помощью своего друга, у которого имеется собака и который на собачьей площадке познакомился в свою очередь с человеком, достаточно близко знающим Карпова...

В одиннадцатой партии Карпов вновь, в третий раз в этом матче, обратился к своей излюбленной защите Нимцовича и вновь — и достаточно долго — ощущал себя дискомфортно. Представьте бывалого плотника, который любовно выстроил собственный дом, созвал со всей округи гостей на новоселье, усадил их за стол, а гостям зябко, гости поеживаются — в доме обнаружились щели. Законопатив наконец все свои щели в защите Нимцовича, Карпов, на мой взгляд, был настолько раздерган произошедшим, что отнюдь не случайно оступился вскоре уже на ровном месте...

В этой связи Васюков вспоминал в «Вечерней Москве», как на сцене того же зала Чайковского Ботвинник уже в дебюте имел в свое время против Бронштейна лишнюю ладью и ухитрился упустить победу — дескать, повторился столь же нелепый курьез. Заметим только, что Карпов упустил не победу, а лишь вероятную ничью. Не зачислял в

«копилку курьезов» произошедшее и тот же Бронштейн в «Известиях» (шахматная истина, по его мнению, у каждого, по праву на нее претендующего, своя и скрыта от всех за семью печатями). Но, так или иначе, после зевка Карпова в одиннадцатой партии счет в матче сравнялся.

Около гардероба для прессы меня встретил Константин Леонидович. Рядом с ним стояла привлекательная молодая женщина. Ростом она была повыше Константина Леонидовича, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза. У нее оказалось довольно редкое имя и тоже на букву «К» — Карина. Она сказала мне, что ей очень приятно, что здесь, на шахматах, у Кости так много достойных друзей. Он смутился было, но ненадолго.

— Я бы мог, конечно, сообщить вам заранее, как закончится эта партия,— поспешил сказать он,— но решил не лишать вас нежданных эмоций. Знать все наперед порой, согласитесь, обременительно...

А. А. Каспаров сравнял счет в одиннадцатой партии, а в двенадцатой к полному изумлению шахматного мира он предложил ближний бой в сицилианской защите, вопреки

всем канонам принес в жертву пешку на поле d5. Карпову за доской необходимо было решить, блеф это, рассчитанный на неожиданность, или, как говорят в таких случаях, надо поверить сопернику на слово. После длительного раздумья чемпион мира не отважился на проверку козырей претендента, а претендент не стал настаивать, и партия вскоре завершилась вничью.

Принципиальность, гордыня, вера в свои силы и просто-таки «нахальность» предложенной в двенадцатой партии жертвы привели, видимо, Карпова к мысли о том, что следует наказать претендента... Приведение приговора было назначено на шестнадцатую партию, в которой чемпион мира спокойно, не сомневаясь, жертву принял...

По окончании теперь уже знаменитой шестнадцатой партии комментировавший ее гроссмейстер Марк Тайманов сказал, что вариант, предложенный претендентом в двенадцатой и разыгранный в шестнадцатой партии, можно смело назвать гамбитом Каспарова в сицилианской защите... Что-то подбивало меня пойти в тот день в концертный зал Чайковского... Не без труда мне удалось заполучить билет, и без десяти минут пять я вышел из метро. У выхода было большое скопление народа, и милиция с дружинниками в зал никого не пропускали, объясняя это тем, что еще не подъехали и не прошли участники. Народ, надо сказать, сетовал и возмущался, мол, что это такое, мол, уж так накалили обстановку, будто это не в шахматы будут играть два человека, а встречаться на высшем уровне главы правительств... Кто-то с тоской в голосе произнес:

— Эх, а ведь я помню еще, когда во время матча на первенство мира на здании Театра имени Пушкина висела демонстрационная доска. Люди могли смотреть, и никакой милиции не было, и порядок соблюдался...

Я это тоже вспомнил, и Михаил Моисеевич Ботвинник любит вспоминать, как полезно ходить пешком, когда играешь матч за звание чемпиона мира.

...Сначала на нескольких машинах с ведущей милицейской «мигалкой» подъехал кортеж претендента, а затем столь же торжественно доставлен был чемпион мира. После этого нас всех запустили в зал. Безусловно, такие соревнования должны быть обеспечены и организованы. Конечно же участникам необходимо предоставлять нормальные и равные условия... Но без перебора. Ведь не случайно, наверное, в последние лет десять шахматы обогатились военной терми-

нологией: «штаб чемпиона мира», «белые пехотинцы», «черная кавалерия», «капитуляция»... И прав, получается, тот же Марк Тайманов, назвав матч на первенство мира «титанической битвой»... Пожалуй, это уже не только метафоры. Что-то во всем этом есть неприятное. Все-таки не следует забывать, что два человека иг-ра-ют (!). И играют на первенство ми-ра... А «мир» при всем многообразии значений этого слова остается миром... Может быть, «разоружиться» и вернуться к старой доброй системе — играющий+секундант?..

Впрочем, я увлекся... Зал в тот день был полон. Я запасся биноклем и разглядывал обоих участников как хотел. Оба внешне были спокойны... Взяв пешку, Карпов поставил слона на поле f3, встал из-за столика и пошел со сцены, но не в прорезь в центре заднего занавеса, а в левую кулису, мимо расположения своего «лагеря» (прошу прощения). Он бросил взгляд на «своих», и мне показалось, что на лице его мелькнула еле заметная усмешка, что-то вроде «теперь посмотрим...» Но, сев за столик после ответного хода черных, он практически уже не вставал до конца... Я никогда не видел до этого Карпова в столь бесперспективной позиции, которая возникла почти форсированно. К 20-му ходу его фигуры практически были запатованы, заморожены... Ощущение было такое, что чемпиона мира замуровали, и каждый из возможных оставшихся ходов лишь расходует жизненно необходимый запас кислорода... Хотелось вообще не двигать фигурами в этом положении, но двигать-то надо. Игра есть игра... И если ходы Карпова угадывались почти всеми в зале, так как часто были единственными, то каждый ход Каспарова являлся полным откровением. Один лишь человек, к моему изумлению, почти все угадывал. Это был белобрысый мальчик лет восьми. Он сидел на ряд ниже и, не отрываясь, смотрел на демонстрационную доску. Правой рукой вцепился в колено сидящего с ним мужчины, видимо отца...

— Как тебя зовут? — зашептал я.

— Петя,— ответил он.

— А с чего ты взял, что Каспаров сыграет Kf6?

— Это самое сильное,— сказал он и взглянул на меня, как на несмышленыша...

Карпов в это время задумался, и я спустился покурить, решив позже подробно побеседовать с маленьким «специалистом», но, когда вернулся, ни его, ни его, по всей видимости, папы на местах уже не было...

Наверное, Карпов довольно быстро понял, что эту партию ему не спасти, хотя его выражение лица, его посадка за столиком успокаивающе действовали на его поклонников... «Толя выкрутится, отсидится,— говорили они,— а пешечка-то проходная останется...»

Но время шло, давление Каспарова нарастало, надвигался цейтнот, и вставал вопрос, а понадобится ли проходная пешечка чемпиону мира, а если понадобится, успеет ли он ею воспользоваться?

Каспаров, кажется, впервые в этом матче заметался по сцене, подавляя волнение, нетерпение и желание как можно скорее закончить партию (это желание, кстати, не раз играло с ним плохие шутки). Но сегодня ему все удавалось. Во всяком случае, он ни разу не «дернулся» и лишь сдавливал кольцо очередным ходом. Энергия, душевные силы, вложенные обоими в эту партию, были столь велики, что я уже не сомневался в одном — кто победит в этой партии, тот победит и в матче. Темпераментным каспаровским болельщикам тяжело было сдерживать эмоции. Если кто-то из них и не понимал, что Каспаров выигрывает, то догадывался. И когда уже, по сути дела в агонии, Карпов пожертвовал ферзя, чтобы хотя бы отложить партию и сдать ее на следующий день, не испытав травмирующего восторга каспаровских болельщиков, кто-то из них не выдержал, вскочил со своего места и зааплодировал. Но в этот момент на другом конце зала поднялся с места огромного роста кавказец и так устрашающе произнес «т-ссс!» и столь грозно посмотрел на нарушителя, что тот мгновенно сел и уже боялся аплодировать даже тогда, когда в адрес победителя вспыхнула овация. Карпов остановил часы за ход до мата...

На улице ко мне обратился средних лет мужчина из тех, кто не попал на партию и дожидался результата у выхода из концертного зала.

Когда я в двух словах описал ему ход партии, он сказал не без грусти:

— Ослабел Анатолий Евгеньевич... Как вы думаете, это у него спад или время пришло?..

— Посмотрим,— сказал я.— Впереди еще матч-реванш...

— А с этим матчем вам уже все ясно?

— Похоже, что так...

— Не хотелось бы в это верить...

Если у кого-то и оставались сомнения в исходе всего поединка, то они испарились после девятнадцатой партии,

когда Каспаров увеличил разрыв до двух очков... Стали поговаривать, что матч кончится досрочно.

Ю. З. Хотя стиль игры Каспарова и продолжали сравнивать с алехинским (так отчет в «Советском спорте» о победе Каспарова в шестнадцатой партии гроссмейстер Алаторцев озаглавил: «Следуя алехинскому принципу»), но сравнивать — чисто спортивно — матч в зале Чайковского с единоборством Алехина и Капабланки в 1927 году уже никто не рисковал. Сравнение пошатнулось еще год назад...

Я отметил, конечно, что Каспаров, как и Алехин в том матче, начал с победы, но в дальнейшем столь буквальных совпадений не последовало, и я отвлекся от этой статистики. К тому же, постоянно видя на сцене Микенаса, не мог не вспоминать, что, по мнению главного арбитра матча, и тактикой игры, и богатством идей в любых ситуациях Каспаров скорее напоминает Фишера, чем Алехина... (Сам Каспаров в заключительной телепередаче о матче скажет, что он учился и у Алехина, и у Фишера.) Однако, узнав от Калягина, что К. Л. предсказывает счет 13:11, я не поленился произвести несложный подсчет и, представьте себе, обнаружил, что если в том безлимитном матче 1927 года не сбрасывать со счетов ничьи, то после двадцать четвертой партии Алехин вел как раз... 13:11?!

А после того как в одиннадцатой партии Каспаров сравнял счет и Константин Леонидович похвалялся, что заранее знал это, мои предположения, как разгадывается новоявленный прогноз, еще более укрепились. Дело в том, что и Алехин именно в одиннадцатой партии вторично победил Капабланку и сравнял счет в матче.

На этом очевидные совпадения (исход конкретных партий) и завершились. Алехин выиграл двенадцатую и двадцать первую партии, а затем сделал восемь ничьих... А когда Каспаров уже после девятнадцатой партии повел в матче со счетом $10^1/_2$ на $8^1/_2$, прогноз Константина Леонидовича ощутимо заколебался. При ничейном исходе последующих партий матч закончился бы досрочно — со счетом $12^1/_2$ на $10^1/_2$. Финишный натиск Каспарова был, однако, столь ощутим, что и счет 13:10 никого бы не удивил. Счет 13:11 был возможен теперь только в одном случае — при обмене в ближайших партиях нокаутирующими ударами. И первым — в двадцать второй партии — удар нанес Карпов. Чтобы «соот-

ветствовать» Алехину, Каспарову следовало свести вничью предпоследнюю партию, а последнюю выиграть. Именно так, как вы помните, и произошло!..

А. А. Есть во всем этом какая-то кабалистика, и я рискну предложить более реальное, как мне представляется, объяснение той экстремальной ситуации, которая возникла перед двумя последними партиями. Как известно, девятнадцатую партию чемпион мира отложил, не досчитываясь фигуры, без каких-либо шансов на спасение. В таких случаях партию обычно не откладывают, а сдают сразу даже на уровне шахматистов первого разряда. Такое «неуважение» к сопернику могу объяснить тем, что нервы, видимо, не железные и у Карпова. Каспаров в виде «ответного шага» сделал открытый ход, подчеркивая тем самым безнадежность позиции Карпова... Понять это можно, но в футболе за такие взаимные тычки показывают желтые карточки.

В двадцатой партии Каспаров снова сделал открытый ход, на этот раз желая показать, что позиция на доске настолько ничейная, что ее можно доигрывать любыми ходами...

Один ленинградский математик сказал мне по этому поводу: «Я бы так не сделал и в девятнадцатой партии, а уж повторять то же самое в двадцатой — мальчишество, чтобы не сказать сильнее. Хотя я болею за Гарика...»

Справедливости ради надо сказать, что при доигрывании той «битой» ничейной позиции, претендент был наказан — пришлось добиваться ничьей порой этюдными ходами до 82-го хода... Мне кажется, к собственному своему изумлению, он не выиграл и двадцать первую партию, после чего перекалился настолько, что совершенно нервозно проиграл (как говорят профессионалы, «сдул») двадцать вторую, и вдруг оказалось, что двадцати двух партий словно бы и не было, а все решится в двух последних...

Ю. З. В полдень 6 ноября (утром Каспаров сдал без доигрывания двадцать вторую партию) я побывал в редакции «64» на встрече с победителями и участниками турнира претендентов во французском городе Монпелье, в котором Рафик Ваганян, Андрей Соколов и Артур Юсупов завоевали право продолжить спор за звание чемпиона мира.

— За звание чемпиона остального мира,— иронизировал Юсупов.

На этой встрече и Соколов и Юсупов много говорили о том, что при равном классе игры и равном ее понимании все решает сегодня энергетический потенциал, то есть у кого больше энергии, тот и побеждает.

Василий Васильевич Смыслов в эти разговоры не вмешивался. Нескрываемый фаталист, он убежден, что все завершается так, как должно завершиться,— если не суждено тебе стать чемпионом мира, ты никогда им не станешь, но если уж суждено, ты исполнишь свой долг на волне удачи.

Так рассуждал Смыслов за три дня до окончания матча. А еще до начала матча Ботвинник, отмечая, что за столетнюю историю борьбы за звание чемпиона мира никогда еще чемпион не уступал претенденту, если тот был старше его, делал логический вывод, что перемены на шахматном Олимпе должны происходить лишь тогда, когда чемпион слабеет, а более молодой претендент несет с собой новые шахматные идеи.

Каспаров не обманул ожиданий Ботвинника, но и Смыслова вроде бы не опроверг...

Каспаров был полон решимости завершить матч уже в предпоследней партии — в праздничный день 7 Ноября. Играя белыми, он предложил такой вариант ферзевого гамбита, который в их партиях с Карповым еще не встречался. После долгих раздумий в дебюте Карпов так и не достиг позиционного уравнения, и Каспаров повел игру, жестко диктуя свою волю...

Для друзей и близких каждого из участников матча были выделены в зале оба партерных сектора. «У Каспарова» в этот вечер свободных мест не было, и вроде бы к нему уже пересел кое-кто и «от Карпова»...

В пресс-баре за «телевизионным» столиком Суэтин вспоминал, как в свое время он сопровождал Петросяна на матч с Фишером в Буэнос-Айрес. Фишеру же секундировал Роберт Бирн. И однажды утром после бессонной ночи, ибо Петросян отложил партию в значительно худшей позиции, Суэтин встретил Бирна, настроенного столь же мрачно, чему был весьма удивлен. А тот признался, что тоже не спал всю ночь и нашел для Фишера стопроцентный выигрыш, а сейчас постучался к нему в номер, но Бобби сказал, что еще поспит, потом доиграет партию, а после этого, на теннисном корте, непременно послушает, что он там такое придумал...

Вот, дескать, давал понять Суэтин, каков был этот Фишер. А мне вспомнилось утверждение Ботвинника, что при равенстве талантов исследователя и практика, первый, которого отличает и то, что он никогда не стремится переложить свою работу на помощников, в конечном счете должен восторжествовать.

В двадцать третьей партии было сделано уже ходов двадцать, когда Суэтин сказал, что только Карпов может удерживать такую позицию, но, увы, он затратил уже слишком много времени... «Ты так думаешь?» — нервно спросил Васюков, оказавшийся около нашего столика, и поспешил наверх, в пресс-центр, где, как рассказывали, он яростно опровергал Тайманова, который тоже отдавал предпочтение позиции Каспарова.

А представитель одной из центральных газет обзванивал свою редакцию, доказывая, что надо непременно задержать подписание номера, чтобы дать сообщение о тринадцатом чемпионе мира...

И в этом нарастающем ажиотаже лишь один человек являл образец спокойствия — Анатолий Карпов. Ход Каспарова, и Карпов, скрестив руки, непринужденно откидывается на спинку стула. Иногда даже в зал посматривает. Во взгляде — холодное любопытство. Что стоило ему это видимое спокойствие? Но в роли чемпиона мира, который будет чемпионом и впредь, он в тот вечер выглядел убедительно. А Каспарова реальность победы нервировала, он надолго задумывался, выжидал, чрезмерно осторожничал и уже во взаимном цейтноте одним ходом растерял свое преимущество и дал Карпову возможность мгновенно затеять острую контригру.

Каспаров сам предложил ничью. Его поклонники расходились с кислыми лицами. А я знал человека, для которого этот вечер стал вдвойне праздничным. Догадываетесь, о ком я говорю?

Последнюю партию этого матча Карпов и Каспаров «играют» и по сей день. Карпов не устает утверждать, что мог бы выиграть эту партию, продвинь он на 23-м ходу пешку на f5, свести таким образом матч вничью и сохранить звание чемпиона мира. Небезынтересно, что многолетний тренер Карпова Игорь Зайцев полагает, что и в этом случае (при f5) построение Каспарова было пробить непросто. Да и вообще, по мнению Зайцева, «Каспаров выиграл матч вполне заслуженно».

Но Каспаров бурно реагирует на каждое очередное

высказывание Карпова о якобы упущенной победе и публикует анализы партии, снова и снова доказывая, что и на ход f5 нашлась бы защита.

Кончилось тем, что в четвертом номере «64» за 1987 год, то есть уже после матч-реванша, Каспаров опубликовал «Открытое письмо Анатолию Карпову», в котором выразил обеспокоенность тем, что послематчевые заявления экс-чемпиона мира «создают искаженную картину событий», и помянул первым делом двадцать четвертую партию матча-85.

«Вы неоднократно заявляли,— писал Каспаров,— что могли легко выиграть эту партию и тем самым изменить ход шахматной истории. Со своей стороны, я отстаиваю противоположную точку зрения, причем подкрепленную вариантными доказательствами. Однако Вы так ни разу не удосужились дать конкретный ответ на мои возражения».

И, посылая Карпову вызов на «аналитическо-творческое соревнование», он завершает его словами: «Итак, Ваш ход, коллега!»

Был помещен и ответ Анатолия Карпова, в котором, оговариваясь, что занят сейчас подготовкой к матчу с А. Соколовым, он тем не менее считал нужным сказать: «Месяцы кропотливой работы и неоднократных дополнений и исправлений потребовались Вам, чтобы отбить довольно очевидную атаку белых, которую я, промедлив в зале Чайковского, так и не начал. А ведь тогда за доской для защиты опаснейшей позиции у черных оставалось совсем немного времени... Согласитесь, по ходу игры в той, 24-й партии матча-85, о которой Вы пишете, победа белых выглядела бы все же закономернее, нежели победа черных».

И в завершение — не спешит принять вызов, но и не отклоняет его: «Итак, уважаемый коллега, Вы предложили мне сделать ход. Постараюсь, когда появится возможность, воспользоваться этим любезным предложением».

Этот нарочито галантный, прямо-таки в рыцарском духе, обмен решительными посланиями был украшен снимком — улыбающиеся Каспаров (улыбка широкая, распахнутая) и Карпов (улыбка более сдержанная) сидят за шахматным столиком, анализируя партию. Классический снимок из благостной серии «друзья-соперники».

Перелистываю эту страницу и не могу избавиться от чувства неловкости. Честолюбие — ценное качество, при его отсутствии чемпионом мира не станешь. Но необузданное

честолюбие — уже двадцать два, перебор. А с чего все пошло — если бы да кабы?.. Проиграл так проиграл. И нечего ссылаться ни на простуду, ни на упущенные возможности.

Последнюю партию Каспаров закончил неудержимой контратакой — его устраивала и ничья, но он искал уже только выигрыш. Милунка Лазаревич, прилетевшая из Белграда, чтобы присутствовать при победе Каспарова, не получила аккредитацию и обосновалась за буфетным столиком, нависшим над пресс-баром. Чтобы рассмотреть картинку на наших телеэкранах, она вооружилась биноклем, а кофе, который в буфете не подавали, ей носил из пресс-бара Давид Бронштейн. Но в отместку за лишение аккредитации Милунка посчитала себя свободной от тех условностей, которые соблюдались в пресс-баре, и, возвышаясь «над прессой» и молниеносно, по-гроссмейстерски комментируя заключительные ходы Каспарова, она бурно, по-женски восхищалась его победой...

В столпотворении, царившем в фойе, я увидел, как ко мне проталкивается торжествующий Константин Леонидович, а потом увидел, как он исчез вдруг в объятиях столь же торжествующего Максуда Ибрагимбекова.

В те ноябрьские дни в зале Чайковского появилось много именитых бакинских людей. На их праздничных лицах легко угадывалось едва сдерживаемое ожидание: ну когда же... На последней партии я видел даже некоего респектабельного джентльмена явно кавказских кровей... с повязкой пожарника(?!). А с Максудом Ибрагимбековым я однажды побывал в Африке, и у подножия Килиманджаро, наблюдая, как бойко лезут на эту снежную гору, торчащую посреди Африки, костлявые американские бабуси, и смертельно завидуя им (разрешения «на Килиманджаро» мы не имели), мы наконец расставили шахматы и вскоре забыли об этом злополучном хемингуэевском леопарде, по сей день пребывающем вроде бы где-то на Килиманджаро.

Так вот, в объятиях Максуда и исчез наш К. Л., а я знаю, поверьте, как трудно выбраться из его широких объятий...

А. А. 9 ноября 1985 года я выступал в ЦДРИ. За кулисами два радиста расставили позицию после 17-го хода.

— У черных хуже! — радовался один.

— Где хуже? Где хуже? — кричал другой.

До открытия вечера еще оставалось немного времени, и я

втянулся в анализ позиции. Не скрывая недоумения, старый администратор спрашивал меня:

— Что вы так нервничаете?

— Решающая партия,— отвечал я.

— И что?

— Сегодня может произойти смена шахматного монарха.

— И что... Вот у меня Кобзон до сих пор не приехал!..

Иосиф Кобзон вскоре приехал, вечер открылся, и, выпроваживая меня на сцену, умиротворенный администратор пообещал даже проследить за спортивными новостями по радио и телевидению.

Этот администратор и сообщил мне, что чемпионом мира стал Каспаров.

— Вас поздравить или выразить соболезнования?— спрашивал он теперь меня.

Ю. З. В книге «Два матча» Каспаров не без горечи замечает: «Пикантность ситуации была в том, что лавровым венком меня увенчали люди, которые сделали все от них зависящее, чтобы этого не случилось».

Что ж, хотя на дворе была уже осень восемьдесят пятого года, но далеко не каждый верил в необратимость наступивших перемен в жизни общества, в жизни каждого из нас. Да и перемены эти в ту осень лишь начинались, лишь брали разгон.

Еще не высказались, например, не предъявили от имени своего поколения бескомпромиссный счет недавнему прошлому те, кто родился уже в шестидесятые годы (телепередача «12-й этаж», как и «20-я комната» нашей «Юности», еще ждала своего часа...). В конце сентября, обращаясь к молодым, «Правда» так формулировала один из трех своих вопросов: «Ваше первое столкновение (не наблюдение!) с косностью, несправедливостью, чем и как оно завершилось?»

Двадцатидвухлетний Гарри Каспаров дал впечатляющий, в духе времени ответ на этот вопрос — завоевав шахматную корону, он победил и тех, кто, удерживая еще былые позиции, хотел, чтобы все осталось как было, даже в шахматном ведомстве... Хочу напомнить, что осенью восемьдесят пятого года в Москве еще продолжал возводиться помпезный монумент на Поклонной горе, что на Пушкинской площади еще не теснились читатели у стендов «Московских

новостей», что на столичных сценах еще не шли, не будоражили общественное мнение такие спектакли, как «Серебряная свадьба», «Диктатура совести», «Говори!..».

И хотя, на мой взгляд, не стоит уж слишком преувеличивать общественный резонанс смены шахматного чемпиона (вспомним, что как раз в ту осень у нас сменился и Председатель Совета Министров...), но не стоит и делать вид, что это стало событием лишь чисто шахматным...

А. А. А я в те дни, когда матч закончился, ждал звонка Большеголового, но он не позвонил — продолжал, очевидно, хранить на меня обиду. Может, и эту фигуру следует как-то соотнести со временем?

Ю. З. После того как мне удалось расшифровать его второй прогноз, казалось, что с Константином Леонидовичем все ясно, но... Коля Гараев, водитель Каспарова, мне рассказывал, что в восемьдесят третьем году с шахматной Олимпиады в Люцерне Гарик привез своим ближайшим друзьям десять белых маек, на которых была оттиснута цифра «85». И сказал, что в восемьдесят пятом году он и станет как раз чемпионом мира. С этой майкой Коля не расставался в зале Чайковского... Он перечислил мне и остальных обладателей этих маек. Но ведь трое стриженых из «Джалтаранга» были в точно таких же майках?! Нет, с Константином Леонидовичем еще следовало разобраться.

глава 3

Ю. З. Очень скоро Карпов заявил, что намерен идти на штурм чемпионской крепости, в которой теперь «пировал» Каспаров. Иначе говоря, экс-чемпион решил воспользоваться своим правом на матч-реванш в августе — сентябре 1986 года. «По натуре я оптимист»,— сказал Карпов в одном из интервью. Фраза эта, несмотря на свою непритязательность, обошла тем не менее многие газеты. Некоторые шахматные комментаторы так нажимали на нее, будто она сама по себе гарантировала успех в предстоящем состязании. «Я, между прочим, тоже не пессимист!» — заявил Каспаров на одной из встреч...

Таким образом, шансы сторон уравнялись.

Снова начались пересуды по поводу того, где «они» будут играть и «за сколько»... Каспаров успел между тем уверить собравшихся в московском клубе «Спартак», что саму идею матч-реванша считает возникшей спонтанно, никому, кроме экс-чемпиона, не нужной, а потому на матч-реванш не согласится и готов идти на дисквалификацию. «Все равно,— сказал он,— Карпову рано или поздно придется опять встретиться со мной...». Затем последовал целый ряд встреч, совещаний, секретных переговоров, приездов и отъездов президента ФИДЕ, в результате чего оба соискателя пришли к соглашению и объявили, что выбирают для будущих боев два города — Лондон (?) и Ленинград...

А тем временем пребывание Каспарова на высшей шахматной должности помогло нам напечатать в «Юности» и первую, и вторую главу этой книги (естественно, не целиком — в меру тогдашнего осознания гласности).

Повышенный интерес у читателей журнала вызвал загадочный Константин Леонидович. В редакцию даже пришло письмо, адресованное: «К. Л. Большеголовому (лично)». В Москве объявились два, не то три человека, каждый из которых претендовал на то, что именно он был автором немыслимого прогноза. А однажды ко мне в редакцию пришла почтенная дама, преподавательница высшей математики, и взволнованно поведала, как она познакомилась в зале Чайковского «с этим Костей», и хотя он внешне на нашего героя не походил, а очаровательную девушку, за которой он настойчиво ухаживал, звали не Карина, а Карима, она понимает, что мы нарочно «слегка смешали карты». Дама-математик, как обнаружилось, была близка к открытию принципа, опираясь на который можно будет давать безошибочный шахматный прогноз(?!).

А сам К. Л. дал знать о себе лишь накануне матч-реванша — предложил снова встретиться в «Джалтаранге», но неожиданно выяснилось, что мой друг Арканов терпеть не может кофе с корицей и кардамоном. И тот вечер мы с Константином Леонидовичем провели вдвоем... на скамейке около «Джалтаранга». В ресторане шел прием индийских гостей.

Посматривая на закрытую дверь ресторана, я не удержался и сказал:

— А я-то думал, что вы всемогущи...

— Я всего лишь простой смертный,— сказал К. Л.,—

которого иногда осеняют неплохие идеи. И если находишь единомышленников, кое-что удается осуществить. Вот вы, например, как и ваш мнительный друг Арканов оказали мне бесценную помощь, хотя и не сразу уверовали в мой первый прогноз, а второй взялись разгадывать.

— И кажется, я разгадал.

— Разгадали, потешив свое самолюбие. Но, согласитесь, и мной и вами обоими владел один порыв — как-то сдержать неправедные силы.

— В журнальных публикациях нам, к сожалению, далеко не все удалось сказать.

— А разве в ту пору вы были готовы все сказать? Вот я, казалось бы, человек независимый, и то не раз уличал себя в том, что не спешил отчетливо **видеть** то, что было не рекомендовано видеть.

Убедившись, что он продолжает рядиться в таинственные покровы, я подхватил его тон:

— А вы **видите**, как завершится матч-реванш?!

— Мавр свое дело сделал,— сказал он решительно.

Я не стал скрывать, что мы с Аркановым и сами привыкли и читателя приучили разгадывать его прогнозы и теперь в затруднении: как выстроить без очередного немыслимого или хотя бы мыслимого прогноза сюжет о матч-реванше?

— А напишите,— предложил К. Л.,— что вы меня выдумали, изобразив в моем лице обобщенный образ расплодившихся в наши дни предсказателей и экстрасенсов. А для сюжета я вам подброшу одно знакомство. Вот переедет матч в Ленинград...

— Да уж не беспокойтесь,— во мне взыграло самолюбие.— Мы что-нибудь и сами придумаем.

К. Л. поспешил сказать, что наши отношения ему дороги и намекнул, что не прочь поделиться с нами новой идеей. Тут я впервые и услышал это слово — «прыгскокинг».

— Шах — мат, прыг — скок,— интриговал он меня.— Я дам знать, когда буду готов показать вам прыгскокинг.

А. А. Приближался матч-реванш в его лондонском варианте. Скажу сразу: ни Зерчанинов, ни я в Лондон не поехали... Это, впрочем, только нас касалось. Удивительно другое: не нашлось средств послать в Лондон хотя бы одного советского гроссмейстера, чтобы он квалифицированно с

места событий освещал поединок на первенство мира между двумя советскими (!) шахматистами. Я понимаю необходимость строжайшей экономии валютных средств, но не до такой же крохоборской (грубо говоря) степени!.. В общем, шахматным праздником наслаждались англичане, с чем я их от души поздравляю, и представители множества других стран, которые могли наблюдать сражение с помощью прямой и непрямой телевизионной трансляции. Мы же с вами довольствовались в основном рукопожатиями перед каждой партией, которые нам показывали в программе «Время», и скупыми, вялыми, ничего не дающими комментариями весьма уважаемых мною двух-трех гроссмейстеров, которые делались с помощью доски, установленной в студии телецентра в Останкино...

Справедливости ради напомню, что все-таки под занавес лондонского действия в столицу Великобритании вылетел гроссмейстер Суэтин, и мы смогли два-три раза увидеть на наших экранах Алексея Степановича в элегантном черном костюме...

Лондонскую часть матча уверенно выиграл Каспаров. В очках чемпион мира имел «плюс один», но этот плюс мог быть и большим. Много разных симпатичных и несимпатичных подробностей о первой половине матча узнал я от моего дорогого Александра Ширвиндта, который был в Лондоне в ранге туриста, и от корреспондента ТАСС Всеволода Кукушкина, аккредитованного на матче, но излагать их здесь считаю для себя делом неэтичным.

Это, как говорят, их истории... Скажу только, что Ширвиндт привез мне несколько шикарно изданных бюллетеней * (после каждой сыгранной партии) с подробными коммента-

---

* А я скажу только, что хотя Ширвиндт и не привез мне из Лондона шикарно изданных бюллетеней, но зато на зависть Арканову я купил в газетном киоске на Новослободской улице шестнадцатый (второй августовский) номер «64». Главный редактор журнала Анатолий Карпов был, как вы знаете, в это время в Лондоне, и Александр Рошаль, его первый заместитель, сделал исторический номер. В погоне за оперативностью он пошел на то, чтобы вынести на обложку (она засылается в типографию в последний момент, когда весь журнал уже сверстан) блистательный комментарий Михаила Таля к двум первым лондонским партиям, а на страницах 24—26 опубликовал отрывок из автобиографической книги Владимира Набокова «Другие берега». Лишь спустя несколько месяцев журнал «Москва» напечатал набоковскую «Защиту Лужина». Возвра-

риями и диаграммами, с высказываниями известных «гроссов», с адресами ресторанов, где могли бы поесть гости матча, с рекламой «Столичной» (?) и с диаграммой из одиннадцатой партии прошлого матча. На диаграмме была изображена знаменитая позиция, в которой Каспаров пожертвовал ферзя за ладью и решил партию в свою пользу. Только на поле d7, на том самом, где была взята каспаровским ферзем ладья Карпова, вместо ладьи стоял мешочек с надписью «10 000 фунтов стерлингов», напоминая денежное выражение «бриллиантового» приза, учрежденного англичанами за лучшую партию, сыгранную в Лондоне. Как известно, приз был поровну поделен обоими участниками за эффектно сыгранную ими одиннадцатую партию... В начале сентября участники перелетели в Ленинград. Одновременно в Риге начался матч претендентов. Мы разделили с моим другом Зерчаниновым обязанности: он в основном «курировал» Ленинград, я — Ригу...

Интересы наши столкнулись на другом. Вполне понятно, Артур Юсупов и Андрей Соколов должны были вторгнуться в нашу шахматную «эпопею» новыми и весьма важными действующими лицами. Но кто из нас кого будет «вести»? Договориться мы не смогли и вынуждены были прибегнуть к слепому жребию с помощью обыкновенного пятачка. «Решку» отвели Юсупову, а «орла» отдали Андрею, учитывая присутствие птичьего корня в его фамилии. Подбросили пятак, и, пока он падал к нашим ногам «звеня и подпрыгивая» (знаменитый пример одиночных деепричастий из учебника русского языка нашего детства), я назвал «решку». Если угадывал — брал Артура, а если нет — Андрея. Пятак уставился в небо «решкой»... Так мне «достался» Артур, за что я в скором времени поблагодарил судьбу и продолжаю это делать по сей день...

щение на родину стихов и прозы этого удивительного писателя продолжается и по сей день, но первый шаг останется за шахматным журналом «64», публикацию которого об искусстве составления шахматных задач, так увлекавшем Набокова, предваряет Фазиль Искандер. (После столь рискованного «хода» «позиция» Рошаля стала внушать опасения, но он отделался строгим выговором по административной линии.) Страницы воспоминаний Набокова — это гимн творчеству, которое таят в себе шахматы, что, замечу, и побудило авторов этой книги, не жалея времени, целых три года — от матча к матчу — набирать для нее материал. (Ю. З.)

Ю. З. Мы бросали пятак, не поделив Юсупова. Знали, что он постоянно стремится к безупречным ходам не только на шестидесяти четырех черно-белых клетках... А о Соколове мало что знали. Не представляли, если на то пошло, Соколова как личность.

Что Карпов не возвратит себе чемпионское звание, я лично не сомневался. Карпов был двенадцатым чемпионом мира, но лишь двое из его предшественников не надломились, уступая корону, а еще один, как известно, не нашел внутренних сил даже на то, чтобы противостоять претенденту. А из тех двоих сбросим со счета Алехина, который отшучивался, что дал свою шахматную корону Эйве лишь на два года взаймы. Единственным исключением остается Ботвинник, железный Ботвинник, дважды возвращавший чемпионское звание. Но Карпов не походит на Ботвинника уже тем хотя бы, что в свои чемпионские годы не знал действительно сильных соперников — учился побеждать не Фишера, а стареющего Корчного...

Несправедливо было, конечно, что победителю финального матча претендентов навязали на этот раз дополнительное испытание — матч с экс-чемпионом, и, прикидывая, у кого было больше шансов в этом испытании выстоять — у Юсупова или у Соколова, я перестал огорчаться, что наш пятак упал не на «решку». Юсупов не раз терпел от Карпова чувствительные поражения — зарубцевались ли раны? А Соколов прошедшим летом был в последний момент включен в международный турнир, собравший всю шахматную элиту, где и сыграл впервые две партии с Карповым. В одной — победил, а в другой, играя черными, принял ничью, предложенную экс-чемпионом.

Погружаясь в эти расчеты, я не забывал, конечно, что многие — да что там, почти все! — профессионалы скептически оценивали шансы «счастливчика» Соколова уже в матче с Юсуповым, объясняя его нежданный взлет лишь фатальным везением...

Я никак не мог встретиться с Соколовым. Его тренер, Владимир Николаевич Юрков, внушал мне, что Андрей вообще сторонится прессы — дескать, предвзятые мнения и очевидные вопросы ставят его в тупик. Было известно, что Соколов любит играть на гитаре, а гитарист — человек компанейский, но, по словам Юркова, Соколов досадует, когда пишут, что он неразлучен с гитарой. В шахматных изданиях я нашел несколько партий, прокомментированных

Соколовым, но он был предельно скуп в своих комментариях — и тут не спешил открыться.

В конце августа, сговорившись с Юрковым, что он передаст в пресс-центр матча необходимые бумаги для аккредитации меня и Арканова, я приехал на Рижский вокзал к отходу вечернего поезда. Соколов стоял на перроне рядом с Юрковым, но, распознав меня, сделал шаг в сторону и затерялся в вокзальной толпе. Я вновь увидел его уже в купе за несколько минут до отправления поезда и миролюбиво заверил, что у меня нет к нему никаких вопросов.

Оценив возникшую позицию, гроссмейстер Соколов сделал резкий контратакующий ход:

— А я бы и не стал отвечать ни на какие ваши вопросы.

Неужто он мнил себя новым Фишером?

Но, как бы то ни было, после трех первых партий рижского матча, две из которых, играя белыми, Соколов сдал, возобновились разговоры, что хотя в предыдущем матче Соколов и победил Ваганяна с разгромным счетом, но лишь потому, что тот играл... еще хуже(?!).

Я захотел сам посмотреть, что происходит в Риге, а по пути на денек заглянуть в Ленинград, где предстояла четырнадцатая партия, которую Каспаров играл белыми...

В поезде рядом со мной обнаружился пылкий любитель шахмат, однако вовлечь меня в разговор о Карпове и Каспарове ему вряд ли удалось бы, не достань он из портфеля, уже незадолго до Ленинграда, две «Юности» с нашим «Сюжетом»... «Проглядите. Не пожалеете». Похвала для автора — как яркая лампочка для неразумного мотылька. Попробуй-ка удержаться — не взмахнуть крылышками... Я рассказал ему во всех подробностях о пресс-конференции Кампоманеса...

— Ну а скажите, как прогнозирует матч-реванш ваш К. Л.?

— Не знаю, что вам сказать.

— Как? Он до сих пор не сообщил вам свой очередной прогноз?

— Он отошел от шахмат.

— А честно, вы его не выдумали?

— Позвольте встречный вопрос: а вам как читателю хотелось бы, чтобы жил среди нас такой человек?

— Я вам так скажу — скромные полевые ромашки предпочту искусственным хризантемам.

— Успокойтесь, наш Константин Леонидович сам кого хочешь выдумает. С ним все в порядке.

— Неужели и выигрыш «Волги» — не выдумка?

— «Волга» была. Арканов купил действительно десять билетов «Спринта» и на девятый выиграл «Волгу».

— В таком случае у меня деликатный вопрос: как часто Арканов предоставляет вам эту «Волгу» в пользование?

— Недавно мы ее поделили. Кинули жребий: мне достался кузов и ветровое стекло, а ему — все остальное.

— Я извиняюсь, конечно...

— Пожалуйста.

К этому содержательному разговору прислушивался другой сосед по купе — предупредительный человек явно восточных кровей. Всю дорогу я не мог отделаться от ощущения, что мы где-то встречались...

Как раз в те мартовские дни восемьдесят пятого года, когда в Москве президент ФИДЕ Кампоманес прервал первый матч Карпова с Каспаровым, в Ленинграде открылся новый концертный зал, так и названный — «Ленинград». Кто мог подумать тогда, что лишь на этой — пятой по счету! — сцене мы увидим, как ходом коня на d7, сделанным в озаренье Каспаровым, завершится фактически этот трехсерийный шахматный детектив. (А теперь знаем, что завершающей стала лишь четвертая серия.)

Но до хода конем на d7, который найдет Каспаров в двадцать второй партии, было еще далеко. Я приехал на четырнадцатую (а по ленинградскому счету — вторую) партию.

Шахматы на берега Невы завез не кто иной, как Петр Первый, а постоянным партнером его был не кто иной, как Меншиков. Исход их самой первой партии — по прибытии на место новой столицы — неизвестен, но рискну предположить, что проницательный фаворит, зная характер Петра, не искал выигрыша. Взялся бы кто-нибудь сделать книгу: «История шахматной дипломатии»... Материала хоть отбавляй — от седой древности до наших дней. А шахматный столик Петра сохранился — стоит в его доме-музее. Гордясь своими шахматными традициями (тут у Петра нашлись достойные продолжатели: Чигорин, тот же Ботвинник...), ленинградцы стремились, чтобы новый матч Каспарова с Карповым проходил в атмосфере менее помпезной, более шахматной, что ли, чем их предыдущие матчи, что было, заметим, в духе времени. Да и Карпов с Каспаровым, не забудем, успели за это время

поменяться ролями... Жаль только, что билеты на матч, вздорожавшие до пяти рублей (любопытно, что с каждым их новым матчем цены на билеты увеличивались), в кассы фактически не попадали, а места, забронированные — совсем, как в Большом театре! — для иностранных туристов, часто пустовали.

Начало партии я смотрел из ложи прессы. Была разыграна «испанка», что обещало бескомпромиссную схватку, но первые ходы оба делали не задумываясь. Тем временем вдоль ложи прессы, храня достоинство, пронесла себя статная брюнетка. «Секретарша Кампоманеса»,— сказал всезнающий коллега. Провожая ее взглядом, я увидел и самого Кампоманеса, и вдруг меня осенило, что именно на Кампоманеса похож немыслимо мой дорожный попутчик. Их чуть различал, пожалуй, лишь цвет волос — у Кампоманеса седины больше. А на сцене было сделано уже по семнадцать ходов, и над восемнадцатым чемпион наконец задумался.

Я спустился в резиденцию прессы, окунулся в привычную суету, слегка приправленную злословьем. А едва взял кофе и расположился в дальнем углу бара, увидел... «двойника» Кампоманеса. Огромные зеркальные очки маскировали его лицо. Он стоял у монитора, всматривался в позицию. Каспаров в это время думал над 22-м ходом — искал, как он потом прокомментирует, путь для сохранения инициативы. Дождавшись, когда Каспаров сделает наконец ход, «двойник» направился к моему столику.

— Не помешаю?

— Присаживайтесь.

Я рассказывал уже, как К. Л. обещал подкинуть нам «для сюжета» одно знакомство. Вот и подкинул...

История Аршака Артемьевича — как звали моего нового знакомого, скромного библиотечного работника,— в двух словах такова. До начала первого матча Каспарова с Карповым, когда на наших телеэкранах замелькал Кампоманес, он, сын армянина и кореянки, не мог и представить, что возможна такая игра природы, что на далеких Филиппинах у него найдется двойник. Он словно увидел себя лет эдак через десять и, чтобы изменить сходство, немедленно сбрил свои короткие — точь-в-точь как у Кампоманеса — усики. Но куда денешься от друзей, которые развлекались теперь, то попрекая его, что в свое время без игры присудил Корчному победу над Каспаровым, то приставая с вопросом, готов ли венчать Каспарова лаврами... Тут-то и познакомился он,

совершенно случайно, с нашим Константином Леонидовичем, и не так давно у них родилась идея совсем новой игры...

— Прыгскокинга? — спросил я.

— Да-да, именно так К. Л. назвал ее. И просил передать, что по окончании матча готов пригласить вас, как и вашего друга Арканова, на наш прыгскокинг.

Он сказал, что объяснять, что это за штука такая — прыгскокинг, пока не вправе. Доверительно сообщил мне только, что его роль в этой игре идентична роли Кампоманеса в шахматах и в Ленинград он приехал, чтобы понаблюдать, присмотреться...

— Снимать свои очки не рискуете? — полюбопытствовал я.

— Рискнул только что и прошел в пресс-бар, как видите. У меня же нет аккредитационной карточки...

Аршак Артемьевич возвратился в зал, а я пошел послушать, как оценивают гроссмейстеры события в партии — Каспаров наращивал угрозы, и ощущение, что Карпов не устоит, нарастало. И вот Кочиев увидел у белых ошеломительную комбинацию, завершавшуюся матовой атакой, но торжество его было недолгим — кто-то нашел за Карпова промежуточный ход, предотвращающий эту атаку. Нет, столь эффектной концовки партия не обещала, но без двадцати десять, когда я заторопился на рижский поезд, Карпов уже успел угодить в цейтнот и никак не мог избежать безысходного эндшпиля...

А на следующий вечер, в Риге, я уже наблюдал Юсупова, который вновь искал выигрыш, и Соколова, который искал лишь спасительные ходы, но на этот раз — изобретательно, и четвертая партия была отложена в ничейном положении.

Удивляло, что во время игры они друг друга словно не видели, а каждый был целиком занят своими фигурами. Удивляло, что, как ни войдешь в зал, они сидят за столиком. И за кулисы не выходили, и по сцене не прогуливались, хотя могли бы. Это Карпов с Каспаровым обязались не заходить на сцене друг другу за спину...

В Ленинграде одни яростно держали сторону Карпова, другие — Каспарова. А в Риге — в тот вечер, во всяком случае,— все спокойно ожидали, когда Юсупов наберет свои семь с половиной очков...

О Соколове так говорили:

— Видит хороший ход в наигранных схемах, но в сложных многовариантных ситуациях...

— Солист, да только опереточный.

— В ближнем бою хорош, но Юсупов не допускает его к королю, держит на дистанции.

Последняя оценка была самой авторитетной — принадлежала гроссмейстеру Багирову.

А. А. Когда я говорил, что аккредитовался в Риге, многие переспрашивали: «В Риге? Почему не в Ленинграде?..» Но мне хотелось быть в Риге, и не потому, что мы с Зерчаниновым разделили «сферы влияния»... Почему-то мне казалось, что очередной матч с чемпионом мира будет играть кто-то из «рижан». Я ошибался, а Большеголовый, увы, сложил с себя полномочия пророка...

Шансы Соколова и Юсупова перед началом поединка я расценивал как равные. Первый предварительно разгромил Ваганяна, что многими было квалифицировано как сенсация. Второй не оставил никаких иллюзий Тимману, что тоже вызвало удивление. Разница в возрасте между Андреем и Артуром не столь велика (неполных четыре года), чтобы учитывать этот фактор. Кривые успехов того и другого

достаточно внушительны, хотя взлет Соколова более вертикален, чем солидный поступательный подъем Юсупова. Юсупов упорен, фундаментален, менее импульсивен, чем Соколов. Зато Соколов, «заступив» в двух попытках, в третьей может улететь за рекордный флажок. Так было в зональном турнире, так было в межзональном, так, в конце концов, произошло и в матче с Юсуповым. В силу целого ряда объективных причин я не смог присутствовать на матче с самого начала, и когда в первых трех партиях Юсупов выиграл две, и обе во французской защите, Зерчанинов, который в эти дни успел «смотаться» и в Ленинград и в Ригу, атаковал меня: «Выезжай! Можешь не успеть!» Но мне почему-то казалось, что я успею. Я был убежден, что Соколов не «посыпался», что досрочно матч не кончится, что все впереди... И действительно, в пятой партии (тоже французской) Соколов уже давил и хотя партию не выиграл, но, видимо, кое в чем Юсупова поколебал. И в седьмой партии Артур уклонился от французской, предпочтя «испанку», и проиграл. Очковый перевес стал нормальным для такого матча — 4:3, а впереди еще половина дистанции. Тут я уже собрался ехать, но оргкомитет попросил меня повременить с приездом ввиду определенных трудностей с гостиницей, связанных с проведением масштабной дискуссии с представителями американской общественности. Это, кстати, привело к тому, что и участники матча провели несколько партий в Юрмале, что, в общем-то говоря, их не расстроило и не привело к разногласиям между ними. Я подчеркиваю это обстоятельство, желая обратить внимание на нормальность взаимоотношений между двумя соперниками. Конфликты между ними были, но они решались исключительно за шахматной доской...

В «юрмальском» периоде матча (у главных шахматистов был «лондонский» период и «ленинградский», у претендентов — «рижский» и «юрмальский») Юсупов выиграл еще одну партию, и когда я наконец приехал, он вел в счете — 6:4...

Но прежде о другом. Не могу не сказать об идеальной организации рижского матча. Четкость, корректность, обязательность, вежливость, исполнительность... какие еще есть слова, характеризующие организаторов матча? Все самые лучшие! Бюллетени, спецбланки, таблицы, газеты, телефоны, билеты — все было. Обстановка в Доме офицеров своей мягкостью, теплотой и спокойствием напоминала мне далекое время детства, когда я впервые попал на чемпионат

СССР (не помню уж какой) в Москве в Центральном доме культуры железнодорожников (у трех вокзалов). Народу много, но не битком, интеллигентного вида дяди и много лобастых подростков, чувство единения, принадлежности к чему-то святому и таинственному, доступному только присутствующим... Общительность, отсутствие подозрительности и враждебности, полное равноправие вне зависимости от возраста и профессии. Аргумент в спорах один: «Ходи! Предлагай вариант!.. Убедил!»

В Риге я снова ощутил этот непередаваемый аромат шахматных взаимоотношений, так непохожий на едкую, с примесью порохового дыма, атмосферу единоборств последних десяти-пятнадцати лет...

В один день со мной приехал прямо с международного турнира гроссмейстер Лев Псахис.

— Вы сначала сюда, а потом в Ленинград? — спросил я его.

— Я туда вообще не поеду,— ответил Псахис.— У меня нет никакого желания унижаться перед кем бы то ни было в поисках билета... И потом, там страшная битва, и шахматная доска, как верхушка айсберга, далеко не отражает всех деталей и нюансов этой битвы, а здесь играют в шахматы...

Псахис так воспринимал поединок в Риге. Я с ним согласен. Здесь шла игра. На самом высоком уровне (среди «остального», как сказал в свое время Юсупов, шахматного мира). Здесь выигрывали и проигрывали. Здесь проигрыш не означал конец жизни, а выигрыш не становился единственной целью жизни. Здесь шла игра, игра как одна из сторон этой сложной и неоднозначной жизни, в которой помимо игры есть еще и заботы, и радости обыденного и духовного бытия, и непредсказуемые катаклизмы, и трагедии... Здесь шла игра... В Ленинграде шло настоящее сражение. Пересвет бился с Челубеем. Армии выжидали. В штабах происходили смещения... В маленьком пресс-центре рижского матча были установлены две демонстрационные доски — одна для Юсупова и Соколова, вторая — для Каспарова и Карпова. Даю слово, мне иногда казалось, что вторая доска как-то больше и фигуры на ней не деревянные, а живые, озлобленные, кусающиеся...

Итак, одиннадцатая партия рижского матча, в которой Юсупов играл черными, началась при счете 6:4 в его пользу. Честно говоря, в этот момент мне уже казалось, что я приехал досмотреть концовку состязания и поздравить Арту-

ра. В этом были уверены почти все заинтересованные и незаинтересованные лица...

— Обратите внимание,— сказал мне Псахис после десятого хода,— в том, как сидит за столиком Андрей, есть какая-то обреченность... И партию Артур здорово поставил...

Псахис тоже был уверен в окончательном итоге матча. Не уверен был только один человек, в позе которого проглядывала обреченность даже в тот момент, когда Юсупов отложил партию по чистой инерции, потому что сомнений в ее исходе уже не было ни у кого... Соколов в этой партии пошел на свою последнюю попытку и попал в планку (как говорят прыгуны в длину), и толкнулся здорово, и пролетел одним махом через всю пропасть этой безнадежной ситуации... По мнению Марка Дворецкого, тренера Юсупова, Артур в одиннадцатой партии в здоровой позиции вдруг сделал три непостижимо слабых хода подряд, в результате которых попал под мощную атаку, защищался точнейшим образом и «дожил» до доигрывания, хотя на его месте другой «погиб» бы значительно раньше... Почему так произошло? Почему, по-прежнему ведя в счете, Юсупов проиграл и двенадцатую и тринадцатую партии? Самый простой и безусловно верный ответ: это его Соколов заставил проиграть. Но не слишком ли он прост, этот ответ, при всей своей верности?.. Видимо, настоящая разгадка скрывается в каких-то глубоких карманах сознания, подсознания, особенностей характеров, отношений к жизни, самооценок... И наверное, что-то еще, уж совсем не материальное...

Гроссмейстер Юрий Разуваев спустя несколько дней после окончания матча сказал мне: «Думаю, что не только Артур, но и любой крепкий гроссмейстер в состоянии был довести свое преимущество в два очка до победы. И то, что Артуру это не удалось, говорит не только о силе Андрея, но и о какой-то особой роли, которая уготована ему в истории шахмат».

...После того как Андрей Соколов выиграл матч, недели через три, уже в Москве, я спросил Артура, тяжело ли он перенес драму последних четырех партий. Он, как мне показалось, был откровенен:

— К своему удивлению, даже легче, чем можно было предполагать. Не подумайте, что я умаляю победу Андрея. Он победил заслуженно и закономерно, но у меня, как ни странно, даже наступило психологическое облегчение. И до матча и во время матча я иногда спрашивал сам себя: а

смогу ли одолеть своего следующего противника, если выиграю у Соколова? И подсознательно сам себе отвечал: с любым противником смогу сыграть достойно, но с целой командой противников — вряд ли...

А задавал ли себе подобный вопрос Андрей? Не знаю... Он не мой по жребию.

— Юра! — сказал я моему другу Зерчанинову.— «Орел» выиграл. Твоя взяла. Раскрути Андрея, как можешь...

Ю. З. Судьба обоих матчей решалась в один и тот же день, в один и тот же час. Третьего октября в начале одиннадцатого и Каспаров и Соколов продолжали сидеть за своими столиками. Безошибочный ход в отложенной позиции сулил каждому победу не только в очередной партии... Наконец, записав свой секретный ход, каждый из них приподнялся (слышу, как в Ленинграде и Риге одновременно отодвигаются стулья), и Соколов, остановив часы, быстрыми шагами ушел со сцены, а Каспаров кнопку часов не нажал и вновь углубился в расчеты...

У Соколова задача была попроще — не растерять очевидное преимущество. В безнадежной, казалось бы, матчевой ситуации он вдохновился примером Карпова и повторял в этот вечер его тройной успех...

А самого Карпова, как известно, даже три победы подряд не выручили. И дело не только в том, что Каспаров после этого отказался от злополучной защиты Грюнфельда и избрал ту единственно разумную тактику, которая и дала ему победу. Я был убежден, что Карпов надломился еще в предыдущем матче и может выиграть у Каспарова ту или иную партию, но возвратить корону уже не в силах. В декабре восемьдесят пятого года я увидел в магазине сувениров на улице Горького бюст чемпиона мира Анатолия Карпова, который должен был поступить в продажу накануне матча в зале Чайковского, но на прилавке он появился, когда чемпионом мира уже сделался Гарри Каспаров...

Перепроверив свои расчеты, Каспаров вновь склонился над бланком и жирно обвел каждую букву и каждую цифру записанного хода: Ke5 — d7. В тот же миг Аннет Кин, жена английского гроссмейстера Раймонда Кина, продолжавшая сидеть в опустевшем зале, устремилась к выходу...

В специальной комнате, отведенной телевидению, Суэтин успел прокомментировать для Москвы отложенную двадцать

вторую партию — умело, как и требовалось от него, избежал излишних эмоций и категоричных оценок, сказав, что хотя у чемпиона лишняя пешка, но, как известно, в ладейном эндшпиле лишняя пешка победы не гарантирует и сделать более определенные выводы позволит лишь долгий ночной анализ. А перед камерой на фоне замысловатого шахматного пейзажа, специально выполненного художником, уже сидел гроссмейстер Кин, готовясь сообщить осиротевшим соотечественникам, что нового у вчерашних лондонцев. В комнату вбежала Аннет и взволнованно сообщила мужу, что Каспаров передумал и изменил записанный ход. С этого Кин и начал, а в оценке отложенной позиции был даже более осторожен, чем Суэтин.

Да и в пресс-центре ни один из гроссмейстеров не увидел той удивительной комбинации, которая следовала после хода конем на d7. Каспаров скажет потом, что его постигло озарение. Кто брал в расчет этот ход? Бронштейн, например, убедительно показывал, как Карпов может сделать ничью! Самым проницательным оказался Александр Рошаль. «Пахнет жареным»,— говорил он.

И в ночном кафе гостиницы «Ленинград», к которой пристроен концертный зал, я увидел на столиках отложенную позицию. К нашей телевизионной компании подошел очень вежливый молодой турист и, старательно выговаривая русские слова, спросил Суэтина, а что будет, если Каспаров сходит конем на d7?..

Просидев всю ночь над позицией, Суэтин увидел, к чему ведет этот ход. И не он один увидел под утро, что у Каспарова есть выигрыш...

Удивительно другое — утром мастера и гроссмейстеры, комментируя для своих газет двадцать вторую партию, при оценке отложенной позиции ограничились туманными фразами. Один писал, что у белых лишняя пешка, зато у черных — активные возможности... Другой утверждал, что реализация этой пешки затруднена и нас ждет интересный эндшпиль... Третий советовал принять во внимание, что ограниченность оставшегося на доске материала и активные позиции черных фигур оставляют Карпову определенные шансы на ничью...

Откровеннее других выглядел Тайманов, который писал в «Ленинградской правде», что все «в значительной степени зависит от записанного секретного хода чемпиона мира». Но тоже, увы, оговаривался: «в значительной степени»...

Уличать своих коллег в трусливости я не спешу. Многие из них наверняка стремились поделиться с читателями результатами своего ночного анализа, но в редакциях газет (как, впрочем, и на телевидении) почему-то держалось мнение, что в рассказе об этом матче желательны уклончивые, ничего не говорящие оценки. А один журналист получил втык только за то, что проявил наблюдательность и заметил: стоило, дескать, Карпову надеть новый черный костюм, и он сразу выиграл три партии... Не случайно на заключительной пресс-конференции чемпион мира скажет, что, когда он нарушал свое правило не читать газетных отчетов, у него сразу портилось настроение.

Но воздадим должное «Ленинградской правде». Стремясь поддержать престиж своего маститого обозревателя, редакция сочла нужным дать такой комментарий к его рассказу об этой партии: «Теперь — о маленьком секрете. Когда вчера М. Тайманов уезжал из нашей редакции в концертный зал гостиницы «Ленинград», он сказал: «Если Каспаров записал свой секретный ход — Kd7, то выиграет при доигрывании, ибо именно этот шаг является определяющим в продвижении белых к победе. Иные же продолжения выигрыша не сулят». Кстати, не только М. Тайманов, но и международный гроссмейстер И. Левитина в субботу днем нашла победный план»...

А в пять часов вчерашние зрители пришли на доигрывание, и уже каждый знал этот выигрышный ход. Зал замер, когда Лотар Шмид, главный судья матча, начал вскрывать конверт. Каспаров дергался — ему казалось, что судья излишне медлителен. Каспаров спешил оправдать ожидания зрителей. А Карпов сидел с бесстрастным лицом, но когда Лотар Шмид развернул бланк, шея Карпова удлинилась и, склонив голову, он попытался как бы невзначай заглянуть в бланк...

— Стоп! — скомандовал режиссер.

И все трое — любопытствующий Карпов, возбужденный Каспаров и педантичный Шмид, образцово хранящий секретный ход шахматного коня,— замерли на мониторе телеавтобуса. Да, в тот вечер Эрнест Серебрянников и Кирилл Набутов, телевизионные короли матча, помогли мне еще раз увидеть — и во всех подробностях — эту «секретную» сцену.

В тот субботний день выиграл свою отложенную партию и Соколов и повел в матче со счетом 7:6. Ему оставалось лишь сделать ничью в последней партии, и он ее сделал. Отлично

провел эту партию — не дал Юсупову ни одного шанса на победу и уже в выигрышной позиции предложил ничью. По мнению тренера Юркова, четырнадцатая партия — лучшая в этом матче у Соколова.

Я, помню, тогда подумывал, не могу ли зацепиться за цифру 14? Каспаров, прежде чем стать тринадцатым чемпионом мира, не уставал говорить, что это его счастливая цифра. Следующий чемпион будет четырнадцатым. Но в своих немногочисленных интервью цифровой темы Соколов не касался. На всякий случай спросил у Юркова, кем был Андрей в 14 лет. Обычным мальчиком, как выяснилось, который учился играть в настоящие шахматы. Он одногодок Каспарова, на месяц старше его. Но шел вперед как шахматист значительно медленнее. Юрков утверждает, что основу игры Соколова не понимает никто. Ну, а как понять все же, что он за человек? Я поехал в МИФИ — в тот день, уже после матча с Юсуповым, Соколов встречался с шахматистами института.

Коротко, не впадая в эмоции, он рассказал, где играл и что выиграл. Ответил на все вопросы, но как-то нехотя, словно ему внушили, что, уклоняясь от ответов, оставит о себе дурное впечатление, а это никуда не годится. Несколько приоткрылся лишь в двух ответах.

— Марки не собираю. Историю не изучаю, — сказал Соколов, когда его спросили об увлечениях.

Дал понять, что просит не подгонять его под эталоны Карпова и Каспарова.

А на прямой вопрос, как он расценивает свои шансы в матче с Карповым, Соколов ответил, что Каспаров не прав, говоря, что он, дескать, не осознает, с кем ему предстоит играть.

— Я прекрасно представляю, с кем буду играть. Я дважды встречался с Карповым: белыми выиграл, черными сыграл вничью.

Да, мнение Каспарова было известно — он полагал, что в очередном матче встретится не с Соколовым, а снова с Карповым.

Тем временем в Москве распространялась, обретая волнующие подробности, история о белом коне, который будто бы ждал Каспарова у трапа самолета, когда он возвратился из Ленинграда домой, в Баку. И будто бы Гарик, знавший лишь коней шахматных, не спасовал — лихо оседлал и живого коня... Коля, шофер Каспарова, правда, клянется, что

из аэропорта вез Гарика на машине. Но, с другой стороны, разве не мог тот белый конь d7 материализоваться? В наш век и не такое случается...

А. А. В одно ноябрьское утро 1986 года телефон мой перегрелся от бесконечного количества нужных и ненужных звонков. Я уже снимал трубку выборочно... Вообще за многие годы я развил в себе способность по характеру телефонного звонка, по его настырности или неожиданности, по времени суток, в которое этот звонок раздается, с большой долей угадывания определять «автора» звонка. Это позволяет мне в иные дни из двадцати, скажем, звонков снимать трубку на третьем, двенадцатом и, допустим, восемнадцатом, а остальные пропускать за ненадобностью... В то утро к тому самому звонку я уже немножко озверел, поколебавшись, снял трубку и закричал в нее раздраженным и почти не своим голосом: «Да-аа!»

— Здравствуйте... Я еще ничего вам не сказал, а вы уже вышли из себя...

Я узнал этот голос.

— Извините. Слушаю вас.

— Это ваш прототип звонит.

— Я слушаю вас, Константин Леонидович.

— Зачем так официально? Можно проще — Большеголовый... Меня с вашей легкой руки все друзья уже так и величают... Прилепилось... Ха-ха... Вам Зерчанинов успел рассказать о моем прыгскокинге?

— Так, чуть-чуть... Но я, честно говоря, мало что понял.

— Могу себе это представить, особенно если учесть, что вы по-прежнему относитесь ко мне с недоверием в отличие от вашего друга... Завтра часов в шесть он будет у меня в студии*. Может, присоединитесь?

— В студии?!

— Пока звучит слишком шикарно... Но мы оккупировали симпатичный подвальчик в районе Покровских ворот и там собираемся. Приходите, и у вас возникнет определенная ясность, тем более что все мы возлагаем на вас некоторые надежды. Но об этом при встрече, если вы соизволите...

---

* Позвонил Аршак Артемьевич и сказал, что хотел бы подарить мне замечательного котенка по имени Пенелопа, а попросту Лопа. Когда мы с дочерью поехали за Лопой, он пригласил меня на прыгскокинг и дал адрес. (Ю. З.)

Я пообещал быть. Он поблагодарил меня и повесил трубку...

Мы не без труда разыскали чугунные ворота и оказались в запущенном дворике, в конце которого стоял, впрочем не стоял, а неизвестно как еще держался, старинный трехэтажный дом, явно приготовленный к сносу. Окна — без стекол, дверной проем зиял чернотой — наверняка дверь была добротной, со старинными, может быть медными, ручками и сегодня, видимо, украшала квартиру какого-нибудь «упакованного» любителя старины... Несколько ступенек вниз в полной тьме, и мы оказались перед совсем непрезентабельной, а потому уцелевшей дверкой. Я зажег спичку. На дверке ножом было вырезано «Прыг-скок». Зерчанинов толкнул дверь, и мы оказались в сыром, освещенном несколькими голыми лампочками, небольшом коридорчике. Зерчанинов хмыкнул и многозначительно поглядел на меня. Я пожал плечами. Коридорчик свернул направо, и тут нам навстречу буквально выпрыгнул Большеголовый.

— Пришли! Пришли! — затараторил он.— Несказанно вам признателен! Несказанно!.. Прошу вас!..

И он втащил нас в помещение метров двадцати пяти с низким потолком.

— Пришли мои создатели! Пришли! — продолжал ёрничать Большеголовый.

В подвале находилось человек десять-двенадцать разнополых и разновозрастных субъектов. Некоторые из них были мне знакомы по тому мистическому посещению индийского ресторана. Одни стояли, подпирая сырые облупившиеся стены, другие сидели на двух обшарпанных лавках. Мы поздоровались. Нам церемонно поклонились.

— Эта ваша студия? — спросил я.

— Чем богаты,— сказал Большеголовый.— Понимаете? Мы предложили райисполкому отреставрировать этот симпатичный домишко своими силами при одном условии — весь подвал наш. Они не против этого, но подвал без соответствующего решения нам отдать не могут. Мы должны непременно объяснить цели и задачи нашей студии. Когда я стал объяснять им идею прыгскокинга, они решили, что я тронулся умом. А одна исполкомовская дама заявила, что нам этот подвал нужен для того, чтобы колоться, распутничать и разъезжать на мотоциклах... В общем, борьба продолжается, а мы пока в этом подвале — «нелегалы»...

— Неформалы,— сказал Зерчанинов.

— Ненормалы,— добавил интеллигентного вида парень, похожий на молодого Эйнштейна...

— Ну да ладно,— заключил Большеголовый,— не будем терять времени. Садитесь, и мы покажем вам несколько колен прыгскокинга...

Среди прочих я обратил внимание на смуглого мужчину азиатского типа, который особо почтительно поклонился Зерчанинову.

— Это Аршак Артемьевич,— сказал мне Юра.— Я тебе говорил, что он похож на Кампоманеса...

Аршак Артемьевич уселся посреди одной из двух лавок, скрестил руки на груди, и лицо его приняло бесстрастное выражение. По бокам заняли места двое бритоголовых.

— Апелляционное жюри,— шепнул Большеголовый.— Кампа, Полкампа и Четвертькампа... Ничего?

— А в чем все-таки суть?— спросил я.

— Прыгскокинг — это импровизация в рифму с ограничением во времени.

— Буриме, что ли?

— Не совсем... Прыг-скок, прыг-скок — обвалился потолок. Идея эта, судя по всему, очень древняя... Работая в одной археологической экспедиции в Средней Азии, Аршак Артемьевич наткнулся на каменную плиту с какими-то письменами. Надо знать Аршака Артемьевича — он восемь лет бился над расшифровкой и в конце концов представил свой вариант, согласно которому письмена на плите являются не чем иным, как неизвестной до сих пор древней легендой о некой игре «кли-кла», распространенной, видимо, в незапамятные времена в цивилизации, существовавшей на берегах древнего Каспия... Но поскольку «кли-кла» не вызывает у современников никаких ассоциаций и аналогов ни на каком другом языке не имеет, я предложил назвать эту игру «прыг-скок» или еще современнее — «прыгскокинг», тем более что это соответствует смыслу...

— Какому же смыслу?— опять спросил я.

— Дело вот в чем,— продолжал Большеголовый.— Играют двое. Прежде чем перейти к интеллектуальному колену прыгскокинга, первый по жребию, как белый цвет в шахматах, демонстрирует сопернику некие физические упражнения, которые второй обязан повторить качественно и количественно: это или прыжки на одной ноге, или отжимания от пола, или ходьба на руках... В общем, что-то такое. Если противник не может выполнить предложенный ему

вариант, ему сразу засчитывается поражение. Если же выполняет, то игра вступает в интеллектуальное колено. Такой турнир может состоять из десяти поединков, из двадцати четырех, из сорока восьми... По взаимной договоренности... Или до шести побед при неограниченном числе поединков...

При этих словах Большеголовый хитро и многозначительно взглянул на Зерчанинова...

— И тогда Кампа может закрыть турнир без выявления победителя? — спросил мой друг и засмеялся.

— Исключительно вы проницательный человек,— ответил Большеголовый и продолжал: — Но каждый поединок ограничен во времени. Мы в наших импровизациях используем шахматные часы. Дал вариант — нажал кнопку. Ответил — нажал кнопку. Древние при игре в «кли-кла» для ограничения времени применяли песочные часы. Дал вариант — перевернул часы. Ответил — перевернул часы... Да вы все сейчас поймете...

К этому времени в центре комнаты уселись прямо на полу в позе «лотос» двое — «борец», знакомый мне по «Джалтарангу», и интеллигент, похожий на молодого Эйнштейна.

— Работает дворником в этой округе,— шепнул Большеголовый, указав на «Эйнштейна».— У него сегодня «белые». Он начинает...

Дворник поднялся с пола, поклонился в нашу сторону, отвесил церемонный поклон Кампе и начал подпрыгивать на левой ноге...

— Классический левосторонний вариант,— пояснил Большеголовый.

Подпрыгнув сорок восемь раз, дворник снова поклонился Кампе и сел в позу «лотос». Встал «борец».

— Теперь он обязан тоже подпрыгнуть сорок восемь раз и тоже на левой ноге,— сказал Большеголовый.

— А почему сорок восемь?

— Это произвольно. Столько, сколько предложат «белые».

— А если сто?

— Сколько угодно. Но надо учитывать уровень подготовки соперника. А вдруг, в случае перемены цветов, он предложит вам сто двадцать, а вы в предыдущем поединке выбрали свой максимум... Здесь свои тактические хитрости... Можно, конечно, вести поединки, уповая прежде всего на физические кондиции, но практика показывает, что физиче-

ские перегрузки могут отрицательно сказаться в интеллектуальном колене. Надо варьировать и сочетать...

Тем временем «борец» пропрыгал на левой ноге сорок восемь раз, тоже поклонился Кампе и тоже сел в позу «лотос». Мне показалось, что эта процедура далась ему тяжелее, чем дворнику... Кампа поставил между ними шахматные часы и пустил их. Пошло время дворника. Дворник бросил несколько испытующих взглядов на «борца», сделал глубокий вдох и произнес четко и холодно:

— Где-то кого-то куда-то боднула корова.

После этого он перевел часы, выдохнул и закрыл глаза. Мой друг Зерчанинов сделал очень серьезное лицо. Большеголовый зашептал:

— Он может выбрать несколько продолжений: одно по линии «А-А». Тогда он избирает защитный вариант. Игра будет развиваться по типу «А-А-А-А» — бесконечное нагнетание поиска одной рифмы, в данном случае на слово «корова»... Ну, скажем, так: «Где-то кого-то куда-то боднула корова, кто-то ответил корове с улыбкой: здорово! Но на кого-то взглянула корова сурово, словно на пьяницу-мужа доярка Петрова...» Но тогда все пойдет сюжетно тягуче, и шансов больше у белых, так как, задавая первую рифму, они наверняка провели не одну бессонную ночь за домашним анализом... Либо он может избрать контратакующее продолжение по типу «А-Б». И тогда возможно «А-Б-Б-А»... Разумеется, в каждом ходе, каждом ответе оценивается не только рифма, но и содержание, остроумие, парадоксальная идея, аллюзии и ассоциации... Вот сейчас «черные» обдумывают наиболее приемлемый для себя план...

«Борец» все это время покачивался взад-вперед, сидя в позе «лотос», бросал короткие взгляды на дворника, беззвучно шевелил губами и часто дышал...

— Что ждет победителя матча, а что — побежденного? — поинтересовался Зерчанинов.

— В зависимости от принятых соперниками условий, утвержденных апелляционным жюри... Прошлый матч проиграл дворник и попал на целый месяц в «рабство»...

— Как в рабство? — спросил я.

— Просто. Стоял в очереди за продуктами, забирал ребенка победителя из садика, сшил победителю брюки... Дворник, между прочим, прекрасно шьет... А вообще условия могут быть любыми... Кстати, в прыгскокинг можно играть всюду — и в семье, и на предприятиях, и по Центральному

телевидению. Это вызовет колоссальный интерес. Я убежден.

В этот момент «борец» перестал качаться, улыбнулся и произнес многозначительно: «Моцарт в тот вечер бездумно играл на свирели...» После этого он перевел часы и обвел всех торжествующим взглядом...

— Колоссально! — зашептал Большеголовый.— Это ловушка! Если дворник примет вариант «А-Б-А-Б», то наверняка нарвется в четвертой строчке на «Сальери»!.. Понимаете? Свирели — Сальери!.. Изящно, неожиданно!.. И тогда дворник суммарно проиграет дебют!.. Колоссально!

Для дворника ответ борца оказался действительно неожиданным. Во всяком случае, он вздрогнул и выразительно посмотрел на соперника: уж не ослышался ли я?

Что касается меня, то я поймал себя на том, что уже не только сопереживаю в этом странном поединке, но и включился в перебор вариантов... В самом деле, если дворник разгадает ловушку борца и набредет в раздумье на «Сальери», то он может свернуть на вариант «А-Б-Б-А» и снова заставить «борца» пассивно защищаться, пытаясь избавиться от назойливой «коровы»... Ну, скажем, на реплику «борца» «Моцарт в тот вечер бездумно играл на свирели» он убийственно предвосхищает: «и тосковал в ожидании друга Сальери...» Этим дворник поставит «борца» перед сложной задачей изящно завершить дебютную перепалку в неудобном для себя режиме. Во всяком случае, инициатива твердо будет на стороне дворника.

Большеголовый наклонился ко мне:

— Если он найдет «Сальери», то обязательно наденет Маску Унижения.

— А это еще что такое?

— Понимаете ли, в прыгскокинге запрещено выражать словами или внешним видом неуважение к противнику, пренебрежение, недоброжелательность... Эмоции отражают маски. В случае проигрыша надевается Маска Побежденного, в случае победы — Маска Победителя... Если кто-то предлагает мир, он надевает Маску Миротворца... При этом если противник отказывается от ничьей, то он обязуется непременно победить в данном поединке. В ином случае ему присуждается поражение досрочно и он попадает в рабство... Есть еще и Маска Унижения... Надевая Маску Унижения, соперник как бы заявляет о своей обязательной победе в этом поединке, и если он побеждает, то становится победи-

телем всего матча. Если нет, то проигрывает весь матч, расплачиваясь таким образом за неоправданное унижение своего противника... Здесь все логично и корректно... Но, по-моему, дворник не найдет «Сальери»...

А дворник сидел и думал. Он ерошил правой рукой свою шевелюру, будто стимулировал мозговую деятельность, и взгляд его был уставлен в пространство, в какую-то точку, которую мог видеть только он...

В подвале было тихо. Слышно было, как тикают шахматные часы. Зерчанинов что-то записывал в свой блокнот. Я полюбопытствовал и, к изумлению своему, увидел: в правом столбце рифмы на «свирели». Чего там только не было... «Ели (елки), ели (глаг.), Растрелли, пели, горели, зверели, прозрели...» С «коровой» обстояло дело не так перспективно: «сурово», «здорово». И все.

— Без крова,— прошептал я ему на ухо*.

— Кто без крова?— не понял мой друг.

— Рифма на корову.

— Не мешай!— огрызнулся он, и мне стало весело, потому что я убедился еще раз, что Зерчанинов— натура увлекающаяся, и потому что представил себе, какие муки ожидают в ближайшее время его жену Клару и его дочь Машу...

Дворник думал минут пятнадцать. Потом вдруг на его лице мелькнула дурашливая улыбка, он запустил руку в мешок, лежавший рядом, вынул оттуда маску и отчеканил: «Может быть, в эту корову вселился Сальери?» После этого он перевел часы и надел на лицо совершенно идиотскую маску с высунутым языком. В подвале возникло оживление. Кампа предупредительно зашипел. «Борец» пошел пятнами. Было видно, что он не только не ожидал такого убийственного хода, но и был сражен наповал Маской Унижения...

— Готов,— тихо сказал Большеголовый.— Это реванш...

«Борец», конечно, понимал свою обреченность, но по инерции еще пытался что-то найти... Он раскачивался и раскачивался, и всякий раз, когда поднимал глаза на дворника, видел идиотскую маску с высунутым языком, и это его добивало... Вот уже Кампа подошел к соперникам и уставился на левый циферблат шахматных часов. Флажок

---

* На самом деле, когда Арканов спустя год писал эту главу, он позвонил мне и попросил придумать еще одну рифму на слово «корова». «Без крова»,— сказал я. «Молодец»,— сказал он. (Ю. З.)

«борца» завис в наивысшей точке горизонтального положения и рухнул... Большой палец правой руки Кампы показывал вниз. Большой палец его левой руки — вверх. Игроки и болельщики встали. «Борец» выглядел подавленным, а дворник о чем-то беседовал с Кампой, видимо уточняя условия предстоящего «рабства»...

— Ну как? — спросил сияющий Большеголовый.— Помоему, это не слабее шахмат и уж точно — демократичнее...

— Все это, конечно, интересно,— сказал я.— Но какую роль в прыгскокинге вы отводите нам?

— Две позиции,— сказал Большеголовый.— Первая — рекламируйте прыгскокинг всеми средствами. Если мы выйдем на телевидение, наша игра распространится эпидемически. Мы создадим федерацию, и вы войдете в президиум.

— Президент — вы? — поинтересовался Зерчанинов.

— Нет. Я не честолюбив. Президентом станет Аршак Артемьевич Кампа, а я буду любоваться плодами своей активности со стороны... Вторая позиция проще: я хотел бы поставить некое действо под названием «Из жизни прыгскокеров». Надеюсь на вашу профессиональную помощь. В основу идеи ляжет та самая древняя легенда, которую расшифровал Аршак Артемьевич... Рассказываю...

— Не поздно ли? Может быть, в другой раз?

— Не настаиваю,— согласился Большеголовый.— Можно поступить проще. Я вышлю вам текст притчи, адаптированный мною.— Идет?

— Как скажете...

Мы попрощались с прыгскокерами, Большеголовый вывел нас к воротам.

— Константин Леонидович,— обратился я к нему.— Дело прошлое. С шахмат, как я вижу, вы всю свою горячность перенесли в прыгскокинг. Значит, очередной матч между Каспаровым и Карповым вас уже совсем не интересует?

Большеголовый ответил многозначительно:

— Любую идею можно возвести в абсолют, и тогда она становится всепожирающей... Люди превращаются в ее жертвы и перестают замечать, что в природе меняются времена года, что в мире происходят государственные перевороты, что ваш сын вдруг перестает вас понимать и так далее... В этот момент и нужно начать выращивать новую идею, чтобы люди забыли прежнюю и немного осмотрелись. Но как только и новая идея глобализируется, ее необходимо бросить... И далее со всеми остановками...

— И все-таки. Возвращаясь к шахматам... На чем основывался ваш фантастический, почти сбывшийся прогноз первого матча?

— Не почти, а целиком,— твердо сказал Большеголовый и добавил, обращаясь ко мне:— Но не поздно ли? Может быть, в другой раз?

...Зерчанинов разбудил меня в два часа ночи.

— Напомни, как там развивалась, чуть было не сказал, партия? Где-то зачем-то куда-то...

— Где-то кого-то куда-то боднула корова,— плохо соображая, произнес я в трубку.— Моцарт в тот вечер бездумно играл на свирели. Может быть, в эту корову вселился Сальери?.. А дальше «борец» просрочил время... Пока.

— Подожди! Неужели он не мог найти ответ?

— Не знаю. Я сплю.

— А если так? Моцарт от ужаса краской покрылся багровой...

— Сам придумал?

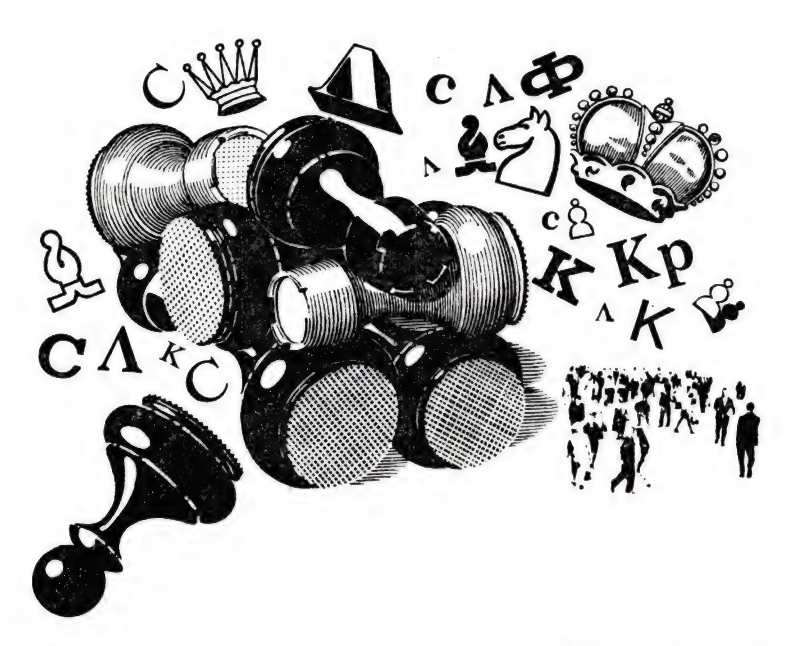
— Машка сочинила! Классно, да? Они сейчас с Кларой играют, а я сужу!

Мой друг захохотал и повесил трубку.

Под утро мне приснился рогатый Сальери, который умолял выпить бокал отравленного молока багрового Моцарта...

Ю. З. Матч-реванш завершился, но страсти утихли не сразу. Масла в огонь — уже в начале восемьдесят седьмого года — подлила публикация Игоря Акимова «Осень на Каменном острове» в «Студенческом меридиане». Автор — из окружения Карпова, да и сам Анатолий Карпов входит в редакционную коллегию этого журнала...

Акимов как бы приоткрыл мне дверь в «тайную лабораторию» Карпова. Несколько удивляет, правда, что в этом рассказе находишь лишь черную гладь Невы, а иных примет времени нет. Попробуй пойми, что матч-реванш проходил осенью 1986 года, когда уже начал ощутимо меняться нравственный климат нашего общества — обретали плоть понятия демократии, гласности, когда мы пережили уже трагедию Чернобыля. Не секрет, что лишь чисто коммерческие соображения побудили участников избрать для первых двенадцати партий Лондон, но, как известно, Каспаров поспешил отказаться в пользу жертв Чернобыля от своей доли призового

фонда, и к его заявлению присоединился и Карпов. Но и об этом ни слова в «Осени...».

Я слышал мнения, что на страницах «Студенческого меридиана» шахматный матч походит на жестокую драку: «...белые нависли над нею (цепью черных пешек.— *Ю. З.*) двумя кулаками...», «...иначе не стоило затевать эту драку с реваншем», «Ведь если завтра белыми он меня прибьет...», «Это была фирменная карповская партия: с первых же ходов зажал соперника, расчленил и задавил...», «Идея — прекрасна, но ее еще предстояло отполировать до блеска и только тогда выстрелить — чтоб наповал», «Ясное дело: если Каспаров бросает такой вызов, значит... хороший каменюка припасен за пазухой», «...ведь для прежнего Карпова даже нынешний Каспаров был бы только мальчиком для битья...» И так далее и тому подобное.

Что же, это печально, но автор лишь фиксирует подлинную атмосферу матча. Если Фишер привнес в борьбу за шахматную корону излишнюю ожесточенность, то Карпов, трижды сходясь в кровопролитных матчах с Корчным, обрел такую закалку и такие навыки, что Каспарову не поздоровилось бы, не обеспечь он себя активной защитой, и не только сицилианской...

Но Фишер еще, как и его славные предшественники, не окружал себя многочисленными помощниками — такое понятие, как «команда», в практике борьбы за звание чемпиона мира возникло лишь в середине 70-х годов. Однако я бы предпочел эту шахматную команду называть «свитой» — на средневековый манер. Это — оруженосцы, люди зависимые, которым следует знать свое место, не гневить господина, когда его постигла неудача. Цитирую «Студенческий меридиан»: «Команда — сложный механизм, в нем каждая деталь, каждое зубчатое колесико должно быть пригнано точно и мягко, должно работать четко. И вот вдруг выяснилось, что это не просто специалисты, не просто исполнители определенных амплуа — это еще и люди. У каждого была своя жизнь, свои честолюбивые планы, связанные с надеждами на успех Карпова, свой характер... Пока дела шли не то чтобы плохо, но, скажем так, оставляли шансы на успех, они были повернуты к коллективу своей функциональной стороной. Каждый в меру своих сил и добросовестности делал порученное ему дело, не мешал другим и даже к соседу через забор не заглядывал: специфическая этика любой шахматной команды... Но стоило ситуации обостриться, а вероятность победы в матче из проблематичной стала весьма сомнительной, стоило этому грузу навалиться на души окружавших Карпова людей — и некоторые не выдержали даже первого нажима...»

Обострившаяся ситуация — это поражение Карпова в четырнадцатой партии, о которой я уже упоминал. А ближе к концу матча после трех побед подряд, когда Карпову удалось вдруг сравнять счет, он взял, казалось бы, необъяснимый тайм-аут. Но объяснение находится — и у Карпова, и у Каспарова: в «командных тайнах» матча эти объяснения.

Сначала вновь процитирую «Студенческий меридиан»:

«Без четверти двенадцать ко мне зашел Игорь Зайцев:

— Пошли будить Толю.

— Зачем? Пусть отсыпается.

— В двенадцать контрольное время, и если мы берем тайм-аут, должны успеть позвонить.

— Какой еще тайм-аут?

— Идем-идем. Сам увидишь.

Карпов проснулся не в духе. Голова была тяжелой.

— Который час? — Ему сказали. — Ну, что будем делать, братцы?

В спальню вошли двое руководителей команды. Никогда

в это время не приходили, а тут пришли. Все всё понимали, все всё знали заранее — кроме меня, новичка в этом деле.

— Что у тебя, Игорь Аркадьич? Как варианты?

— Ничего утешительного,— сказал Зайцев.— Ребята не готовы разговаривать с тобой. Никто.

Как же так?

— Ну, вчера, пока от Каспарова не позвонили, что он сдается,— какая была работа. Ждали доигрывания. А за вечер не успели.

Карпов задумался.

— Что посоветуешь? — спросил он меня.

— Играть!

— Так ведь у меня черные, и в них есть несколько проколов, и Каспаров знает о них не хуже, чем я.

— Ну и что? Сыграй любой железобетон! Ведь у него руки будут дрожать, а уж ловить тебя в таком состоянии ему даже в голову не придет...

Карпов опять взглянул на Зайцева.

— Сам решай,— сказал тот.— Твои вопросы мы не успеем закрыть, это уж точно. Конечно, риск есть... Но тебе видней.

— Да какие тут могут быть колебания? — изумился представитель ЦСКА.— Надо давить! Бить и бить, пока удары проходят.

— Ну уж на Анатолия Евгеньевича-то не давите,— вступился второй.— Вы же слышите: положение сложное, как играть — неясно. Я считаю, что только Анатолий Евгеньевич может сам решить, играть ему сегодня или нет.

И через пять минут он пошел звонить судьям, что Карпов берет тайм-аут».

А теперь обратимся к книге Каспарова «Два матча». Вот что он пишет:

«Перед 20-й партией Карпов взял последний тайм-аут... Ясно, что своим решением Карпов дал мне время «зализать раны», подрастерял психологическую инициативу. Зачем он это сделал? Потом Карпов объяснял, что у него возникли проблемы в дебюте, и, может быть, удовлетворил этим объяснением людей, далеких от шахмат... Впервые Карпов получил шанс на успешное окончание матча. Правда, он утверждал, что все время не сомневался в успехе. Что ж, уточню, впервые для меня стала реальной угроза поражения — дело не в счете, а в психологическом состоянии! И вряд ли Карпов этого не понимал. Может быть, и ему было трудно совладать с собой? Во всяком случае, для решения

взять тайм-аут у него должны были быть очень веские причины.

И еще об одном моменте, вызвавшем кривотолки,— о переменах в моей тренерской группе. Ее покинули Г. Тимощенко и Е. Владимиров. Но если уход Тимощенко был плановым (о своем решении новосибирский гроссмейстер сообщил еще до начала матча, и по взаимной договоренности он уехал после возвращения из Лондона), то в наших отношениях с Владимировым возник серьезный конфликт после 19-й партии. Мне показалось странным его поведение — переписывание анализов применяемых в матче дебютов. Я не могу ничего утверждать, у меня нет оснований обвинять, но я и не мог по-прежнему доверять Владимирову. Мы расстались как раз за день до того, как поступило сообщение о тайм-ауте Карпова».

И в который раз я вспомнил рассказ Суэтина о страданиях добросовестного Роберта Бирна, который за ночь нашел Фишеру верный выигрыш в его отложенной партии с Петросяном, а самоуверенный Фишер предпочел лишний час поспать и сказал своему секунданту, что обязательно поинтересуется его анализом, но после доигрывания — на теннисном корте...

Игорь Акимов утверждает, что Карпов не побоялся после блистательного Фишера выйти на авансцену таким, как есть. Не изображал ни простачка, ни интеллектуала. А «рекламно-обаятельный» Каспаров, дескать, лепит образ «простодушного демократа и рубахи-парня, такого же, как мы, простого и понятного, которого единственно что от нас отличает — это божий дар лихо играть в шахматы, лучше всех играть в шахматы — даже лучше Карпова». Я бы не взялся — из уважения к личности и чемпиона и экс-чемпиона — делать подобного рода выкладки: кто из них обаятельнее, а кто — интеллектуальнее. А Каспаров, на мой взгляд, обрел популярность независимостью суждений и взглядов, и отнюдь не только шахматных! Ему повезло, конечно,— «попал» в свое время. И я не уверен, что Каспаров лишь «заполучил сердца своего поколения». Автор «Осени на Каменном острове» принадлежит к поколению Таля и не скрывает, что когда-то Таль был частью его жизни, а сегодня ему грустно видеть «этого усталого и, по всем признакам, опустошенного человека, привычно играющего великого Таля...» Что ж, не один такой отшатнулся от Таля, когда тот «выпал» из своего времени. Но разве опустошен человек, который, как бы ни

складывалась его жизнь, остается самим собой, и, если на то пошло, в этом его величие. И не «игру» Таля я вижу, а лишь игру вокруг Таля. А поколение Таля (отшатнувшиеся не в счет) и поколение Каспарова сегодня находят общий язык.

И наконец, автор «Осени...» удостоверяет, что в матч-реванше Карпов внушал себе, что, как только дело дойдет до настоящей, непредсказуемой игры, «по справедливости в ней должен победить тот, кто играет лучше, а не тот, кто дольше обкатывал эту позицию дома». Но кто будет спорить, что самый непредсказуемый ход последовал в 22-й партии, когда Каспаров поставил коня на d7?

А. А. Обещанное письмо от Большеголового я получил незадолго до Нового года. Привожу его без всяких сокращений.

«Уважаемый Аркадий Михайлович!

Согласно нашей договоренности высылаю вам текст легенды или притчи (как Вам будет угодно), обнаруженный и добросовестно расшифрованный мудрейшим Аршаком Артемьевичем, в компетентности которого сомневаться не приходится. Надеюсь, это Вас заинтересует и мы посотрудничаем. Искренне Ваш Константин Леонидович.

БОРЬБА ЗАЛИМАНИСТЫ ПРЕКРАСНОРЕЧИВОГО С РАССУЛОМОМ БЕДНЫМ В КЛИ-КЛА, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРОЙ ЗАЛИМАНИСТА ПРЕКРАСНОРЕЧИВЫЙ УСТУПИЛ СВОЙ ТРОН РАССУЛОМУ БЕДНОМУ, НО ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ, ПОБЕДИВ ЕГО В КЛИ-КЛА, ВЕРНУЛ СЕБЕ ЦАРСТВОВАНИЕ, ПОСРАМИВ РАССУЛОМА БЕДНОГО И ЗАПРЕТИВ КЛИ-КЛА ПОД СТРАХОМ СМЕРТИ НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА.

Был мудр, велик и прекрасен в своем владычестве Залиманиста. Речи его, указы и веления ласкали слух любого дагемуранина, будь он жалким рабом или гордым верховодителем, добропорядочной матерью или презренной раздвижницей, торгующей природными прелестями своего тела, ядовитым монтекулом или свободнокрылым баркутом...

Слова, словно бриллиантовые птицы, слетали с его языка и превращались в прекрасноречивые стаи волшебных мыслей, поражавших суровостью логики и изяществом парадокса. За то и был он прозван дагемуранами Залиманистой Прекрасноречивым. Всякий приговор Залиманисты дагемуранин принимал со смирением и слезами благодарности — будь то смертная казнь или кошелек золотых крувишто в

награду, ибо приговор Залиманисты был всегда справедливым и неопровержимым.

Всякий раз после цветения алимарисов объявлял Залиманиста двадцать четыре дня и двадцать четыре ночи Всеобщего Кли-Кла — поединка разума и красноречия. И в эти двадцать четыре дня и двадцать четыре ночи все дагемуране, богатые и обездоленные, умирающие и пышущие здоровьем, дети и седовласые аскиталы, собирались на площадях и в рощах, в селивингах и лачугах, под дождем и под палящим солнцем и состязались друг с другом в разуме и красноречии, отбирая сильнейшего из сильнейших, которому выпадала высочайшая честь на двадцать четвертый день состязаться в честном поединке с самим Залиманистой Прекрасноречивым. И победитель мог требовать от побежденного все, что могло прийти ему в голову, а побежденный обязан был исполнить все, что требовал от него победитель. А присуждали победу сами дагемуране, собравшиеся на площади в день заключительного поединка, и если большие пальцы их рук смотрели вверх, то это означало триумф победителя, и если большие пальцы их рук смотрели вниз, то это означало горе и унижение побежденного... (Ценя Ваше время, опускаю подробное описание Кли-Кла. Правила и условия приблизительно соответствуют тому, что вы видели в нашей студии.— К. Л.).

Но никогда ни одному дагемуранину не удавалось победить Залиманисту Прекрасноречивого — либо истощался запас рифм, остроумия и логики, либо падала из верхнего сосуда песочных часов в нижний сосуд последняя песчинка, знаменуя Конец Времени, и побежденный, надев Маску Горя, удалялся под свист и улюлюканье, а толпа восхваляла непобедимого Залиманисту.

Но вот однажды после 8104-го цветения алимарисов среди дагемуран появился спустившийся с гор Рассулом, которого за его нищету сразу прозвали Бедным. И начал он состязаться с дагемуранами в Кли-Кла и стал побеждать одного за другим. И на двадцать четвертый день представил верховодитель толпы Мелкумон Рассулома Бедного Залиманисте Прекрасноречивому. И уже подала было знак к началу поединка волоокая Самбриналь — жена Залиманисты, как неожиданно обратился Рассулом Бедный к повелителю. Он сказал:

— Да прости мне, великий Залиманиста, мою непомерную гордость, но чувствую я в себе разум могучий и

красноречие безмерное. И не одолеет меня смущение, и не затуманит мой ум робость от того, что я, Рассулом Бедный, имею честь сразиться с самим Залиманистой Прекрасноречивым и Непобедимым. Но тем слаще будет моя победа и тем дороже будет ее цена. Дай же верное слово повелителя, что выполнишь любое мое условие, если небо позволит сразить тебя в честном поединке.

Толпа загудела, возмущенная наглостью Рассулома Бедного, но Залиманиста встал и поднял руку. Он сказал:

— Мое достоинство не унизит твоя непомерная гордость, Рассулом Бедный. Твоя самоуверенность возвысит и мою победу над тобой. Я не ведаю, что́ ты собираешься потребовать от меня в случае успеха, но я хочу, чтобы риск, как свободнокрылый баркут в центре неба, повис над нами обоими. Даю верное слово повелителя, что выполню любое твое пожелание, сколь тяжким оно ни будет для меня. Но я хочу, чтобы ты знал: в случае твоего поражения твоя голова с могучим разумом украсит ограду моего дворца, а твое красноречие, коим ты надеялся победить меня, будет выбито на могильной плите, под которой найдет свое вечное пристанище твое бедное тело. Если ты не дрогнул, выслушав мои слова, то начнем, и я дам тебе дополнительный шанс, предоставив возможность озадачить меня первому.

Толпа взревела, приветствуя повелителя, и волоокая Самбриналь дала знак к началу...

...Уже кончился двадцать четвертый день, и опустилась над площадью двадцать четвертая ночь, а Залиманиста Прекрасноречивый все не мог одолеть Рассулома Бедного. На любую самую парадоксальную строку Залиманисты, на самое сложное и изысканнейшее окончание Рассулом отвечал двойным парадоксом, приводившим в изумление толпу, и парировал такой неожиданной рифмой, что стоявшие у трона придворные поэты, наставники Залиманисты в поэтическом мастерстве, покрывались багровыми пятнами и чувствовали себя базарными зазывалами. При этом отвечал Рассулом мгновенно и к середине ночи уже имел в своем сосуде вдвое больше песка, чем оставалось в сосуде Залиманисты.

Уже исчерпали оба запасы философских эскапад и перевели борьбу в русло двусмысленных и ироничных вначале, а потом прямых и жестоких нападок друг на друга. Но и здесь Рассулом Бедный опережал Залиманисту, ибо знал о нем как о повелителе много правдивого и ложного,

интимного и романтического, возвышенного и скабрезного, что всегда окружает имя любого повелителя. А Залиманиста знал о Рассуломе только то, что он бедный. И к рассвету, когда запас песка в сосуде повелителя стал угрожающе мал, он решился на последний шаг. Он надел на себя Маску Отчаяния, а это означало, что он ограничивает поединок тринадцатью вопросительными ударами, за время которых он обязуется угадать условия Рассулома Бедного в случае победы. Если же нет, то эти условия огласит Рассулом Бедный, но уже в качестве победителя. Но, пойдя на это, Залиманиста сам себе поставил сети и с каждым следующим вопросительным ударом запутывался в них все больше и больше, ибо не мог даже предположить всю степень дерзостности претензий Рассулома Бедного, который получить мог ВСЕ, а рисковал лишь ничтожной песчинкой (каковою себя считал) этой безграничной пустыни жизни. И когда Залиманиста нанес тринадцатый вопросительный удар и тут же получил ответ Рассулома Бедного: «Я НЕ СКАЖУ ТЕБЕ «ДА» И НА ЭТОТ ВОПРОС ТВОЙ, ВЛАДЫКА, ИБО СОЛГУ, НУ А ЛОЖЬ НЕ УКРАСИТ ПОБЕДУ»,*—он устало опустился на трон.*

Наступила тишина. Солнце вставало над площадью. И, сохраняя достоинство повелителя, Залиманиста Прекрасноречивый, улыбнувшись, сказал:

— Требуй!

И победитель сказал:

— Царство! Трон! Волоокая Самбриналь!

Толпа ахнула. Залиманиста побледнел, но, взяв себя в руки, сказал спокойно:

— Ты победил меня, Рассулом Бедный. Я выполню свое слово. Царство и трон твои. Но не забирай у меня Самбриналь.

И Рассулом сказал:

— Царство! Трон! Волоокая Самбриналь! Или считай, что ты победил, и сними с меня голову!

И тогда Залиманиста сказал:

— Ты победил, Рассулом. Ты получаешь царство, трон и Самбриналь, а я удаляюсь в изгнание. Но я возвращусь, Рассулом, и Кли-Кла сведет нас в новом поединке. И если я одолею тебя, ты вернешь мне царство, трон и Самбриналь. Если же нет, голова моя украсит дворцовую ограду.

С этими словами Залиманиста сошел на площадь и исчез в толпе, которая в безумном экстазе уже приветствовала

нового повелителя Рассулома, ставшего Прекрасноречивым...

Многократно после этого цвели алимарисы, и никому не проигрывал в Кли-Кла новый правитель дагемуран Рассулом Прекрасноречивый, но последних слов, сказанных Залиманистой, забыть не мог, сознавая, что единственный, кто может посягнуть на его благополучие, жив и наверняка мечтает о возвращении. И еще он знал, что уже не в состоянии расстаться с царством, троном и волоокой Самбриналь, и это вселяло в него страх перед возможностью потерять приобретенное. Он нанимал для занятий иноземных риторов, логиков и поэтов, но перед каждым цветением алимарисов убивал их, боясь, что новые философские формулы, рифмы и парадоксы смогут стать достоянием Залиманисты, шпионов которого он видел в каждом дагемуранине. Переболев однажды расстройством желудка, он перестал принимать еду, приготовленную дворцовыми поварами, ибо боялся быть отравленным агентами Залиманисты. Он питался только плодами фартериса, который выращивал собственноручно. Имя Залиманисты приводило его в дрожь, и он запретил дагемуранам произносить его. Он боялся и ждал. Ждал и боялся.

И вот наступило десятое со времени его победы цветение алимарисов, и началось время Кли-Кла. Рассулому донесли, что с гор спустился нищий дагемуранин и стал одного за другим повергать своих соперников. И хоть запрещено было имя Залиманисты, но все дагемуране и Рассулом знали: пришло время ЕГО возвращения. Тогда Рассулом разослал на площади и в рощи, в селивинги и лачуги, под дождь и под палящее солнце — всюду, где дагемуране состязались, отбирая сильнейшего, двадцать самых лучших бойцов Кли-Кла из Элиты, чтобы хоть кто-нибудь остановил шествие Залиманисты, но все двадцать бойцов Элиты были повергнуты им, словно начинающие ученики. Семь колдунов наводили порчу на Залиманисту, пытаясь обезволить его и затуманить разум. Но все было напрасно, ибо Залиманисту тоже охраняли колдуны, которые наводили свою порчу на колдунов Рассулома. И наконец, настал двадцать четвертый день Кли-Кла, и верховодитель толпы представил владыке Рассулому Прекрасноречивому его соперника. Оба испепелили друг друга взглядами, и начался поединок. День, ночь и еще день они сражались на равных, сочетая выстроенные заранее философские форму-

лы с фонтанами божественной импровизации, но с наступлением второй ночи Рассулом стал подолгу задумываться над очередным ответом и все чаще начал попадать в логические ловушки Залиманисты. И чем меньше оставалось песка в сосуде Рассулома, тем труднее ему было сосредоточиться, тем ожесточеннее пожирала его одна мысль: «Неужели это конец?»

А в расправленные крылья Залиманисты дул ветер успеха, предвещая торжество отмщения. Рассулом, словно завороженный, смотрел, как исчезает из его сосуда песок времени. Крик отчаяния сопроводил последнюю песчинку, упавшую в сосуд Залиманисты. Рассулом метнулся к стоявшему поблизости стражнику, выхватил из его рук астарду и со всего маху вонзил ее себе в грудь. Еще через мгновение он упал лицом вниз, и астарда вышла у него между лопаток...

Толпа взорвалась неистовыми восторженными криками, приветствуя возвращение Залиманисты, теперь уже снова Прекрасноречивого...

А Залиманиста вскоре запретил Кли-Кла под страхом смерти на вечные времена. Он не боялся мертвого Рассулома, но с синих дагемуранских гор в любой день мог спуститься новый тщеславный оборванец, а его в честном поединке можно и не победить... Самбриналь согласилась с решением повелителя. Алимарисы цвели еще много раз, но плодов не давали.

P. S. Копию легенды я послал и Юрию Леонидовичу.— К. Л.»

Сюжет легенды, присланной Большеголовым, показался мне довольно расхожим, или, как говорят, «бродячим». В жизнеописаниях разных королей и халифов есть много примеров подобных изгнаний и последующих триумфальных возвращений на трон. Но в данном случае привлекало то, что вечная кровавая борьба за власть камуфлировалась честной, возвышенной игрой логики, парадоксов, иронии, причем игрой довольно заразительной... Я уже не говорю о семье Зерчанинова, но мой товарищ, серьезный физик С. Никитин, после того как я рассказал ему о прыгскокинге, заметил, что если Большеголовый не дурак, то он должен запатентовать эту игру и запустить ее в свет. Такой «интеллектуальный кубик Рубика». А я в очередной раз

задумался над личностью Константина Леонидовича. Что за энергия питает этого человека? Какие цели преследуются его странными (с привычной точки зрения), даже эпатажными поступками? Чем заряжено окружающее его удивительное поле, которое удерживает таких разных и неординарных людей?

Он позвонил мне через несколько дней. На сей раз я разговаривал с ним серьезно, без тени иронии и пообещал заехать в «студию» недели через две, но через две недели не заехал — сказалась моя необязательность. Конечно, я могу набрать уважительные причины, но все это для наивных. Главная причина — моя необязательность. Отвратительная черта, которой я стыжусь, а за конкретное отношение к Константину Леонидовичу корю себя по сей день...

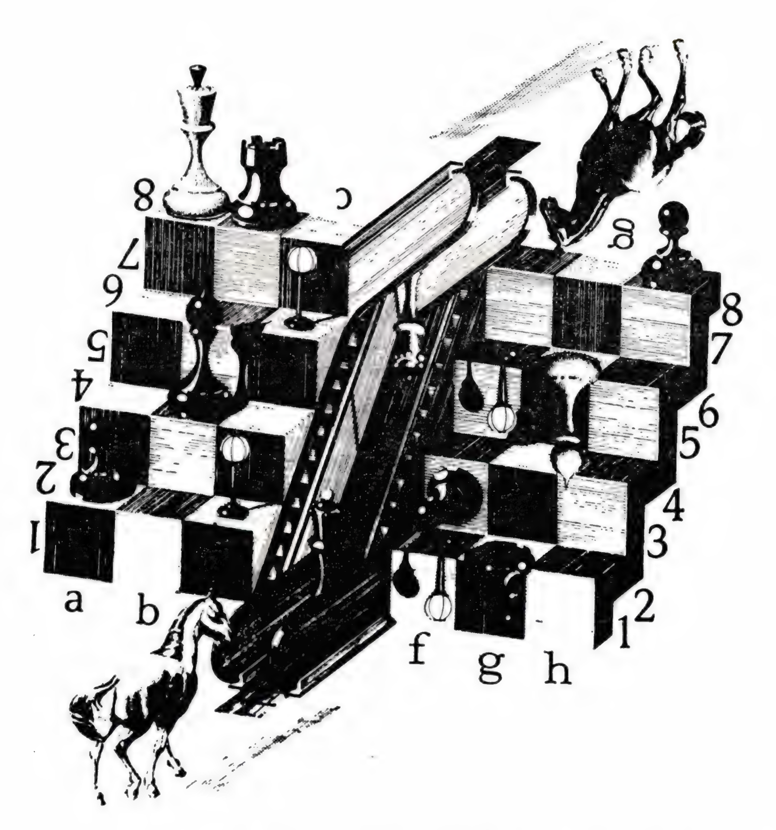
«Студию» я решил навестить в один из февральских вечеров уже в восемьдесят седьмом году. Я разыскал тот самый дворик, но, увы, вместо трехэтажного дома лежала заснеженная куча битых кирпичей, дерева и штукатурки. И я с сожалением констатировал, что убедить райисполкомовских товарищей и дам в безвредности (я уж не говорю о полезности) прыгскокинга Константину Леонидовичу так и не удалось. Я рассказал об этом Зерчанинову и спросил, не знает ли он, как связаться с Большеголовым.

— Я думаю, он сам объявится,— сказал Зерчанинов...

Но Константин Леонидович не объявлялся и не объявился. След его простыл...

Анатолий Карпов тем временем «в одну калитку» обыграл в матче Андрея Соколова и заявил, что этот матч входил в план его подготовки к четвертому поединку с Гарри Каспаровым. Значит, двенадцатый чемпион мира в своей победе над Соколовым не сомневался, и был прав, а Соколов в своем желании стать четырнадцатым чемпионом оказался несостоятельным, и, стало быть, не ему «уготована какая-то особая роль в истории шахмат», о чем говорил Юрий Разуваев.

А летом засверкало романтическое название испанского города. Севилья выиграла конкурентную борьбу за право проводить матч на первенство мира между двумя всемирно известными соискателями. Среди городов-конкурентов мелькнул даже и Сочи. Но это было мимолетно и несерьезно. Поэтому Сочи принял в октябре традиционный шахматный фестиваль «Россия»...

глава 4

А. А. 5 октября 1987 года я прилетел в Сочи и впервые в жизни по достоинству оценил понятие «бархатный сезон», которое раньше (видимо, по молодости) имело в моих глазах некий пижонский, сытый, ленивый оттенок. Я всегда на юге предпочитал жару, зной, загадочно-длинноногих девиц, бессмысленную, но довольно приятную, как принято говорить сейчас в определенных кругах, «тусовку», гостеприимные кавказские застолья с цветистыми тостами, всякий раз убеждавшими тебя в том, что ты уникальный и выдающийся человек. А когда кто-то с томлением в голосе произносил «бархатный сезон», передо мной возникали

благоустроенные пляжи, неторопливые вереницы тучных немолодых «упакованных» мужчин и их жен или подруг со следами былой красоты. Говорят, что Михаил Светлов сказал про таких как-то: «тела давно минувших дней...» Еще виделись преферансные компании, игравшие не по маленькой... И мне всегда казалось, что времена бархатного сезона для меня или никогда не наступят, или если и наступят, то настолько не скоро, что думать об этом не следует. Но времена эти наступили, и в ту осень я вдохнул ароматы бархатного сезона полной грудью, едва только вышел из здания сочинского аэропорта. Меня встретил главный судья шахматного фестиваля «Россия» Юрий Павлинович Соколов, и мы направились в гостиницу «Приморская», где жили многие участники фестиваля и где располагался штаб. По дороге я узнал, что Юрий Павлинович — заместитель председателя Шахматной федерации РСФСР и отец Андрея Соколова. Все было хорошо организовано, и меня ждал удобный номер в гостинице.

В городе я обнаружил один-два красочных транспаранта на тему шахматного фестиваля «Россия», но другие виды рекламы практически отсутствовали, как выяснилось впоследствии, из-за того, что даже расклейка афиш стоит дорого. А реклама была просто необходима, ибо, как отмечали ветераны прошлых шахматных фестивалей и чигоринских мемориалов, интерес к подобного рода соревнованиям почему-то падает.

Сочинский мастер Юрий Лобанов, так сказать, технический директор и организатор фестивалей, высказался по этому поводу определенно: «Сегодня, как ни странно, имена в шахматах интересуют людей больше, чем сами шахматы. Играли бы Карпов и Каспаров, в зал невозможно было бы попасть. Покупали бы билеты не из любви к шахматам, а чтобы просто поглазеть, живьем увидеть. Вообще, как ни парадоксально, я заметил: чем больше мы фокусируем внимание на шахматных звездах, тем меньше интереса проявляют люди к остальным, даже очень сильным шахматистам и к шахматам в целом».

И действительно, даже такие имена, как Лев Псахис, Юрий Разуваев, Смбат Лпутян, Владимир Тукмаков, Елена Ахмыловская, Ирина Левитина, не расшевелили ни сочинцев, ни отдыхающих. А фамилии иностранцев тоже вряд ли что могли добавить. Ну кто, в самом деле, кроме собирающих всю шахматную информацию профессионалов, мог что-

нибудь слышать об англичанине Д. Ходсоне, кубинце Л. Ортеге, венгре Й. Хорвате, болгарине Б. Андонове? Ведь даже постоянно интересующиеся шахматами люди сидят на голодном информационном пайке. И какие имена играют в международных турнирах, и как играют, узнать практически невозможно. Специальной шахматной периодики для этой цели явно мало, а профессиональная спортивная газета «Советский спорт» оказывает шахматам унизительно ничтожное внимание. По каким соображениям, неизвестно. Ведь находится же место, чтобы сообщить об итогах, скажем, весеннего легкоатлетического кросса где-нибудь на Ямайке...

Так или иначе, а каждый тур шахматного фестиваля собирал максимум сорок-пятьдесят зрителей в отличном зале пансионата «Светлана». А многие отдыхающие даже высказывали недовольство тем, что зал занят какими-то шахматами и кино из-за этого не показывают... Обидно-с! Ведь фестиваль «Россия» и центральный турнир этого фестиваля, посвященный памяти М. И. Чигорина, должны быть настоящими ежегодными праздниками. И если бы привлечь побольше таких самосгорающих людей, как Евгений Александрович Бебчук (он был редактором бюллетеня «Россия») и упомянутый уже Юрий Иванович Лобанов, то можно своротить горы... Кстати, мы мастерски не умеем извлекать максимальный коэффициент полезного действия из наших энтузиастов! Могу только представить, как развернулся бы тот же Юрий Иванович, будь у него побольше власти (в нормальном смысле слова) да побольше средств (тоже в нормальном смысле слова, в сегодняшнем, в хозрасчетном)! Вот это был бы спонсор! Недаром, когда Лобанов появлялся в штабе фестиваля, Бебчук всегда восклицал: «Юрий Иванович! Вы колосс!»

Участники мужского и женского турнира имели разные цели: одни добывали себе баллы международных мастеров и гроссмейстеров и поэтому «рубились», другие проверяли в действии новые идеи и схемы, третьи играли, отдыхая, или, отдыхали, играя, что тоже не предосудительно. Кто много загорал и купался, тот выдающихся результатов не добился. И наоборот. Юрий Разуваев сказал, что это закономерно, потому что солнце «плохо действует на мозги». Лев Псахис хотя и не был согласен со своим другом, но тоже высокого места не занял. Обаятельный англичанин Джулиан Ходсон три четверти турнира «ловил кайф» от Сочи. У него была валюта и было увлечение одной игривой ленинградкой. И он

проигрывал все подряд. Когда же валюта кончилась и ленинградка уехала, Ходсон от печали выиграл две блестящие партии, за одну из которых был награжден специальным призом. Кубинец Ортега занял последнее место, но при этом сказал, что загорел и окреп. А трое наших «бледнолицых» (А. Харитонов, С. Смагин и Е. Пигусов) поделили первые три места, и двое из них (С. Смагин и Е. Пигусов) стали после этого международными гроссмейстерами. Я же следил за ходом двух турниров, отдыхал и выпускал «Светскую хронику» в бюллетене «Россия». Кое-что из хроники «сочинял», а кое-что «брал из жизни». Предлагаю два примера из «хроники», которая, по-моему, пользовалась популярностью у шахматистов и отдыхающих.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

В Сочи очень популярен Псахис. На базаре один из колхозников — любителей шахмат — узнал его и подарил 1 кг яблок. В другом ряду его тоже узнали и отсыпали орехов. В арбузном ряду ему преподнесли два арбуза. Псахису (как и его друзьям) это пришлось по душе, и на следующий день он

снова отправился на базар. Едва завидев его, колхозники закричали: «Земляки! Закрывай ряды! Псахис идет!»

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОС
ЧИТАТЕЛЕЙ

Редколлегия бюллетеня получила много писем, в которых читатели спрашивают: почему в нынешнем году в чигоринском мемориале не принимают участие гроссмейстеры Т. Георгадзе, Э. Гуфельд и А. Суэтин?

На этот вопрос редакция отвечает: если бы А. Суэтин, Э. Гуфельд и Т. Георгадзе играли в Сочи, то кто бы, спрашивается, тогда поехал в Севилью освещать матч между Г. Каспаровым и А. Карповым? Можем лишь заверить любителей шахмат, что если следующий матч на первенство мира состоится не за границей, то все три уважаемых маэстро приедут играть в Сочи.

...Таким образом я плавно перебираюсь к севильскому «бою быков», который начался 10 октября и на который 22 ноября вылетал мой друг Зерчанинов в составе специализированной группы «Спутника»...

Ю. З. К началу матча я испробовал все пути, исчерпал все знакомства, стремясь попасть в спецгруппу Центрального шахматного клуба, которая направлялась в Севилью. В глазах тех спортивных администраторов, которые комплектовали группу, предыдущие главы нашего «Сюжета», опубликованные в «Юности», не давали мне никаких козырей. Больше того, доброжелатели намекали, что своими нескрываемыми симпатиями к Каспарову мой друг Арканов бросает теперь тень и на меня. Но в последний момент спецгруппу в Севилью решил послать и Московский городской комитет комсомола, где мое стремление побывать на матче встретило полное понимание. И, пребывая мысленно уже на берегах Гвадалквивира, я и не думал завидовать моему другу Арканову, который в роли светского хроникера при шахматах предавался в Сочи усладам бархатного сезона — иронизировал, но предавался.

А. А. За неделю до открытия матча одна из центральных газет опубликовала беседу с Анатолием Евгеньевичем Карповым и портрет экс-чемпиона. В беседе практически ничего

не было сказано ни о шахматах вообще, ни о матче в частности. Обстоятельная беседа о деятельности Советского фонда мира и его председателе. Эта публикация могла состояться когда угодно. Задолго до матча, после матча, так сказать, в холодный период... Но она состоялась именно перед открытием севильского матча, что болельщиками Каспарова было расценено как акция психологического давления, хотя сам чемпион мира, находясь в Севилье, без посторонней помощи вряд ли бы проявил интерес к любой прессе. Во всяком случае, и окружение Каспарова и окружение Карпова в периоды непосредственной борьбы стараются оберегать своих «хозяев» от воздействующих на их психику публикаций. Так или иначе, возникло опасение, что внешахматная борьба за чемпионскую корону будет занимать на севильском матче не последнее место. Забегая вперед, скажу: далеко не последнее... Впрочем, в Севилье был Зерчанинов. У него испанская пресса, факты, наблюдения. Ему в этом вопросе и карты в руки...

Ю. З. Я еще расскажу о своей поездке, а пока хочу лишь заметить, что Кампоманес, который так подавляюще авторитетен для наших шахматных руководителей (обрел в Москве даже скульптора, который лепит его для потомков), в Севилье держался в тени. Испанцы считают его человеком американского склада, близким к недавнему властителю Филиппин Маркосу, бежавшему из своей страны, что в сегодняшнем испанском обществе, продолжающем избавляться от франкистского наследия, как я понял, одобрения не находит.

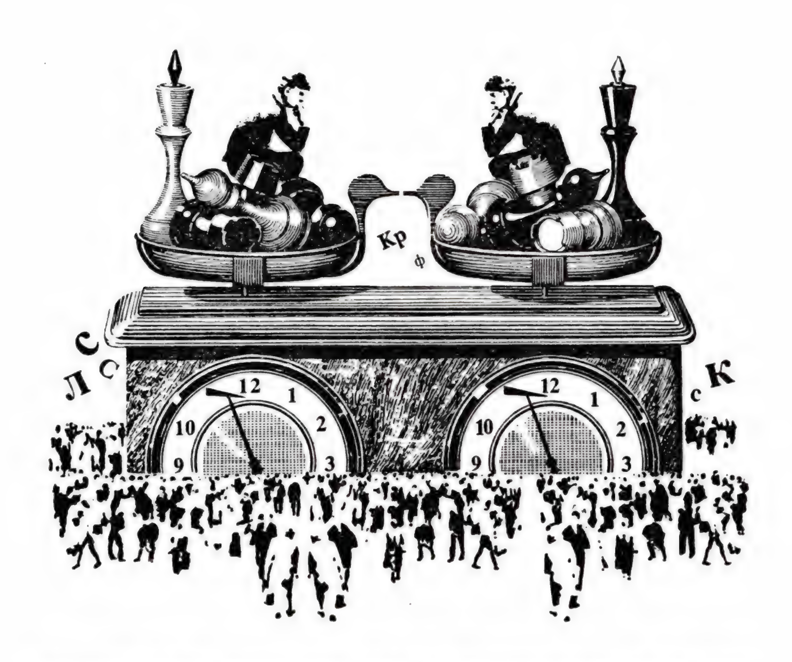
А. А. Все же, кто в Севилье не побывал, а таких большинство, вынуждены были пользоваться, увы, слухами, которые иногда соответствовали действительности, а иногда оказывались даже дальше от истины, чем мы от Севильи. Информация же в «Советском спорте» Э. Гуфельда и позднее А. Рошаля большого света не проливала, а отдельные робкие намеки напоминали холодное свечение светлячков в безлунную южную ночь...

Среди участников сочинского фестиваля были «каспаровцы», были «карповцы» (и это абсолютно нормально как для профессионалов, так и для болельщиков-любителей) и были

«нейтралы», которых интересовал лишь шахматный процесс. Вторую партию многие, если можно так выразиться, наблюдали по «Маяку», и после первого включения Я. Дамского, расставив позицию, спорили только об одном — на каком ходу Каспаров выиграет... Когда же спустя несколько часов Я. Дамский сообщил по «Маяку», что вторая партия закончилась победой Карпова, все решили, что комментатор оговорился... Но он не оговорился. Почти полуторачасовое раздумье чемпиона мира в дебюте сказалось. Попав в жесточайший цейтнот, он оказался переигранным Карповым и сдался за ход до мата. «Каспаровцы» еще сутки не могли оправиться от шока и бились над решением двух проблем. Почему Каспаров «заснул» над одним ходом в дебюте почти на полтора часа и как (?!) он мог забыть перевести часы, находясь в цейтноте? Случай совершенно невероятный даже для среднего профессионала, а для Каспарова и вовсе не поддающийся объяснению с точки зрения здравого смысла. Разгадка, видимо, известна только самому чемпиону мира. Я же как бывший врач могу объяснить это лишь так называемым запредельным торможением, когда определенный участок мозга настолько чем-то возбужден, что все остальные зоны коры становятся глубоко заторможенными. Иначе говоря, Каспаров в тот момент мог думать о чем-то очень важном (для него, во всяком случае), но не о флажке (!). Повторяю, это только мое предположение, а о чем он думал тогда, и думал ли вообще, кто знает...

Никакого нарушения кодекса со стороны Карпова в этом эпизоде не было. Он не обязан переводить часы соперника. Есть даже жестокая шахматная присказка: «За свое время хоть пляши». И в то же время, имея уже выигранную позицию, Карпов получил шанс «выиграть ее еще один раз» — обратить внимание противника на то, что его флажок уже поднялся, а кнопка часов не переключена. Карпов этим шансом не воспользовался. Или не захотел, или был занят своей игрой и своим временем...

Мне казалось, что четвертый матч на первенство мира для «массового» болельщика уже не будет представлять прежнего обостренного интереса. Создавалось впечатление, что оба слегка поднадоели... Как бы отошли на второй план. Действительно, в стране происходят бурные революционные события, общественная и экономическая жизнь выходит из застоя, публикуются произведения, много лет лежавшие под спудом, неофициальное чтение которых в еще недавние

времена могло кончиться весьма неприятными последствиями. Две мировые системы, находящиеся в конфронтации, содрогаются от апокалипсических предупреждений — «Челленджер» и «Чернобыль»... Уносит более четырехсот человеческих жизней одна из крупнейших морских катастроф... Приближалась вашингтонская встреча на высшем уровне...

А Каспаров с Карповым по-прежнему ведут изнурительные выяснения взаимоотношений (и, увы, не только за шахматной доской), сыграв на своем высшем уровне уже больше сотни партий — число, которое может свести с ума самого устойчивого человека, когда уже можно, кажется, решить проблему чемпионства прямым ударом доской по голове своего соперника, и тот, кто останется живым, тот и будет объявлен победителем. И даже благородная акция Каспарова, отказавшегося от лондонской части приза в пользу пострадавших от чернобыльской трагедии, акция, которую поддержал и Карпов, не сблизила двух непримиримых противников... Иногда даже кажется, что им вдвоем тесно не только возле шахматного трона, но и вообще на земле...

Короче говоря, я ошибался, считая, что интерес к четвертому матчу упал... На следующий день после второй партии на пляже ко мне бесконечно подходили знакомые и незнакомые отдыхающие. Болельщики Каспарова спрашивали, что случилось, неужели ОН (Каспаров) проиграет? Болельщики Карпова ликовали и беспокоились лишь о том, чтобы их любимец сохранил столь рано полученное преимущество.

А я лишь снисходительно улыбался, делал умный вид и говорил, что вот позвоню сегодня нашему Большеголовому и все выясню... Но звонить я ему не собирался, а точнее, просто не мог, потому что он, как я уже писал, вновь исчез из моего поля зрения и, как говорят в детективах, местонахождение его было неизвестно. Но назавтра я сообщил всем заинтересованным отдыхающим, будто вчера Большеголовый мне сказал, что к шестой партии Каспаров сравняет счет... Я это говорил всем «на голубом глазу», без тени сомнения, но сам над собой подтрунивал...

Мои акции оракула подорожали к четвертой партии, когда Каспаров сравнял счет, причем сделал это очень убедительно. Правда, все гроссмейстеры считали, что говорить о цельности партии не приходится, ибо Карпов в ней продемонстрировал, мягко говоря, не самый высокий уровень...

Но и в ясновидцах я ходил недолго — пятую партию, в которой чемпион мира «зевнул» не в худшей позиции элементарную двухходовку, вновь выиграл Карпов. «У Гарри Кимовича нервы никуда не годятся! — горячо доказывал Псахис. — Это может для него плохо кончиться!». Другой международный гроссмейстер (не буду называть фамилию, ибо это не он, а она) был более категоричен: «Оба играют слабо, а при такой игре предсказать, чем все это кончится, — задача для сумасшедшего».

Еще через несколько дней на набережной ко мне подошел уже далеко не молодой человек и сказал:

— Ты Аркадий Арканов?

— Да, — сказал я. — Но почему «ты»?

— Потому что мы с тобой учились до седьмого класса в одной школе, в 597-й, за метро «Сокол». Верно?

— Верно!

Он назвал свою фамилию. Я его, конечно, вспомнил... И многих других ребят мы вспомнили. И учителей, из которых на сегодняшний день, увы, уже многих нет... Мы трепались,

смотрели друг на друга и без грусти констатировали верность парадокса: ничто так не старит человека, как возраст. Вот только мы никак не могли вспомнить, кто это сказал. Мне казалось, что Шоу. Он считал, что Уайльд... Впрочем, выяснилось, что это не единственное наше разногласие. Он сказал, что читал в «Юности» наш «Сюжет» и увидел в нем симпатии к Каспарову. Я ответил, что мы были абсолютно объективны в оценках всего того, что происходило, а мои симпатии к Каспарову определяются его игрой и его личностью, которая мне представляется незаурядной.

И тут лицо моего школьного товарища обрело недоброе выражение.

— Наглый он, твой Каспаров! — сказал он.— Самоуверенный! Во все лезет — и в футбол, и в КВН со своей дурашливой улыбочкой! Научился бы у Карпова скромности... Ну ничего. На этот раз Толя поставит его на место... А про часы забыл, потому что играть надо уметь!..

Мои контрдоводы не переубедили школьного товарища. Правда, мы и не поссорились... Может быть, потому, что мне удалось перевести разговор на другие темы. К сожалению, я слышал подобные оценки не только на набережной Сочи, но и в других, более серьезных местах, и не от школьных товарищей, а от других товарищей, занимающих шахматные, спортивные и другие ответственные посты, для которых поражение Каспарова в этом матче связывалось с надеждами зажить прежней привычной жизнью, где все было налажено, отлажено, без вопросов, без риска... Той жизнью, которой они жили до перестройки... Кстати сказать, явление это в шахматной жизни лишь отражает то, что происходит сегодня и имеет достаточно сильные позиции и в более глобальных, чем шахматные, областях...

Впрочем, не будем уходить от шахмат. Возьмем, к примеру, Международную ассоциацию гроссмейстеров. Наша печать пока что отделывается лишь туманными сообщениями. Тем не менее идея эта, принадлежащая в основе Каспарову, пришлась своей простотой и логичностью подавляющему большинству крупнейших советских и зарубежных гроссмейстеров. Суть ее в том, что ФИДЕ за годы существования закостенела, обюрократилась, она уже не считается с интересами гроссмейстеров. Система выявления сильнейших шахматистов устарела, порой не обеспечивает тот желанный климат, в котором должны происходить шахматные соревнования. ФИДЕ руководят функционеры, или вообще далекие

от шахмат, или крайне низкоквалифицированные в этом отношении люди. А кто как не сами шахматисты должны вырабатывать оптимальные условия, в которых они могут самовыражаться в самом полном смысле этого слова? Идея эта уже практически проведена в жизнь, несмотря на сопротивление ФИДЕ. Госкомспорт до сих пор не высказал своего окончательного ни положительного, ни хотя бы отрицательного отношения к ней. Впечатление такое, будто что-то еще выжидается, будто рано или поздно кто-то сверху, как раньше, укажет, как и что, и тогда решение будет сообщено народу: либо идея очень своевременная и прогрессивная, либо — реакционная и порочная... Но чего надо выжидать, если уже возникла и советская ассоциация гроссмейстеров, выбрано ее руководство, существует выработанное и одобренное большинством гроссмейстеров положение?..

Перед окончанием сочинского фестиваля после турнира в Тилбурге приехал погреться на солнышке Артур Юсупов — член совета организации советских гроссмейстеров. Я разговаривал с ним на эту тему. Он сказал: «Я очень плохой пересказчик и популяризатор. Вот вам копия резолюции собрания советских гроссмейстеров. В ней все сказано».

В журнале «Шахматы в СССР» она уже публиковалась. Привожу ее текст полностью.

РЕЗОЛЮЦИЯ
собрания советских гроссмейстеров

Москва 9 мая 1987 г.

Собрание советских гроссмейстеров ОТМЕЧАЕТ, что:

— шахматное движение в стране за последние годы не получило должного развития, решения директивных органов, принятые в 1980 году, оказались во многом не выполненными;

— в стране уменьшается число соревнований, особенно проводимых местными шахматными клубами, некоторые из которых находятся в бедственном положении;

— вновь избранному руководству Шахматной федерации СССР в октябре 1986 года трудно действовать в рамках старой структуры управления шахматами;

— имеют место субъективизм и корпоративность при

решении вопросов, связанных с выступлениями шахматистов в соревнованиях, в первую очередь за рубежом;

— снизилось наше влияние в международной шахматной организации ФИДЕ, принявшей за последние годы ряд решений, идущих вразрез с интересами мировых и советских шахмат;

— отсутствуют соответствующие научно-методическое, медицинское и информационное обеспечение деятельности ведущих шахматистов страны;

— ощущается острейший дефицит высококвалифицированных тренеров и организаторов, а многие ведущие специалисты эффективно не используются;

— запущен вопрос, связанный со значительным отставанием международных коэффициентов большинства советских шахматистов от их реальной практической силы, что негативно влияет на различные аспекты нашей шахматной жизни.

Собрание советских гроссмейстеров СЧИТАЕТ, что в основе создавшегося положения лежат следующие причины:

1. Структура всего шахматного движения в стране устарела и нуждается в коренных преобразованиях.

2. В течение многих лет происходил негативный процесс унификации шахмат с другими видами спорта. При этом недооценивается их творческое содержание, не учитывается специфика работы ведущих шахматистов страны, которая носит исследовательский характер и связана с огромными информационными перегрузками.

3. Годами складывавшаяся кадровая политика в шахматных учреждениях и организациях не способствовала активизации деятельности ведущих шахматистов, выдвижению талантливых тренеров и организаторов. У руля руководства оказались люди, не способные решить насущные проблемы шахматного движения.

4. Практически все важные решения принимаются недемократическим путем, келейно, без консультаций со специалистами и общественностью. В деятельности руководства полностью отсутствует гласность.

Шахматное движение в стране не вправе и дальше оставаться в стороне от революционного процесса перестройки жизни нашего общества. Советские гроссмейстеры хотят активно способствовать расширению культурно-воспитательной роли шахмат, росту их массовости, пропа-

ганде достижений советской шахматной школы и дальнейшему развитию ее славных традиций.

Учитывая популярность шахмат в стране, тягу молодежи к занятиям шахматами, огромный спрос на шахматную литературу, рост числа шахматных мероприятий за рубежом, мы убеждены, что при правильной постановке дела шахматы могут стать высокорентабельной сферой. Для этого необходимо демократизировать нашу шахматную жизнь, осуществить серьезные преобразования.

Собрание советских гроссмейстеров ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать необходимым создание организации советских гроссмейстеров для решения профессиональных задач, повышения их творческой активности и общественной деятельности.

2. Узаконить фактически существующий статус шахматиста-профессионала для гроссмейстеров, что должно повлечь за собой решение таких наболевших вопросов, как пенсионное обеспечение, улучшение социально-бытовых условий, упорядочения системы материального поощрения.

3. В целях роста мастерства советских шахматистов, увеличения экономического эффекта их деятельности, просить соответствующие инстанции не применять квоту выезда советских шахматистов на соревнования за рубеж.

4. Образовать инициативную группу с привлечением специалистов (экономистов, юристов, организаторов и т. д.) для изучения вопроса о создании творческого союза советских шахматистов на основе широкого опроса общественного мнения.

Предложения по этому вопросу разработать до 1 января 1988 года.

5. В целях роста оперативности и повышения качества шахматных изданий (книг, периодики и др.), координации издательской деятельности просить соответствующие инстанции рассмотреть вопрос о создании объединенного специализированного издательства шахматной литературы.

6. Одобрить деятельность чемпиона мира Г. Каспарова и экс-чемпиона мира А. Карпова в Международной ассоциации гроссмейстеров. Рекомендовать советским гроссмейстерам вступление в эту ассоциацию по личным заявлениям в строго индивидуальном порядке.

7. Для выработки устава организации советских гроссмейстеров и решения текущих вопросов на период между общими собраниями избрать совет организации в составе:

чемпион мира	*Г. Каспаров*
экс-чемпионы мира	*М. Ботвинник и А. Карпов*
гроссмейстеры	*Н. Александрия,*
	А. Белявский,
	В. Тукмаков,
	А. Юсупов.

Резолюция принята единогласно.

Председатель собрания	*М. М. Ботвинник*
Секретарь	*В. Б. Тукмаков*

Вот какие события в нашем шахматном доме предшествовали матчу в Севилье.

...Каспаров сравнял счет в восьмой партии, выиграв ее, как говорят профессионалы, практически не входя в соприкосновение с фигурами Карпова. Заслуга Каспарова в победе не умалялась, хотя гроссмейстеры были единодушны и в том, что Карпов эту партию играл вяло, бespланово, робко, чтобы не сказать резче. И опять общий уровень всего матча оценивался (с точки зрения чисто шахматного искусства) сдержанно. Об этом уже к концу матча стали говорить и официальные обозреватели в прессе, оправдывая невысокое качество партий чрезвычайным напряжением, физическим и нервным переутомлением и небывалым значением конечного результата. Еще бы! Победитель получал возможность по меньшей мере три года отдохнуть от повисшего на руках, на ногах, на мозгах соперника. Победитель мог, наконец, полностью насладиться всеми преимуществами чемпионства, оглядеться, вспомнить, что есть еще и другая жизнь, поиграть в охотку в нормальные шахматы...

В одиннадцатой партии Карпов в безусловно лучшей, а может быть, и выигранной позиции сначала сам ее уравнял, а потом совершенно добровольно зевнул качество, после чего Каспаров повел в счете, а его почитатели вздохнули свободно, приговорив Карпова и ожидая лишь окончательного результата. В самом деле, в оставшихся тринадцати партиях двенадцатому чемпиону необходимо было выиграть две при условии, что тринадцатый чемпион не выиграет ни одной. А это считалось малореальным. Между прочим, одиннадцатая партия стала для Карпова очередной «одиннадцатой роковой». По-моему, Каспаров и сам поверил в роковые числа Карпова и, похоже, назначил очередную казнь на шестнадцатую партию (шестнадцатые партии Карпову тоже приносили

1986 г.
Лондон.
Церемония
открытия

EATER
AMON
ESS
PAR
Du
La
Lt

RK LANE
HOTEL
uncan
wrie
d

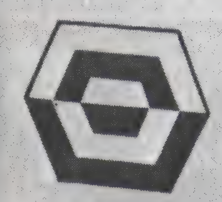

KASPA
SAVE

THE
TIMES
Britain

AROV KARPOV

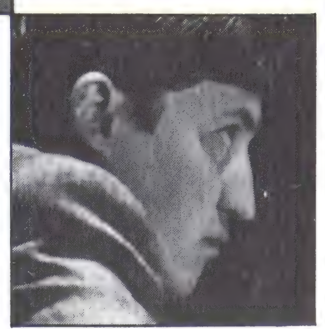

E & PROSPER

И. Зайцев

Ю. Балашов

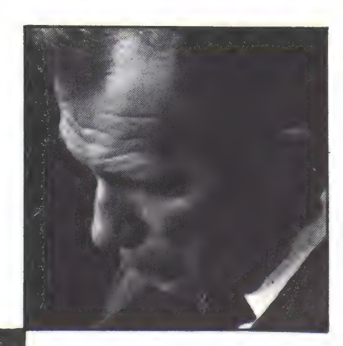

Н.Г. Карпова

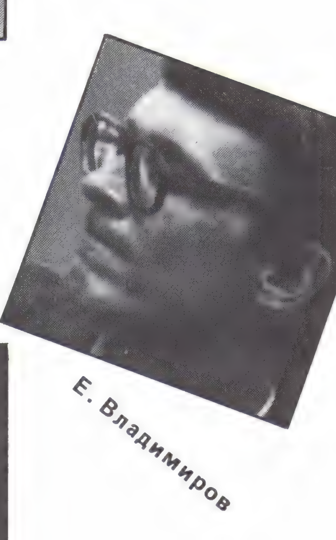

А. Никитин

Е. Владимиров

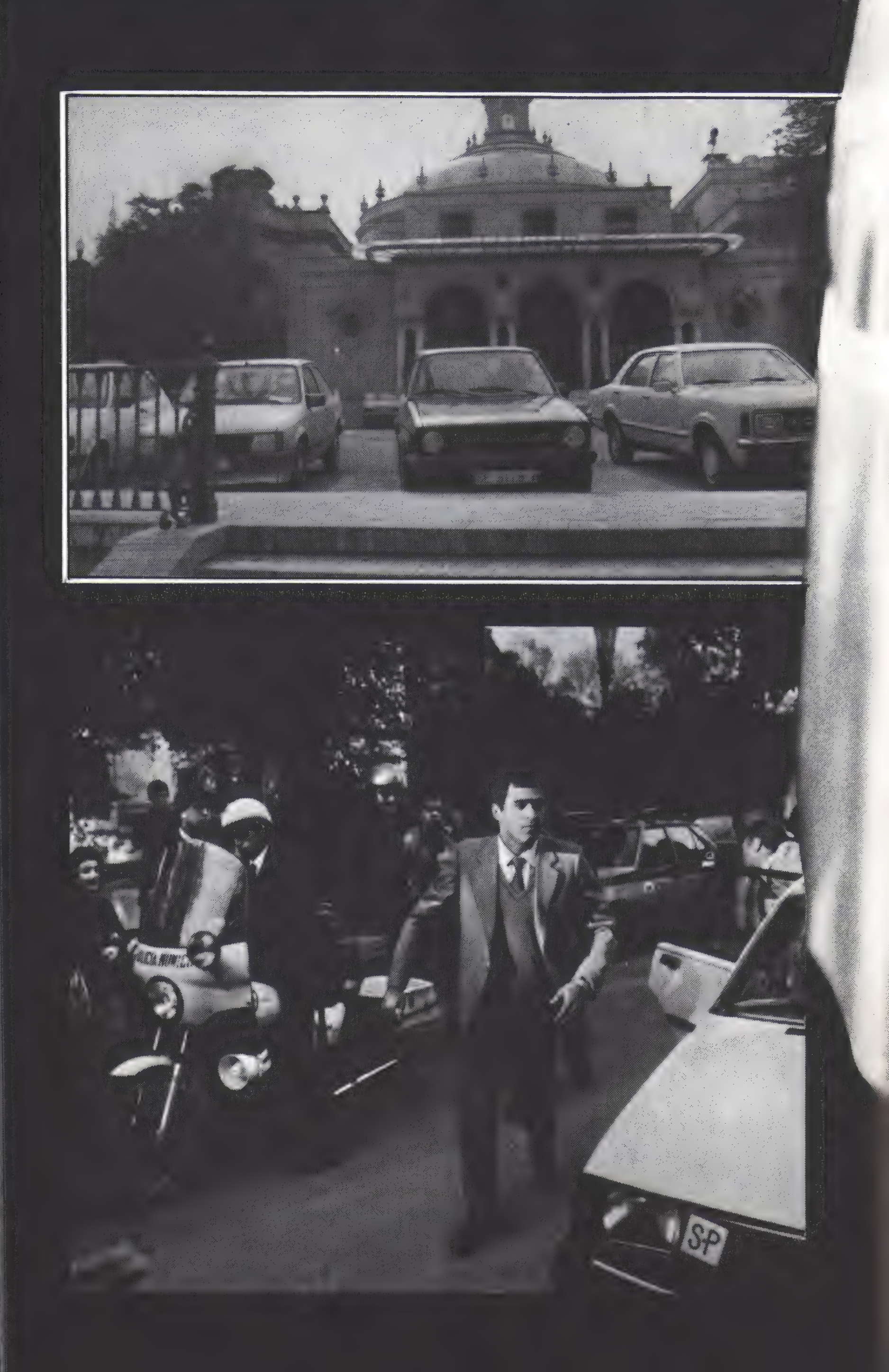
К.Ш. Каспарова

...ПАРОВ
А.КАРПОВ

1
2

МЕЖДУГОРОДНЫЙ
ТЕЛЕФОН
TRUNK CALLS
4

SP

EXPO'92

EL NUEVO INSTRUMENTO
DE DESARROLLO ECONOMICO
INSTITUTO DE FO
DE ANDALUCIA

EXPO'92
SEVILLA

Конец четвертого акта

Конец четвертого акта

Ю. ЗЕРЧАНИНОВ
БЕЗ РАЗРЯДА

А. АРКАНОВ
I РАЗРЯД

неприятности), взяв даже перед ней вовсе не обязательный тайм-аут. Но на сей раз кабалистическая карта оказалась «пиковой дамой» и показала чемпиону язык, после чего он в лучших традициях прежнего мальчика из начала своего первого матча в Колонном зале «сдул» шестнадцатую «счастливую» партию, вернув Карпову почти утраченные надежды. После этого перепугались, по-моему, оба и решили оставить по одному патрону на последние две партии. Может быть, так оно и было. Во всяком случае, с семнадцатой по двадцать вторую, точнее, не с семнадцатой, а с восемнадцатой, они пытались свести вероятность ошибок к минимуму, что и лишило эти партии полнокровной борьбы. Каспаров выцарапывал ничьи черным цветом и легко добывал их белым, предлагая ничьи сопернику, едва выйдя из дебюта, что Карпов благоразумно принимал. Семнадцатая партия стоит несколько особняком и, хотя закончилась вничью, помучила обоих. Мой друг Зерчанинов имел удовольствие наблюдать эту партию. Не буду отнимать у него хлеб...

Ю. З. Я вел дневник — записывал день за днем, как побывал в Севилье и что увидел там.

22 ноября. Летим в Мадрид. В нашей шахматной группе — комсомольские активисты Москвы, трое моих коллег и артист Москонцерта Валерий Пак со своей гитарой. Он рассчитывает поиграть и попеть для участников матча. Не убежден, что это ему удастся. Пытаюсь представить только, как Карпов и Каспаров затевают переговоры — ищут взаимоприемлемый зал в Севилье или в ее окрестностях, где могли бы сойтись, чтобы послушать Пака, как эти переговоры в конце концов заходят в тупик и вездесущий Кампоманес принимает волевое решение...

Знакомлюсь с мурманскими рыбаками. Из Мадрида они отправятся в Лас-Пальмас, на Канарские острова, чтобы сменить отработавшую свой срок команду зафрахтованного испанцами морозильного траулера «Острына». Рыбаки ведут себя в самолете непринужденно — кругом испанцы, но слышна лишь русская речь... Завидуют нам: «Погуляете, ребята, по Севилье. На Канарах про Севилью такие сказки рассказывают!» Шахматные разговоры не затевают. «Крабову и Кальмарову — пламенный привет!» — и все тут. Схлынула шахматная лихорадка. Со времени матча в Колонном зале наша жизнь резко переменилась — столько тем открылось

для споров и размышлений, что Каспаров и Карпов поступили, пожалуй, разумно, избрав для очередного выяснения своих отношений далекую Севилью.

А рыбаки до самого Мадрида возбужденно переговариваются, в креслах им не сидится... Узнаю, наконец, что им предстоит выйти в Атлантику... без старшего мастера по обработке рыбы. При оформлении его в загранплавание проскользнула опечатка — и уже в Москве, в Шереметьеве обнаружилось, что в его паспорте моряка и в судовой роли не совпадает одна цифра. Так, действительно, неужели для того, чтобы эту опечатку исправить, незаменимого на траулере человека надо было отрывать от команды и отсылать назад, в Мурманск? Когда он теперь догонит — на перекладных — свое судно в Атлантике? Ребята, распрощавшись со своим товарищем, до вылета в Мадрид успели сгонять на такси на Ваганьковское — к Высоцкому...

В полночь приземляемся в Мадриде.

23 ноября. В маленьком магазинчике близ шумной Гранд Виа за сто с небольшим песет (рубль с копейками) покупаю кошачьи консервы. Подарок для Лопы. (Помните, я рассказывал про кошечку, которой меня осчастливил Аршак Артемьевич?) Завтра буду в Севилье, на матче. Ни К. Л., ни Аршак Артемьевич, его собственный Кампоманес, там уже не объявятся, и придется мне вязнуть в сплошных шахматах. Но, покупая консервы для Лопы, я как бы испытывал, способен ли К. Л. распознать на расстоянии этот мой жест в его сторону? А вдруг отзовется...

Вечером в нашем скромном «Метрополе» (мадридский «Метрополь» не чета московскому, здесь есть отели и подороже) смотрю «Теледиарио-2» (вечерний теледневник). Программа закончится в десять минут десятого — за 20 минут до того, как в Севилье Каспаров и Карпов сыграют или отложат свою шестнадцатую партию. В предыдущих матчах эта партия была счастливой для Каспарова. Даже в Колонном зале он едва не выиграл ее. А на этот раз у него белые...

Ровно в девять узнаю, что в Севилье температура падала ночью до шести градусов, а днем повышалась до шестнадцати. А на Балеарских островах еще теплее... Но о **шахматной** погоде в Севилье, которой, как убеждает «Советский спорт», живут сегодня испанцы,— ни слова. В спортивных новостях, которые следуют тут после сводки погоды, вижу лишь гонку на верблюдах в каком-то арабском эмирате. Быстро бегают верблюды...

— В ночном выпуске покажут и шахматы,— говорит наш гид Артур.

— А кто смотреть будет?

— Кто не спит.

— Да там сыграли уже...

— Куда спешить? Приедем утром в Севилью, и все узнаешь.

Артур далек от шахмат и предпочел бы провести с нами всю неделю в Мадриде — гулять не спеша по городу, рассказывать, как жилось здесь при Франко и как живется теперь, и вспоминать, как он жил когда-то в Тарасовке, в детском доме для испанских детей, как учился в МИИТе, и расспрашивать, расспрашивать, как сейчас меняется жизнь в нашей стране и что каждый из нас лично хотел бы прежде всего изменить...

Он взялся работать с советской группой не денег ради, а чтобы поговорить, чтобы узнать все из первых рук. Да, он давно уже возвратился на родину, но вырос-то в нашей стране...

Поздно вечером садимся на поезд — проснемся уже в Севилье.

24 ноября. «Город Севилья — один из прекраснейших в мире: светлый, веселый, весь под сенью пальм и апельсиновых деревьев... Климат прелестнейший, лучший в Европе... Зимой почти нет дней без яркого, горячего солнца. Розы цветут круглый год. Жизнь полна оживлением, танцами, праздниками, жители жизнерадостны и веселы». Так представляет Севилью спутник туриста «Западная Европа», изданный в 1906 году в Москве под редакцией С. Н. Филиппова. Иного путеводителя, когда я собирался в Испанию, под руками не оказалось. Путешественника по Испании С. Н. Филиппов предостерегает — опасайся фальшивых монет, каждую серебряную или золотую монету обязательно пробуй на звук. Но ни серебряных, ни золотых монет у нас не имелось, да и фальшивомонетчики в Испании вроде бы перевелись (другое дело, что у нашего известного шахматного комментатора, побывавшего еще до меня в Севилье, наглый велосипедист выхватил сумку, но у нас никто и ничего из рук не выхватывал, хотя мы гуляли по Севилье и ночью). И ряду других советов С. Н. Филиппова (не пить местное пиво, а вино, подаваемое к обеду, разбавлять содовой) мы не следовали — бутылка воды в Севилье, кстати, дороже, чем литровый пакет столового вина. Но здешнюю сырую воду,

как и прежде, пить не стоит, да и климат, как и прежде, остается лучшим в Европе.

Утром, едва сходим с поезда, убеждаюсь, что и в конце ноября здесь и солнца в избытке, и розы благоухают, и деревья на привокзальной площади сплошь апельсиновые. И ждет нас отель «Параисо», что означает «Рай». Скромненький такой, но — рай.

Едем в экскурсионном автобусе по набережной Гвадалквивира, а слева и справа самая что ни на есть Севилья, глаза разбегаются.

Приостанавливаемся у пласа де Торос, где самые бесстрашные тореро Испании убивают своих быков, и только тут вспоминаю о нашей шахматной корриде: а как же шестнадцатая-то закончилась?

Водитель автобуса в курсе дела — партия отложена в выигрышном для Карпова положении...

(Я переписываю свой дневник набело, чтобы сдать на машинку, уже в Москве, в воскресенье, 13 декабря. Только что в еженедельном шахматном телеобозрении выступал Михаил Таль. Анализируя взаимные ошибки Карпова и Каспарова в двадцать первой партии и уж совсем бесцветную двадцать вторую, он говорил, что такой уровень игры двух ведущих шахматистов мира легко объясним — за три прошедших года они сыграли между собой уже более ста двадцати партий (?!). Вот закончится матч, и в ближайших турнирах каждый из них, он уверен, сразу себя реабилитирует. Таль остается Талем — не дипломатничает, не лукавит.)

В первом же киоске покупаю «Коррео де Андалусиа», самую читаемую местную газету. Двадцать третья страница целиком отдана шахматам — шестнадцатой партии.

Крупный, через всю полосу, заголовок: «Шестнадцатая партия отложена с преимуществом у Карпова». Гроссмейстер Фернандес, который комментировал в пресс-центре эту партию, полагает, что надежд на спасение у Каспарова не слишком много — у черных и пешкой больше, и фигуры расположены лучше.

Просматривая газету, выясняю с помощью Артура, чем живет Севилья, что происходит в городе помимо матча Каспарова и Карпова.

По решению суда национальные гвардейцы выдворили из пустующих домов в районе Гарсиа Лорка сорок семей, которые, не имея крова, вселились в эти дома.

Губернатор Андалусии и алькальд Севильи дали прием в

честь 739-й годовщины завоевания Севильи королем Сан-Фернандо.

На площади Кубы опознан с помощью фоторобота и арестован 28-летний Хуан Антонио, убивший недавно таксиста.

Провинция Андалусия вышла на первое место в стране по производству сельскохозяйственной продукции.

Ждет первых пациентов хирургический кабинет по вживлению волос по итало-шведскому методу.

Совет по образованию Андалусии задержал на два месяца зарплату двумстам сорока служащим.

В городе открылась традиционная национальная ярмарка старинной книги. Севилья на этой ярмарке представлена двадцатью двумя магазинами.

Анализ самого кровавого за последние годы в Испании сезона корриды, который отмечен гибелью и севильского тореро Пепе Луиса Варгаса. И снимок, сделанный в тот миг, когда бычок Рамос вонзает рог в Варгаса.

После обеда идем вчетвером на матч, хотя, надо думать, Каспаров сдаст партию без доигрывания. Из «Советского спорта» знаю, что для пресс-центра переоборудовано казино, расположенное под одной крышей с театром Лопе де Вега. Что ж, после шестнадцатой партии многие там поспешат сделать ставку на Карпова. Но я бы хотел дождаться исхода семнадцатой...

Выходим узкими улочками к кафедральному собору, в котором в позолоченном свинцовом гробу покоятся останки Христофора Колумба. И после своей кончины прославленный мореплаватель продолжал странствовать. Первоначально он покоился в севильском монастыре Санта Мария-де-лас-Куэвос, но в 1540 году, согласно последней воле Колумба, гроб был доставлен на открытый им остров Гаити и помещен в кафедральном соборе Санто-Доминго. В конце XVIII века испанцы уступили остров французам, но Колумба им не оставили — гроб был переправлен на другой открытый им остров, на Кубу, и установлен в стене кафедрального собора Гаваны. А в 1898 году, после того как испанцы расстались и с Кубой, останки Колумба возвратились в Севилью. Существует, однако, предположение, что Колумб и поныне покоится в Санто-Доминго, а в свое время в спешке испанцы переправили на Кубу гроб с останками сына Колумба — Диего.

Колумб, или, как говорят испанцы, Колон, сейчас вновь в

центре внимания. В 1992 году исполняется 500 лет со дня открытия им Америки, и в Севилье по этому случаю состоится Всемирная выставка «Экспо-92». И можно спорить, где покоится прах Колумба, но нет двух мнений, что во имя рекламы предстоящей выставки Севилья и вызвалась провести матч Каспарова с Карповым.

Севильские книготорговцы предлагают шахматную литературу. Заходим в один магазин — и глаза разбегаются. Вспоминаю, какие очереди выстраивались у книжных киосков в Колонном зале и в зале Чайковского в дни предыдущих матчей, когда появлялась хоть одна стоящая шахматная книга... Хозяин магазина не может скрыть огорчения, что мы не покупаем не только прекрасно изданных Алехина и Фишера, но и новую книгу Каспарова «Дитя перемен»... Но книги — на испанском и к тому же стоят немалых — особенно если учесть наш скромный туристский бюджет — денег.

В казино узнаем, что Каспаров действительно сдал партию без доигрывания.

Покупаю плакат матча с символикой древней Севильи и эмблемой «Экспо-92». Умаляет ли это престиж матча? На мой взгляд, нисколько. Как бы ни похвалялся Кампоманес своими успехами в поголовной шахматизации всех стран и народов, шахматы — лишь игра, увлекательная, но игра. Представим только, что Христофор Колумб, который, как свидетельствуют историки, не сторонился шахмат, так увлекся бы этой игрой, что не нашел бы времени, чтобы всерьез заняться своим главным делом — открытием Америки...

Вечером знакомлюсь с респектабельным, вальяжным Карлосом де Кардова и де Леон-Сотело — архитектором и дизайнером, которому принадлежит оформление матча. Беседуем в баре за чашечкой крепчайшего кофе.

— Вы любите шахматы?

— Я люблю Севилью.

— Это ваша идея, чтобы Каспаров и Карпов играли ладьями, которые походят на Золотую башню Севильи?

— Да, и я буду счастлив, если последний ход в матче будет сделан ладьей.

25 ноября. Сегодня семнадцатая партия. Идем на игру уже знакомыми улочками. Ближе к центру стены все гуще исписаны лозунгами и призывами. Режим Франко пал, но политическая борьба в стране не стихает. И королю достается. На одной из стен читаю: «Хуан Карлос — русский». И фашистский знак — вместо подписи. А в Мадриде даже

памятник Сервантесу исписан, а осла, на котором восседает Санчо Панса, облюбовали для своих ярых ниспровержений анархисты.

Лишний билетик, как это было на прошлых матчах в Москве и Ленинграде, у театра никто не спрашивает... Начало партии смотрю в пресс-центре, на мониторе. Вот Карпов выходит на сцену, делает первый ход, так и не дождавшись соперника, и удаляется за кулисы. Только теперь выходит Каспаров и усаживается за столик. Мои разноязычные коллеги затевают спор: обменяются ли сегодня соперники рукопожатием? Испанское телевидение постоянно берет интервью и у Каспарова и у Карпова, и все здесь привыкли, что они очень жестко высказываются друг о друге. Но испанцы, с которыми я успел познакомиться, говорят, что этим и тот, и другой лишь располагают к себе. Хуже было бы, если бы два человека, которые уже не один год так безжалостно соперничают, делали вид, что они друзья-приятели. На сцене, однако, за шахматной доской, они продолжают держаться безукоризненно. Вот и теперь, когда Каспаров записывает ответный ход, Карпов подходит к столику, Каспаров приподнимается, и они обмениваются рукопожатием.

Иду в зал. Хрусталь. Бархат. Таинственный полумрак лож. На заднике сцены, прямо за шахматным столиком, огромная эмблема «Экспо-92». В полупустом зале Карпов делает очередной ход.

Вспоминаю, что утром читал в «Коррео» о том, что в Севилью прибыл, чтобы комментировать матч, «великий маэстро» Михаил Таль. Ну конечно же зрители перебрались в казино — ждут Таля. Зал казино радиофицирован, но я обойдусь без наушников. И так пойму, встав поближе к сцене, что говорит Таль. Он появляется в сопровождении переводчицы. Именно такой, как эта Лола, представляешь, живя в Москве, трепетную испанку. Но у нее растерянный вид. Может, не идеально владеет русским? Тут слышу, как они переговариваются. «Я буду вас переспрашивать, чтобы не сказать глупость»,— говорит она с нежданным московским «акцентом». «Это я могу ляпнуть глупость, а вы умница, Лолочка»,— ободряет ее Таль. Она смотрит на него с признательностью.

Семнадцатая партия должна была дать ответ, не дрогнул ли Каспаров после чувствительного поражения в шестнадцатой. Зарвался, спеша решить судьбу матча, и вот — счет

сравнялся. Хватит ли у Каспарова сил, чтобы удержать хотя бы ничейный счет? Или Карпов дождется его очередной ошибки, а сам ухитрится больше не ошибаться?

Предельно осторожную игру, которая происходила на главной сцене, Таль комментировал феерически — находил и за белых и за черных непредсказуемые продолжения и столь же изобретательно опровергал любой вариант. Пока те двое «отрабатывали» по долгу службы очередную партию, неувядаемый импровизатор щедро делился с нами своим шахматным даром. А когда Лола была не в силах угнаться за Талем и переспрашивала его, он, к удовольствию зрителей, подбрасывал ей нужное испанское слово...

Каспаров в этой партии устоял. Партия отложена, но, по мнению Таля, да и по общему мнению, при доигрывании она быстро завершится вничью.

Таль знакомит меня с Лолой. Узнаю, что она родилась и выросла в Москве — на Соколе, а когда окончила школу, родители решили наконец возвратиться в Испанию. Сейчас учится в Мадридском университете и подрабатывает переводами с русского. В Севилью приехала с телевидением.

— Здесь был Борис Спасский,— рассказывает Лола,— и он сказал мне, что надо иметь душу убийцы, чтобы стать чемпионом мира...

— Москву вспоминаете?

— В Москве остался мой двор, мои качели...

Я ухожу уже, когда она спрашивает:

— А сочинения по книгам Брежнева десятиклассники уже не пишут?

— Уже не пишут.

Вот какие разговоры вел я сегодня на шахматном матче в испанском городе Севилья.

26 ноября. Полночь. Вся наша группа засиделась в комнате у девочек — Пак играет и на гитаре, и на губной гармошке... Валера болеет за Каспарова, но не смог связаться с ним. И я не смог помочь ему — не увидел в театре никого из команды Каспарова. Тогда он договорился, что сегодня вечером поедет к Карпову. Но после доигрывания семнадцатой партии ему передали от Карпова, что выступление отменяется и машина за ним не придет...

Только что посмотрел ночной теледневник. Показали Каспарова, который так радовался, словно выиграл партию, которая при доигрывании быстро завершилась вничью. А радовался тому, что Карпов не увидел сильнейшее продол-

жение, да он и сам обнаружил, что отложенная позиция не столь безобидна, лишь в последний момент, собираясь уже на доигрывание, и опоздал к началу на 15 минут — искал защиту. Долго пришлось бы ему защищаться, быть может не один вечер, если бы Карпов был прозорливее...

Я присутствовал при доигрывании. Расскажу по порядку, как это было.

За полчаса до начала доигрывания в пресс-центре царило благодушное настроение. Обсуждался киносюжет андалусского телевидения, показанный утром по местному каналу и посвященный Наташе, жене Карпова. Ее снимали и на улицах Севильи, и у гадалки снимали, которая внушала ей, что карты сулят ее мужу скорый успех... Интересно, сколько песет стоил этот прогноз? Во всяком случае, никто не ждал, что предстоящее доигрывание грозит нарушить установившееся в матче равновесие. Даже сравнивали эту партию с пятнадцатой, где в абсолютно ничейной позиции Карпов записал свой секретный ход, а на следующий день предложил через главного судью ничью, но чуть позже, чем положено, а Каспаров, не дождавшись звонка, пошел погулять. Возвратившись домой, он лег спать и просил его разбудить лишь перед самым доигрыванием. В конце концов они оба приехали на доигрывание, но на сцену не вышли — сидели в своих комнатах, пока Карпов вновь не предложил ничью. И оба поспешили дать интервью телевидению, чтобы высказать взаимные упреки... Каспаров говорил тогда: «Удивлен, что битая ничья, а он записал ход...» И кто-то из испанских журналистов высказал мнение, что, не случись этой истории, Карпов бы сегодня утром наверняка предложил ничью.

Но тут в пресс-центре появился Таль и сказал: «А позиция-то не столь проста». И показал ход, который он видит у белых... Многие бросились к телефонам, передавая в свои редакции поправки: лишь доигрывание, дескать, покажет...

Ровно в половине пятого на сцене появился Карпов и сделал записанный вчера ход, но это был не тот ход, который показал нам Таль. А Каспаров опаздывал. Карпов посидел минут пять за столиком, ожидая его, а потом поднялся и ушел в свою комнату. Прошло еще пять минут, но чемпиона мира по-прежнему не было. Каспаров опоздал на 15 минут, и я наблюдал, как, выскочив из машины и никого не видя вокруг, он устремился к своей «черной» двери

(спеша на партию, Каспаров и Карпов не могли столкнуться в дверях — был вход для игравшего белыми и вход для игравшего черными). Я видел — на экране монитора — и как, едва появившись на сцене, он бросил взгляд на демонстрационную доску и уже спокойно направился к столику. Вышел из-за кулис и Карпов, они сделали по четыре хода и согласились на ничью.

А в казино вышел на свою сцену Таль в сопровождении Лолы и начал рассказывать, как за обедом в ресторане отеля «Севилья» он встретился с Ульфом Андерссоном и тот озадачил его, сказав, что, кажется, нашел за Карпова продолжение с переходом в малоприятный для Каспарова ферзевый эндшпиль. За те минуты, пока они шли от «Севильи» до театра, Таль «проиграл» в уме различные варианты этого эндшпиля, которого Каспаров уже избежал, но который он и хотел бы показать собравшимся.

Невдалеке от демонстрационной доски стоял монитор, и вдруг я увидел, что отложенная позиция восстановилась на экране и электронные фигуры с непостижимой скоростью забегали по доске. Оказывается, и Каспаров решил показать Карпову, мимо какого продолжения тот прошел. Со времен матча в Колонном зале Каспаров «закрылся» и подобный совместный анализ сыгранных партий не затевал. Но мне представляется, что на этот раз он просто хотел доказать сопернику, что видит дальше его... Как бы то ни было, но Карпов поспешил вскоре уехать, а счастливый Каспаров не мог дождаться, пока гримерша и парикмахер приведут его в телегеничный вид — так он рвался дать интервью, о котором уже рассказано.

А Таль тем временем показывал свои варианты этого эндшпиля. Пешки у него проходили в ферзи, и черные были обречены искать каждый раз единственный спасительный ход, но они... этот ход находили. Какой-то пылкий зритель выскочил к демонстрационной доске и пытался опровергнуть Таля, но силы были не равны...

— Равновесие сохраняется, напряжение возрастает,— закончил свой комментарий Таль.

Ему аплодировали. Кто, кроме Таля, заслужил в этот вечер аплодисменты?

Карпов, наверное, завтра возьмет тайм-аут, и следующую партию увидеть уже не придется. Что ж, буду сохранять равновесие.

А Пак еще играет на гитаре.

27 ноября. Карпов берет тайм-аут, и вечером вместе с Петей Спектором из «Московского комсомольца» прихожу в казино, чтобы поболтать с Леонче Гарсия. Этот бритоголовый баск из мадридского «Паиса» не пропустил ни одной встречи Каспарова с Карповым. Куда они, туда и он со своей машинкой. На той злополучной пресс-конференции Кампоманеса в гостинице «Спорт» мы, помню, сидели рядом. Президент ФИДЕ говорил тогда, что крайне обеспокоен здоровьем обоих участников матча, но сделал с тех пор все возможное, чтобы здоровья им не прибавилось...

— Четвертый год бодаются,— говорит Леонче.

— Коррида,— говорит Петя.

— Хочешь, я попрошу его сравнить этот матч с боем быков? — предлагает Лола.

— Он сравнил уже,— говорю я.

— Наше телевидение будет делать передачу «Шахматы и коррида». Леонче вроде бы в ней участвует.

— Раз матч в Севилье, то это сравнение кажется банальным,— говорит он,— но, согласитесь, разве члены команд участников матча не походят на помощников тореро? Готовят очередную партию, как те — быка... И как тореро нуждаются в быке, так и Каспаров и Карпов друг в друге нуждаются, хотя этот матч — чисто шахматно — менее интересен, конечно, чем третий, а тем более второй.

Леонче высказывает предположение, что, то и дело «обмениваясь оплеухами» на телеэкране, участники матча не только дают выход своим эмоциям, но и «работают» как истинные профессионалы на зрителя. Признаюсь, что тоже думал об этом...

Возвращаемся в свой «Рай» по набережной Гвадалквивира. На набережной пустынно, с реки тянет прохладой, но где-то, на том берегу, громко играет духовой оркестр. В моем «Спутнике туриста» указывается, что «по другую сторону Гвадалквивира, через мост Изабеллы II, находится предместье Триана, населенное почти сплошь цыганами (gitanos). В этом предместье — цыганские представления, на которые женщинам ходить не следует. Представления эти состоят из танцев и пения чересчур восточного характера». С тех пор минуло 80 лет, и другой берег уже не выглядит цыганским предместьем. Но этот оркестр... И, поравнявшись с мостом Изабеллы II, мы решительно направляемся на другой берег.

Трубачей и яростного барабанщика видим, еще не сойдя с моста. Близ берега на небольшой площадке, замкнутой

глухими стенами, они стоят в два ряда и дуют в свои трубы, повинуясь ритму, заданному барабанщиком. Для кого играют они? Разве что сверху, с моста, мы с Петей глазеем на них.

Было уже часов десять. Среди редких прохожих любители духового оркестра не обнаруживались. А может, в такой час и не следовало задерживаться на мосту? Человек же, который наконец, как и мы, заинтересовался этой музыкой, имел вид столь диковинный, что мы с Петей переглянулись — ладно, постоим еще... Седобородый сеньор с впечатляющим орлиным профилем даже своим костюмом (широкополая шляпа и черный плащ до пят — в бесчисленных складках и с пышными рукавами) походил на персонаж то ли Шекспира, то ли Лопе де Вега. Он был и при шпаге, и шпага эта походила на подлинный музейный экспонат. В Москве, на Крымском мосту, такого человека ни днем, ни ночью не встретишь...

В который раз за эти дни сожалею, что не знаю испанского языка. Но чтобы такой человек не владел английским? Ну хотя бы как я... И, тщательно подбирая английские слова, я спрашиваю: не может ли он что-либо сказать нам об этом оркестре?

— Могу,— отвечает он по-русски.

— Вот так история! — восклицает Петя.

Он говорит медленно, словно вслушиваясь в каждое произнесенное слово — чисто ли, без акцента звучит? Не стоило труда угадать, что он давно не говорил по-русски и теперь как жажду утоляет, но не хочет и в грязь лицом ударить. Он рассказывает, что уже много веков Севилья славится празднованием страстной недели. Семана Санта — так будет по-испански — начинается в кафедральном соборе, где архиепископ освещает «вербы» — ветки пальм и оливковых деревьев. И праздник выплескивается на улицы, по которым идут процессии с изображениями святых. Уличное действо — венец праздника: члены братства в масках, молодые девушки — в белом... И музыканты, музыканты... Вот и этот оркестр, оказывается, уже готовится к страстной неделе, а поздняя репетиция — потому что днем музыканты работают. А на улице репетируют потому, что сам праздник уличный...

— Мы из Москвы,— говорит Петя.— Писать о шахматном матче приехали.

— Я полон глубокой признательности чемпиону мира и претенденту,— говорит наш новый знакомый.—

Поговаривают, что они решили играть в Севилье потому, что наш город предложил призовой фонд в два миллиона восемьсот тысяч швейцарских франков. Люди склонны искать корысть и в высоких помыслах. Сам Кристобаль Колон знал, как всесильно золото, он говорил, что даже падшие души золото может приводить в рай. Но кто первый пересек на своих каравеллах Атлантический океан и открыл Новый Свет? Великий мореплаватель Кристобаль Колон. Я убежден, что и Каспаров и Карпов избрали для своего матча Севилью, чтя память о подвиге Кристобаля Колона. Природа наделила меня внешним сходством с Колоном, и я теперь вопрошаю сограждан: храним ли в вашей памяти облик великого адмирала? Увы, Колон был не властителем мира, а лишь первооткрывателем. Но справедливо ли — помнить, как выглядел Наполеон, и не узнавать Колона?

Казалось, что этот упрек адресован и нам с Петей. И я сказал:

— Поймите, мы вас сочли поначалу не более чем забавным чудаком. Но обещаю вам — я обязательно напишу, как однажды вечером нам явился в Севилье Колумб.

— Напишите о Колоне, а я известности не ищу. В данном случае я — никто или, скажем так, не более чем материализованная память.

Мы представляемся, и дон Христофор (я принял правила его игры) говорит, что у него есть друг в Мадриде, который много лет выписывает «Юность» и присылает ему самые интересные номера, а вот «Московский комсомолец» он не держал в руках с 1956 года, когда на теплоходе «Иван Франко» с первой группой тех повзрослевших испанских детей, нашедших в конце тридцатых годов в Советском Союзе свой дом, возвратился в Испанию.

— Когда мы приплыли в Испанию,— улыбаясь вспоминает он,— название нашего корабля ошарашило моих соотечественников: Франкó — не Фрáнко, но каждому не объяснишь, на каком слоге делать ударение...

Оркестр завершает репетицию, и музыканты укладывают трубы в черные кожаные футляры. Дон Христофор вызывается проводить нас и, когда уже подходим к нашему отелю, вспоминает, как к нему попала «Юность» с рассказом о первом матче Каспарова с Карповым и его крайне заинтересовал большеголовый математик, который имел смелость дать немыслимый прогноз этого матча, а когда его прогноз начал сбываться — матч был прерван...

Даю знак Пете, чтобы не открывал мое авторство, и спрашиваю у дона Христофора, чем все же так заинтересовал его этот большеголовый математик.

— В начале пятидесятых годов я жил в Москве на Чистых прудах,— рассказывает он.— И однажды, в конце ноября, когда мальчишки носились как очумелые по первому льду, пробуя, крепок ли он, я помог выбраться на берег одному хорошо искупавшемуся смельчаку. Бежать домой, где его ждала строгая бабушка, он не решался, и мы отправились ко мне. Пока сушилась его одежда, этот щупленький головастик легко запомнил добрую сотню испанских слов. Головастик был типичным вундеркиндом. Знать бы, как сложилась его судьба? Но, читая «Юность», я тотчас вспомнил о нем. Неужто Большеголовый — мой повзрослевший головастик? Он называет себя К. Л. И тот испытатель крепости льда, когда я спросил его: «Как тебя зовут?»,— повеселил меня, помню, с немалой важностью ответив, что первая буква его имени стоит в алфавите десятой, а первая буква отчества с ней соседствует, а лет ему уже не десять, но и еще и не одиннадцать. Подумайте только — уже К. Л., хотя и маленький...

Вот и «всплыл» К. Л. в Севилье! И, слегка ударяясь в мистику, хвалю себя за то, что купил в Мадриде консервы для кошки.

— Оставьте в память о нашей встрече мне автограф,— обратился к дону Христофору Петя.

И тот воскликнул:

— Хочу, чтоб вы знали: Колон был убежден, что руководим провидением. Убежденность эта зашифрована и в его подписи, которую я вам охотно дарю.

И нарисовал в Петином блокноте замысловатую криптограмму:

S
SAS
XMY
XpoFERENS *

28 ноября. Любой — даже самый прекрасный — город остается чужим, коли нет в нем дома, где тебе будут рады, если когда-нибудь в этот город ты возвратишься. У нас с Петей

* В Москве я выяснил, что за прошедшие века колумбоведы дали этой подписи уже десятки взаимоисключающих толкований.

теперь есть такой дом в Севилье — это дом Изабель, подруги Лолы.

Началось с того, что в этот последний наш день в Севилье Петя захотел взять интервью у Маноло — у того севильского цирюльника, который приводил в порядок головы Каспарова и Карпова, прежде чем они появлялись на телеэкране. И Лола сказала:

— Пообедаем у Изабель. А к ней придет и Маноло.

Монтень писал, что всячески избегает игры в шахматы «именно за то, что она недостаточно игра и захватывает нас слишком всерьез». Вот и мы этот субботний день провели вне шахмат (разве что Маноло дал меткие характеристики и Каспарову и Карпову, рассказав, как каждый из них ведет себя перед зеркалом, да Изабель спросила, как в свете гласности у нас оценивается понятие престижа — не в духовной сфере, а в материальной...).

Шахматы шахматами, но стоило поехать в Севилью, чтобы провести день в этом доме, где было много музыки, цветов и не стихал спор (словно в доме московских друзей), что́ надо делать, чтобы жить не так, как вчера!..

А «Коррео» в этот день сообщала вот что.

Из машины, принадлежащей медицинской лаборатории, похищено семь трубок с антителами СПИДа. Полиция призывает воров проявить осторожность в обращении с трубками.

Специальная комиссия по проблемам строительства метрополитена в Севилье после шестичасового заседания приняла решение закончить строительство к Международной выставке 1992 года. Решение подписали представители трех оппозиционных партий вопреки мнению социалистов, которые предлагают начать строительство по завершении выставки.

Испанское телевидение начинает показ многосерийного фильма Хуана Антонио Бардема «Лорка, смерть поэта», многие сцены которого снимались в Севилье. Газета считает спорным назначение на роль Лорки английского актера Николса Грейса.

А. А. И вот позади двадцать две партии, три матча и три года. Счет 11:11. Использованы все тайм-ауты. У каждого по одному белому цвету и трезвое понимание того, что следующая их встреча на таком уровне если состоится, то еще через три года, и именно эти две партии решат, кто в каком звании эти три года проживет...

Не ждите от меня анализа этих двух партий. К тому времени, как наша книга выйдет (стучу по дереву), я уверен, появятся десятки подробнейших и высококвалифицированных разборов этих двух партий, в которых авторы, подобно патологоанатомам, обнаружат причины и ошибки, которые оказались роковыми сначала для одного, а потом для другого пациента. Я не случайно и не для красного словца употребляю слово «пациент». Не сомневаюсь, что и биологически и психологически и Каспаров и Карпов перед этими двумя партиями пребывали в состоянии «без пяти минут пациентов». Я в очередной раз поражен, каким невероятным энергетическим потенциалом обладает человек, и не могу осознать, какой источник энергии этот потенциал поддерживает?!

В интервью перед двадцать третьей партией Карпов сказал, что имеет психологическое преимущество, что Каспаров его боится, потому что понимает: ничейный счет после двадцати двух партий следует считать для себя подарком (экс-чемпион имел в виду одиннадцатую партию, в которой зевнул Каспарову качество), иначе преимущество Карпова было бы не только психологическим, но и «материальным»...

Я думаю, не следует в подобных ситуациях прибегать к сослагательному наклонению и рассуждать на тему, что было бы, если бы... Не следует подсчитывать количество «подарков», сделанных друг другу: каждый будет считать, что сделал таких «подарков» больше, и будет по-своему прав, тем более что процент ошибок в этом матче был слишком велик. Не стоит ли разобраться в причинах этих ошибок? Что такое 120 партий, сыгранных между собой двумя шахматистами? Даже если за всю шахматную карьеру двое сыграют 50 или 60 партий, то это тоже безумно много. Партнеры притираются друг к другу, обнажаются психологически, по взгляду, по посадке за столиком, по нюансам записывания только что сделанного противником хода они улавливают реакцию на этот ход, убеждаются в правильности или в непоправимой ошибочности этого хода... Уже не удивить им друг друга дебютным построением, блефом-жертвой или видимостью угрожающего позиционного преимущества. И каждая следующая партия воспринимается как обязательная программа, как мучительная работа, а иногда как пытка. И творческое начало уже отступает на второй план, оттесненное волей, энергией, эмоциями, личностью соперника. И шахматы из цели превращаются в средство, с

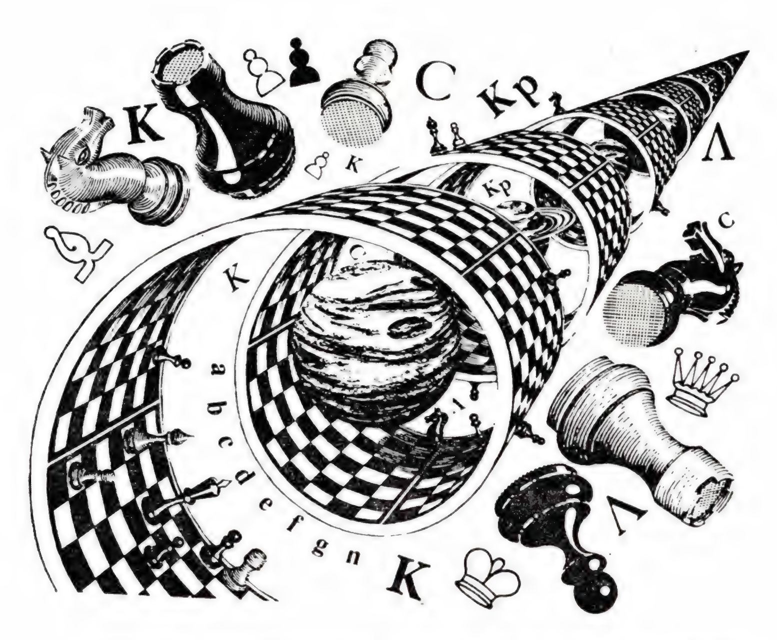
помощью которого можно доказать свое личное превосходство. И если это играют два друга, то им нечего доказывать свою силу — они «отбывают номер» и играют вничью... Все сказанное в гипертрофированном виде относится сегодня к Каспарову и Карпову, которые не за всю жизнь, а за три года сыграли 120, а не 50 партий, у которых честолюбивые амбиции доведены до предела, а взаимоотношения их дошли до крайней степени непримиримости, что, к сожалению, подогревалось людьми, далёкими не только от шахмат, но и от спорта вообще, и диктовалось совсем не спортивными соображениями... Но на сколько эти факторы снизили шахматный уровень поединка, на столько они повысили напряжение драматургического конфликта между двумя героями многоактной драмы. При этом давайте все-таки скажем сами себе: играли эту драму не двое выскочек, приготовишек, случайно получивших главные роли, а два безусловно великих шахматиста XX века, которые знают про шахматы все и даже больше, чем все... Так стоит ли нам так уж сетовать на низкий уровень матча? Не снобизм ли это с нашей стороны?..

Нельзя забыть лицо Каспарова, проигравшего одним промежуточным ходом, ходом, стоявшим при домашнем анализе у него на доске и выпавшим из памяти непостижимым образом! И это в двадцать третьей партии, когда Карпов вышел вперед и оставил чемпиону возможность доказать, что он чемпион, выигрышем «заказной» партии!

Никогда не забудется и заключительная позиция черных в последней партии, в которой их фигуры просто задохнулись от недостатка воздуха. «Цугцванг,— сказал про эту позицию Юрий Разуваев,— это невозможность играющего передать свою энергию деревянным фигуркам».

Трехлетняя эпопея закончилась. Я не знаю, что испытывали при этом Каспаров и Карпов, но я чувствовал себя бесконечно уставшим, психологически вымотанным и сказал себе: о шахматах больше ни слова. Это очень тяжелое удовольствие.

...В субботу 19 декабря 1987 года через несколько часов после того, как на экранах телевизоров появилась надпись: «Белые выиграли», один из друзей Каспарова — международный гроссмейстер Михаил Гуревич — дозвонился в Севилью до трехкратного чемпиона мира. «Кимович! — сказал Миша.— Ты всех нас едва не сделал заиками...». «Передай всем друзьям,— ответил веселый Кимович,— что я извиняюсь перед ними за первые двадцать три партии...».

Возможно, что Анатолий Карпов на встрече со своими поклонниками тоже принесет аналогичные «извинения»... Не знаю. Но думаю, что никакие извинения не нужны. Два титана бились до последнего и за доской и вне ее, и никто из них не сдался... Ваши извинения, Гарри Кимович и Анатолий Евгеньевич, оставьте при себе и примите наши восхищение и благодарность!

...Есть мнение, что в 1990 году они снова столкнутся. Может быть, да, а может быть, и нет. Уверен в одном — в 1990 году матч Каспарова с Карповым или с кем-то другим будет нормальным шахматным поединком, и уровень его может быть более высоким, но такого яростного трехлетия мне, думаю, увидеть уже не придется... И еще. Противники непримиримы до тех пор, пока не становятся мудрыми. Мудрость наступает тогда, когда человек реально начинает оценивать свое значение в жизни, когда он выбирает свой максимум, когда прошлого у него значительно больше, чем будущего... Каспаров не знает, сколько сейчас лет четырнадцатому чемпиону мира. 15? 10? 5?.. Во всяком случае, вероятно, что он уже родился, хотя и не ведает еще о своем предназначении. Но он придет. Он не может не прийти. И после его прихода (мне почему-то так кажется) бывшие

непримиримые враги сблизятся, поставят на стол «серебряную кошку» и в исповедальной беседе принесут друг другу свои извинения. Им найдется что сказать на эту тему... А торжествовать будет Четырнадцатый. И они станут критиковать его или восхищаться им, и никуда не денутся, потому что, в конце концов, своими партиями, своей непримиримостью, своими... (впрочем, они уже извинятся друг перед другом), своей жизнью они сами строили ему пьедестал... Однако не исключено, что сближение произойдет и несколько раньше.

Ю. З. На фоне последнего матча то и дело возникала неясная фигура новоявленного предсказателя Тофика Дадашева. Перед началом матча он заявил, что, лишь следуя его советам, Каспаров сделался чемпионом мира, а после шестнадцатой партии в интервью западногерманскому «Шпигелю» сообщил, что на этот раз дал три совета Карпову, которые помогут ему победить Каспарова, и что пока все идет по плану...

Согласитесь, что наш К. Л. и проницательнее этого предсказателя и бескорыстнее.

А. А. В один из последних дней декабря 1987 года я поехал к приятелю на квартиру, полученную им в результате обмена. Он попросил меня помочь расставить мебель, которую в тот день должны были перевезти из старой квартиры. Неделю назад он сделал соответствующую заявку в «Мострансагентстве». Мы сидели на двух табуретках в пустой кухне и пили кофе в ожидании автофургона с мебелью... Уже темнело, когда в дверь позвонили... Старинный тяжелый буфет втащили в прихожую на лямках двое мужчин в комбинезонах. Один из них, богатырского телосложения, снял с головы ушанку и подмигнул мне. Я увидел его «борцовские» уши и сразу узнал «борца», поверженного дворником в прыгскокинге с помощью «рогатого Сальери». Вторым оказался Константин Леонидович. У меня отвисла челюсть от неожиданности, а он бросил мне торопливо, так, словно мы и не расставались:

— Сейчас перетаскаем и поговорим!

— Вы знакомы? — спросил мой приятель.

— Чуть-чуть, — ответил я.

...Мы стояли с Большеголовым на лестничной площадке.

— Похоже, я вас опять удивил? — сказал он, отирая платком пот со лба.

— Во всяком случае, не думал увидеть вас в таких обстоятельствах.

— Обстоятельства мы создаем себе сами,— улыбнулся он.

— Таким образом, получается,— я смотрел на него с большим интересом,— что вы все это время блефовали? Блефовали в первом матче, во втором... Вы же взяли счет 13:11 из матча Алехин — Капабланка?

— Вы по-прежнему догадливы,— произнес он не без удовольствия после небольшой паузы.— Я действительно блефовал, но... только в одном смысле: мне хотелось, чтобы все было именно так, и мне в высшей степени приятно, потому что я выиграл...

— Но могли же и проиграть...

— В окончательном итоге не мог. В тех матчах не мог. Я был убежден... хотел... Я мог не выиграть в деталях, в счете... Но от этого неприятно было бы только мне... А так я взбудоражил многих!.. Вы знаете, что самое замечательное? Думать в одиночку, а не вместе со всеми... И я победил! И мне не скучно! Я стал теперь выше ростом! Незадолго до первого матча я познакомился с женщиной. Ваш друг Зерчанинов видел ее. Так вот, я никак не мог убедить ее в том, что она станет моей женой и у нас будет двое детей... Я ей говорил, что хочу этого и ясно вижу... Вижу так же ясно, как и то, что Каспаров в итоге станет чемпионом. И когда я победил, ей уже некуда было деться... Один ребенок у нас уже есть, и это так прекрасно!*

Он засмеялся, и видно было, что ему действительно прекрасно.

— А откуда вы взяли 5:5 и 52 партии в первом матче? — спросил я.

— Тогда, если честно, я и вправду не знал, кто из них выиграет. Не чувствовал, не видел... Не было...

— Эманации информативного поля?

— Если вы настаиваете, то пусть будет так,— улыбнулся

---

* После того как Арканов привел эти признания нашего героя, я счел необходимым — деликатности ради — изменить имя матери его ребенка. Ее имя действительно начинается на «К», и действительно у нее довольно редкое имя, но все же она не Карина ... (Ю. З.)

он и продолжил: — Поэтому и возник счет 5:5... А 52 партии?.. Вот откуда — оба проигрывают редко. Для того чтобы проиграть пять партий, нужна большая дистанция... Сто? Восемьдесят? Перебор. Малореально... Тридцать? Сорок? Маловато... Пятьдесят? Банальное число... Человека можно убедить только конкретностью. Вы же литератор, и прекрасно это знаете. Если вы написали: «По улице шел человек», то эта фраза в принципе не несет почти никакой информации, не привлекает моего внимания, а потому я ее скоро забуду. Но если вы пишете: «По Малой Дмитровке шел бухгалтер», то вы меня уже цепляете некоей конкретной информацией. В моем сознании возникает определенный образ бухгалтера, и я понимаю, что дело было еще до переименования Малой Дмитровки в улицу Чехова... А конкретная информация всегда внушает доверие... Сначала я решил, что число сыгранных партий будет четным...

— На каком основании?

— На основании простой справедливости — просто было бы правильно, чтобы они сыграли равное число партий белым цветом. А потом я закрыл глаза, расслабился и стал произносить вслух... «Пятьдесят два, пятьдесят четыре, пятьдесят шесть пятьдесят восемь...» Число «52» вызвало у меня ощущение комфорта. Я повторил — то же самое... Это не объяснить словами. Это надо чувствовать. И я остановился на этом числе, и постоянно думал о нем. Оно стало для меня доминантой и, в конце концов, само собой разумеющимся... Оставалось дело за малым. Признаюсь, при счете 5:0 мне было кисло... Но после сорок восьмой полегчало... А решение Кампоманеса меня лично обрадовало, и я решил продолжить игру...

— Не шибко научно,— усмехнулся я.

— Не научно, зато не скучно! — сказал он, произнеся «скучно», а не «скушно».— И не обижайтесь на меня... Просто когда вокруг чего-либо не очень-то глобального начинают кипеть страсти, споры, включается наука, втягиваются ЭВМ, психологи, телепаты, появляются крупные специалисты и т. д., я вспоминаю известную сказочку про курочку Рябу, и мне чертовски хочется стать той самой мышкой, которая прибежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось... Я рад, что вы оказались той курочкой, которая склевала подброшенное мною зернышко...

— Выходит, Аршак Артемьевич, прыгскокинг — это тоже ваши «зернышки»?

— Аршак Артемьевич — святой человек, и его легенда очень серьезна... Что же касается прыгскокинга, то вы в нужный момент не поддержали нас... Или не захотели, или не смогли, не знаю. Нас снесли, и поезд ушел. Так что я вам эту идею дарю, и делайте с ней, что хотите... А я найду что-нибудь новенькое и непременно вас разыщу... Поклон Зерчанинову.

— Всегда завидую людям, украшающим собственное существование...

— Када уно эс артифисе де су фортуна,— произнес он.

— Это по-какому?

— Это по-испански. Каждый — творец своего счастья.

— У нас есть аналогичная поговорка.

— Все народы различны и все аналогичны.

— А откуда вы знаете испанский?

— Обрывочные воспоминания далекого детства,— сказал он патетически...

В это время, завершив с моим приятелем необходимые формальности, из квартиры вышел «борец».

— Поехали, Вася,— бросил он.

— Э-э, да вы к тому же и не Константин? — разочарованно сказал я.

— Для кого как...

И Большеголовый побежал вниз по лестнице...

...Вот теперь я ставлю окончательную точку. К шахматным «писаниям» вернусь, думаю, не скоро, если вообще вернусь... Легенда Аршака Артемьевича и прыгскокинг меня пока не покидают, и, возможно, я их со временем оседлаю. Тогда я предложу моему другу Зерчанинову разделить со мной все радости и тяготы нового творческого сотрудничества, если, конечно, выяснится, что мы за время этой работы не окончательно осточертели друг другу, подобно героям этой трехлетней шахматной драмы.

1984 — 1987 гг.

В ПОВТОРНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ...
(вместо заключения)

Сегодня техника позволяет нам еще и еще раз наблюдать целиком или фрагментарно наиболее интересные поединки и соревнования с помощью повторного изображения. В шахматах этот метод существует давно и называется диаграммой. Мы попросили международного мастера Анатолия Быховского смонтировать краткий «видеоповтор» из наиболее острых моментов всех четырех матчей. А. Быховский с удовольствием не отказал в нашей просьбе, тем более что он старший тренер молодежной сборной СССР и оба героя книги, как говорится, в свое время «прошли через его руки»...

МАТЧ ПЕРВЫЙ

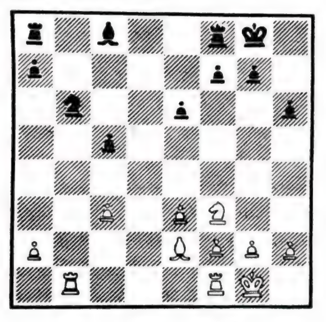
Москва, 10 сентября 1984 г.— 9 февраля 1985 г.

Сыграно 48 партий. Третью, шестую, седьмую, девятую и двадцать седьмую партии выиграл А. Карпов. Тридцать вторую, сорок седьмую и сорок восьмую — Г. Каспаров.

Двадцать седьмая партия

КАРПОВ — КАСПАРОВ

5:0 — таким стал счет матча после этой партии. Она характерна для несколько загадочного стиля игры Карпова.

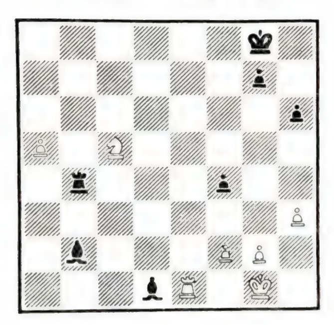

17. Лfcl! Этот, на первый взгляд, малопонятный ход — начало глубоко задуманного плана. 17... Cb7 18. Kpfl Cd5 19. Лb5 Kd7 20. Лa5! Лfb8 21. c4 Cc6 22. Kel! Лb4 23. Cdl! Удивительная позиция. Почти все белые фигуры расположились на первой горизонтали, но тем не менее черные беззащитны. 23... Лb7 24. f3 Лd8 25. Kd3 g5 26. Cb3 Kpf8 27. K:c5 K:c5 28. Л:c5 Лd6 29. Kpe2 Kpe7 30. Лdl Л:dl 31. Kp:dl Kpd6 32. Лa5 f5 33. Kpe2 h5 34. e4 fe 35. fe C:e4 36. Л:g5 Cf5 37. Kpe3 h4 38. Kpd4 e5+ 39. Kpc3 Cbl 40.

a3 Ле7 41. Лg4 h3 42. g3 Ле8 43. Лg7 Лf8 44. Л:а7 Лf2 45. Kpb4 Л:h2 46. c5+ Kpc6 47. Ca4+ Kpd5 48. Лd7+ Kpe4 49. c6 Лb2+ 50. Kpa5 Лb8 51. c7 Лc8 52. Kpb6 Kpe3 53. Cc6 h2 54. g4 Лh8 55. Лdl Ca2 56. Лel+ Kpf4 57. Ле4+ Kpg3 58. Л:е5 Кр:g4 59. Ле2. Черные сдались.

Сорок первая партия

КАРПОВ — КАСПАРОВ

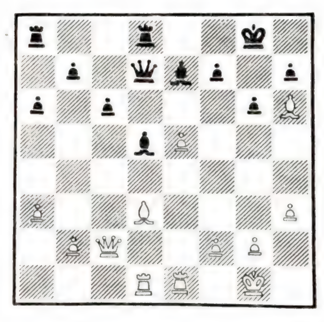

Сыграй сейчас Карпов 33. а6!, и, возможно, история шахмат была бы иной. Во всяком случае, Каспаров мог бы претендовать на шахматную корону лишь через три года. Не видно хорошей защиты за черных. Например, 33... Cb3 34. K:b3 Л:b3 35. Ле8+ и 36. а7. Или 33... Ca4 34. a7 Cc6 35. Ле6 Cd5 36. Лd6.

Однако белые сделали напрашивающийся ход 33. Л:dl? и встреча закончилась вничью: 33... Cd4 34. Ke6 Ca7 35. Лd7 Лbl+ 36. Kph2 C:f2 37. K:f4 Лаl 38. Ke6 Л:а5 39. Л:g7+ Kph8 40. Лf7 Ce3 41. Kpg3 Cd2 42. Лd7 Cc3 43. Kpf3 Kpg8 44. Kf4 Лf5 45. Kpe4 Лf7 46. Лd8+ Kph7 47. Лd3 Ле7+ 48. Kpf3 Cb2 49. Лb3 Ccl 50. Kd5 Ле5 51. Kf6+ Kpg6 52. Ke4 Лf5+ 53. Kpe2 Ле5 54. Лb4 Ле7 55. Лc4 Ле8 56. g3 Cb2 57. Kpf3 Ле6 58. Лc5 Cd4 59. Лd5 Ce5 60. Лb5 Cc7 61. Лc5 Cb6 62. Лc8 Cd4 63. Лg8+ Cg7 64. h4 Лa6 65. Kpf4 Лa5 66. Ле8 Лf5+ 67. Kpe3 Ле5 68. Лg8 Ле7 69. Kpf4 Лf7+ 70. Kpg4 h5+ 71. Kph3 Лf8. Ничья.

Сорок восьмая партия

КАСПАРОВ — КАРПОВ

Этой партии суждено было стать последней в матче.

22. e6! fe 23. C:g6 Cf8 24. C:f8 Л:f8 25. Ce4 Лf7 26. Ле3 Лg7 27. Лdd3! Нестандартная атака тяжелыми фигурами с использованием 3-й линии (М. Таль) 27... Лf8 28. Лg3! Kph8 29. Фс3 Лf7 30. Лde3! Kpg8 31. Фе5 Фс7 32. Л:g7+ Л:g7 33. C:d5 Ф:е5 34. C:e6+ Ф:е6 35. Л:е6 Лd7 36. b4 Kpf7 37. Ле3 Лdl+ 38. Kph2 Лcl 39. g4 b5 40. f4 c5 41. bc Л:c5

42. Лd3 Kpe7 43. Kpg3 a5 44. Kpf3 b4 45. ab ab 46. Kpe4 Лb5 47. Лb3 Лb8 48. Kpd5 Kpf6 49. Kpc5 Лe8 50. Л:b4 Лe3 51. h4 Лh3 52. h5 Лh4 53. f5 Лhl 54. Kpd5 Лdl+ 55. Лd4 Лel 56. Kpd6 Лe8. (Задача белых осложнялась ходом 56... Лgl) 57. Kpd7 Лg8 58. h6 Kpf7 59. Лc4 Kpf6 60. Лe4 Kpf7 61. Kpd6 Kpf6 62. Лe6+ Kpf7 63. Лe7+ Kpf6 64. Лg7 Лd8+ 65. Kpc5 Лd5+ 66. Kpc4 Лd4+ 67. Kpc3. Черные сдались.

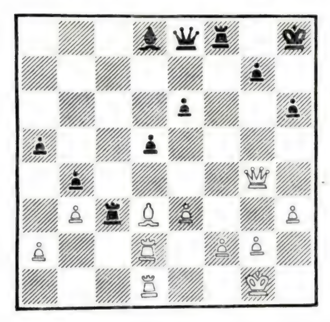
МАТЧ ВТОРОЙ

Москва, 3 сентября — 9 ноября 1985 г.

Сыграно 24 партии. Первую, одиннадцатую, шестнадцатую, девятнадцатую и двадцать четвертую партии выиграл Г. Каспаров. Четвертую, пятую и двадцать вторую — А. Карпов.

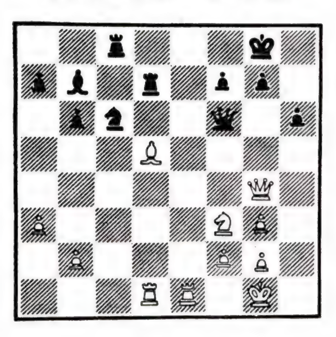
Четвертая партия

КАРПОВ — КАСПАРОВ

Характерная для Карпова партия. Поучительно проследить, как он последовательно увеличивает свое небольшое преимущество. 32. e4! Вскрытие игры на руку белым. 32... Cg5 33. Лc2 Л:c2 34. C:c2 Фc6 35. Фe2 Фc5 36. Лfl Фc3 37. ed ed 38. Cbl! Выясняется, что черные бессильны воспрепятствовать переводу белого ферзя на диагональ bl—h7, после чего он будет атаковать короля! 38... Фd2 39. Фe5 Лd8 40. Фf5 Kpg8 41. Фe6+ Kph8 42. Фg6 Kpg8 43. Фe6+ Kph8 44. Cf5 Фc3 45. Фg6 Kpg8 46. Ce6+ Kph8 47. Cf5 Kpg8 48. g3. У черных нет контригры, и белые, не торопясь, расставляют фигуры на оптимальные позиции. 48... Kpf8 49. Kpg2 Фf6 50. Фh7 Фf7 51. h4 Cd2 52. Лdl Cc3 53. Лd3 Лd6 54. Лf3 Kpe7 55. Фh8 d4 56. Фc8 Лf6 57. Фc5+ Kpe8 58. Лf4 Фb7+ 59. Лe4+ Kpf7 60. Фc4+ Kpf8 61. Ch7 Лf7 62. Фe6 Фd7 63. Фe5. Черные сдались.

Одиннадцатая партия
КАСПАРОВ — КАРПОВ

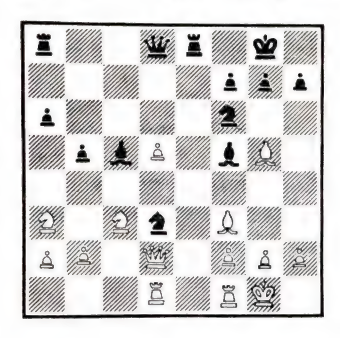

22... Лcd8?? Ошибки такого рода становятся со временем легендами. И они как бы сближают рядовых любителей с обитателями шахматного Олимпа: «И они тоже...» Наказание последовало незамедлительно: 23. Ф:d7! Л:d7 24. Ле8+ Крh7 25. Се4+. Черные сдались. После 25... g6 26. Л:d7 Са6 27. С:с6 они теряют еще и фигуру.

Шестнадцатая партия
КАРПОВ — КАСПАРОВ

«Я могу смело назвать эту партию своим самым выдающимся творческим достижением». Каспаров.

1. е4 с5 2. Kf3 е6 3. d4 cd 4. K:d4 Kc6 5. Kb5 d6 6. c4 Kf6 7. Kbc3 a6 8. Ka3 d5 9. cd ed 10. ed Kb4 11. Ce2 Cc5! Замечательная гамбитная идея. Каспаров не стремится к восстановлению материального равновесия путем 11... Kb:d5, а решает первоочередную задачу развития своих фигур 12. 0—0 (позднее было найдено, что сильнейшее за белых 12. Се3!) 0—0 13. Cf3 Cf5 14. Cg5 Ле8 15. Фd2 b5 16. Лad1 Kd3!

Последние ходы белых были вполне естественные, но именно они привели их к трудной позиции 17. Kab1 (Каспаров считает лучшим 17. d6) h6 18. Ch4 b4 19. Ka4 Cd6 20. Cg3 Лс8 21. b3. Черные добились полного контроля на доске. И все же они находят новые ресурсы. В бой идет пешка, прикрывающая короля. 21... g5! 22. C:d6 Ф:d6 23. g3 Kd7! Еще один сильный маневр. 24. Cg2 Фf6 25. a3 a5 26. ab ab 27. Фа2 Cg6 28. d6 g4! 29. Фd2 Крg7 30. f3 Ф:d6 31. fg Фd4+ 32. Крh1 Kf6 33. Лf4 Ke4 34. Ф:d3 Kf2+ 35. Л:f2 C:d3 36. Лfd2 Фе3 37. Л:d3 Лс1! Очень красиво. 38. Kb2 Фf2 39. Kd2 Л:d1+ 40. K:d1 Ле1+. Белые сдались.

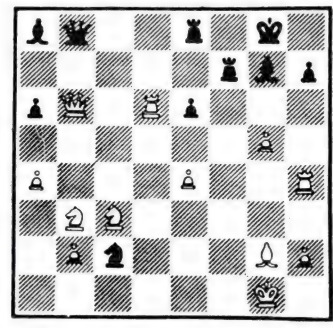
Двадцать четвертая партия

КАРПОВ — КАСПАРОВ

«Партия жизни». Каспаров.

«Определение стратегии на решающий поединок было для меня серьезной проблемой. Прямолинейная игра на ничью, как известно, чревата большими опасностями, к тому же отнюдь не соответствует моим шахматным воззрениям. Поэтому, отбросив все колебания, я решил не уклоняться от принципиальных продолжений, принять открытый бой. А в том, что Карпов пойдет вперед, можно было не сомневаться». Каспаров.

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 a6 6. Ce2 e6 7. 0—0 Ce7 8. f4 0—0 9. Kph1 Фc7 10. a4 Kc6 11. Ce3 Лe8 12. Cf3 Лb8 13. Фd2 Cd7 14. Kb3 b6 15. g4 Cc8 16. g5 Kd7 17. Фf2 Cf8 18. Cg2 Cb7 19. Лad1 g6 20. Cc1 Лbc8 21. Лd3 Kb4 22. Лh3 Cg7 23. Ce3. Более трудные задачи пришлось бы решать черным после решительного 23. f5! Теперь же Каспаров успевает защитить ключевой пункт f7. 23... Лe7! 24. Kpg1 Лce8 25. Лd1 f5! Переходя в контратаку 26. gf K:f6 27. Лg3 Лf7 28. C:b6 Фb8 29. Ce3 Kh5 30. Лg4 Kf6 31. Лh4. Карпов мог форсировать ничью, возвращаясь ладьей на g3. Но ведь ему нужна была только победа. 31... g5! 32. fg Kg4 33. Фd2 K:e3 34. Ф:e3 K:c2 35. Фb6 Ca8 36. Л:d6?

Ошибка, ведущая к поражению. 36. Ф:b8 Л:b8 37. Ch3! вело к обоюдоострой игре с примерно равными шансами.

36... Лb7! 37. Ф:a6 Л:b3 38. Л:e6 Л:b2 39. Фc4 Kph8 40. e5 Фa7+ 41. Kph1 C:g2+ 42. Kp:g2 Kd4+. Белые сдались.

«Свершилось..!» Каспаров.

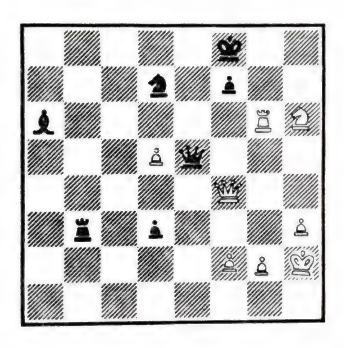
МАТЧ ТРЕТИЙ

Лондон — Ленинград, 28 июля — 8 октября 1986 г.

Сыграно 24 партии. Четвертую, восьмую, четырнадцатую, шестнадцатую и двадцать вторую партии выиграл Г. Каспаров. Пятую, семнадцатую, восемнадцатую и девятнадцатую — А. Карпов.

Шестнадцатая партия
КАСПАРОВ — КАРПОВ

Одна из наиболее сложных партий, сыгранных соперниками между собой. Достаточно сказать, что ее анализу в книге Каспарова «Два матча» посвящено 24(!) страницы. И хотя сам Каспаров считает, что на фоне «полотен», оставшихся за кадром, осуществленная им заключительная комбинация выглядит кустарной поделкой, рискнем с ним не согласиться.

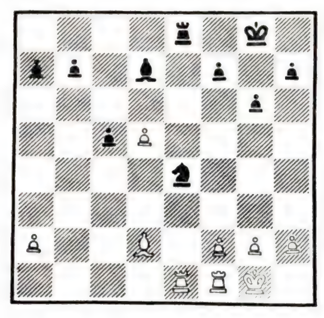

Казалось, атака белых зашла в тупик. Но последовало: 36. Лg8+ Кре7 37. d6+!! Парадоксально! Удар шахматного пехотинца оказался смертельным для черного ферзя. Далее было 37... Кре6 38. Ле8+ Крd5 39. Л:е5+ К:е5 40. d7 Лb8 41. К:f7. Черные сдались.

После этой партии Каспаров опережал Карпова на три очка. И вряд ли кто сомневался в том, что он отстоит звание чемпиона. Быть может, лишь только Карпов.

Девятнадцатая партия
КАРПОВ — КАСПАРОВ

И в самом деле, экс-чемпион мира сумел сделать, казалось, невозможное. Он выиграл подряд три партии.

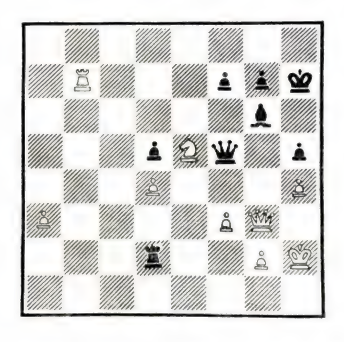

Черные грозят 25... К:d2 и 25... Сb5, но у белых находится сильное продолжение. 25. Сf4! Сb5 26. f3! g5 (оказывается плохо 26... С:f1 27. Кр:f1 Кf6 28. Л:е8+ К:е8 29. Се5! и черные будут вынуждены отдать коня за пешку «d»).

27. С:g5 (27... К:g5 28. Л:е8+ С:е8 29. h4 и т. д.) С:f1 28. Кр:f1 Кd6 29. Се7 Кс8 30. С:с5 Лd8 31. Ле5 f6 32. Лf5 b6 33. Сd4 Ке7 34. С:f6 Л:d5 35. Лg5+ Л:g5 36. С:g5 Кс6 37. Кре2 Крf7 38. Крd3 Кре6 39. Крс4 Ке5+ 40. Крd4 Кс6+ 41. Крс4. Черные сдались.

Двадцать вторая партия
КАСПАРОВ—КАРПОВ

Фактически эта встреча стала решающей в матче. (В двух последних большой игры не получилось).

В таком положении партия была отложена. При доигрывании выяснилось, что Каспаров записал ход страшной силы: 41. Kd7!! Л:d4 42. Kf8+ Kph6 43. Лb4!! (Замысел белых проявляется в чистом виде в варианте, указанном Каспаровым: 43... Л:b4 44. ab d4 45. b5 d3 46. b6 d2 47. b7 d1Ф 48. b8Ф Фc1 49. K:g6 Ф:g6 50. Фh8+ Фh7 51. Фg:g7x!) 43... Лc4 44. Л:c4 dc 45. Фd6! c3 46. Фd4. Черные сдались.

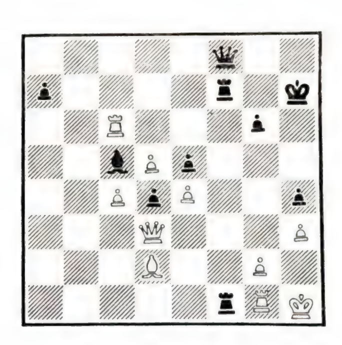
МАТЧ ЧЕТВЕРТЫЙ

Севилья, 12 октября—19 декабря 1987 г.

Сыграно 24 партии. Четвертую, восьмую, одиннадцатую и двадцать четвертую партии выиграл Г. Каспаров. Вторую, пятую, шестнадцатую и двадцать третью—А. Карпов.

Главные события матча произошли в двух последних партиях. Итак, счет матча был равным—11:11.

Двадцать третья партия
КАРПОВ—КАСПАРОВ

Положение очень сложное. При логичном развитии событий (например, 50... Cb4) исход встречи мог быть любым. Каспаров же идет на комбинацию, которая оказывается ошибочной.

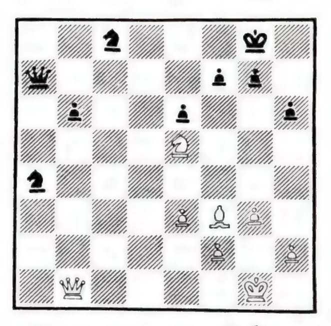
50... Л7f3?? 51. gf Л:f3 52. Лc7+ Kph8 53. Ch6!

Опровержение изящное, хотя и не очень сложное. 53... Л:d3 54. C:f8 Л:h3+ 55. Kpg2 Лg3+ 56. Kph2 Л:g1 57. C:c5 d3. Черные сдались.

Карпов был совсем близок к тому, чтобы возвратить звание чемпиона мира. Но через 21 час 30 минут началась последняя...

Двадцать четвертая партия

КАСПАРОВ — КАРПОВ

У черных пешкой больше, но зато их фигуры заняли крайне неудачные позиции. Сейчас Каспаров мог воспользоваться этим обстоятельством, сыграв 33. Фb5! От угрозы 34. Фe8+ нет удовлетворительной защиты. Например, 33... Крf8 34. Кc6 Фa8 35. Фd3!, или 33... Кd6 34. Фc6 Кf5 35. Фe8+ Крh7 36. К:f7 Кg6 37. Сe4. Не лучше и 33... Крh7 34. Кc6 Фa8 35. Фd3+ f5 36. Фd8 Фa6 37. Кb8 Фc4 38. Кd7 и нет защиты от 39. Кf8+. (Варианты указаны С. Макарычевым.)

В партии Каспаров осуществляет ту же идею, но не в точном исполнении. 33. Фd1! Кe7? (Ответная ошибка в сильном цейтноте. Значительно сильнее было 33... Кc5! 34. Фd8+ Крh7 и нельзя 35. Ф:c8 ввиду 35... Фa1+. Теперь же дела черных плохи.) 34. Фd8+ Крh7 35. К:f7 Кg6 36. Фe8 Фe7 37. Ф:a4 Ф:f7 38. Сe4 Крg8 39. Фb5 Кf8 40. Ф:b6 Фf6 41. Фb5 Фe7. В этом положении партия была отложена. При доигрывании Каспаров уверенно реализовал свое преимущество: 42. Крg2 g6 43. Фa5 Фg7 44. Фc5 Фf7 45. h4 h5 46. Фc6 Фe7 47. Сd3 Фf7 48. Фd6 Крg7 49. e4 Крg8 50. Сc4 Крg7 51. Фe5+ Крg8 52. Фd6 Крg7 53. Сb5 Крg8 54. Сc6 Фa7 55. Фb4 Фc7 56. Фb7 Фd8 57. e5 Фa5 58. Сe8 Фc5 59. Фf7+ Крh8 60. Сa4 Фd5+ 61. Крh2 Фc5 62. Сb3 Фc8 63. Сd1 Фc5 64. Крg2. Черные сдались.

Литературно-художественное издание

Аркадий Михайлович Арканов
Юрий Леонидович Зерчанинов

Сюжет с немыслимым прогнозом
(Белая и черная шахматная книга)

Фото
Д. Донского,
Б. Долматовского,
Б. Кауфмана,
А. Креймера,
Н. Боташева

Заведующий редакцией
В. Л. Штейнбах
Редактор
В. Я. Шабельникова
Младший редактор
А. Ю. Матвеева
Художественный редактор
А. В. Амаспюр
Технический редактор
Е. И. Блиндер
Корректор
С. Н. Замула

ИБ № 2488

Сдано в набор 9.03.88. Подписано к печати 24.10.88. А 01668. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура Гельветика. Офсетная печать. Усл. п. л. 8,40+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 8,93. Уч.-изд. л. 9,25+1,35 вкл. Тираж 100 000 экз. Издат. № 8097. Зак. 2639. Цена 95 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

95 коп.